
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 10, № 1, 2018

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF HUMANITIES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 10, Number 1, 2018

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2018

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2018

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 10, № 1, 2018, 260 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Russian Journal of Humanities, Volume 10, Number 1, 2018, 260 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор

кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоенков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор ка-

федры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Мишченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав.

кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор

кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology,

Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan

State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archaeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-12-25

УДК 90/99

ПРОИЗВОДСТВО ПРОТИВОТАНКОВЫХ БОЕПРИПАСОВ В СССР НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Балыш А.Н., Хартова Е.С.

Цель. Неудачи Красной Армии в начальный период войны – тема уже давно вызывающая повышенный интерес со стороны исследователей и общественности. Вопрос не теряет своей актуальности, как из-за многогранности самой проблемы, так и из-за того, что в научный оборот постоянно вводятся все новые факты и материалы. Статья посвящена исследованию одной из причин неудач Красной Армии во второй половине 1941 г. – слабой защищенность наших войск от танковых ударов со стороны противника. Автор ставит целью раскрыть причины неудовлетворительного снабжения войск необходимыми противотанковыми боеприпасами накануне войны, особенно к 76-мм дивизионному орудью РККА, оказавшемуся единственно эффективным способом борьбы со всеми типами вражеских танков летом-осенью 1941 года, в том числе и с танками с усиленной броневой защитой.

Метод или методология проведения работы. Теоретико-методологической основой работы являются общие принципы историзма и объективности. В соответствии выдвинутой целью исследования автор использовал и частные исторические методы: логический, системный, хронологический, актуализации, периодизации. Статья написана на основе архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном военном архиве (РГВА), которые впервые

вводятся в научный оборот. Также при написании статьи были использованы и сборники опубликованных по теме Великой Отечественной войны документов.

Результаты. С помощью данных документов и материалов показаны особенности работы снарядостроительных и корпусных заводов наркомата боеприпасов СССР в области производства броневой боеприпасов в 30-е – начале 40-х гг. XX века, а также влияние этих особенностей на степень обеспеченности броневой боеприпасами частей Красной Армии накануне войны и в ходе боевых действий на разных участках советско-германского фронта. Делается вывод о том, что неудовлетворительное положение дел в области производства противотанковых снарядов в предвоенные годы стало одной из главных причин поражений Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны.

Область применения результатов. Практическая значимость работы определяется тем, что вводимые в научный оборот новые архивные данные и сформированные в статье выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении различных аспектов не только темы неудач Красной армии в начальный период войны, но и истории Отечества советского периода в целом.

Ключевые слова: Броневые снаряды; наркомат боеприпасов; противотанковая артиллерия; тротил; наркомат обороны; военные округа.

MANUFACTURING OF ANTI-TANK AMMUNITION IN THE USSR BEFORE AND AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Balys A.N., Khartova E.S.

Aim. The Red Army failures within the initial period of the war are of great interest for historical community. The problem is topical since lots of new facts and materials become available for scientific investigation.

The Soviet troops were weakly protected against enemy's armor thrusts and it was one of the reasons of the Red Army failure at the 2nd part of the 1941 which is described in this article. Author's aim is to understand why the Soviet troops were improperly supported by anti-tank ammunition before the war. Especially it was related to 76-mm divisionary gun which was the only effective mean for fighting against all types of enemy tanks during summer-autumn 1941 including hardly armored ones.

Methodology. *General principles of historism and objectivity are the theoretical-methodological base of this work. Author also use special historical methods: logic, systematic, chronological, actualisation and periodizing. For the first time archive materials related to the mentioned problem and storing in the Russian State Archive and the Russian State Military Archive are used for scientific investigation. Collections of historical documents related to the Great Patriotic War are also used.*

Results. *Activity of ammunition filling and body plants of the USSR People's Commissariat for Defense in the field of armor-piercing projectiles manufacturing in 30th and at the beginning of 40th years of XX century are examined with the help of mentioned documents and materials. It is also studied how this activity influenced onto Red Army provision by armor-piercing projectiles before and during the War at different segments of Russian-German front. We made a conclusion that poor situation in the field of anti-tank ammunition manufacturing in pre-War years was one of the main reasons of the Red Army failure at the beginning of the Great Patriotic War.*

Practical application. *The new achieve data and shown results can be used both for further studying the Red Army failures at the first stage of the war and the Soviet period of Russian history in general.*

Keywords: *armor-piercing projectiles; People's Commissariat for Ammunition; tank-destroyer artillery; trolol; People's Commissariat for Defense; military command regions.*

Введение

Великая Отечественная война – это наши боль и трагедия, слава и гордость, подвиг и Победа. Эта тема всегда будет важна для на-

шего общества. Поэтому объективное освящение событий Великой Отечественной войны крайне необходимо и от десятилетия к десятилетию становится все более актуальным в связи с неоднократно предпринимавшимися попытками разных сил навязать обществу свои не всегда верные оценочные представления о тех или иных событиях той великой войны.

На ход боевых действий оказали большое влияние значительное количество факторов. Одним из таких значимых факторов стало развитие в 30–40-е гг. XX века советской промышленности боеприпасов. Эта тема еще дожидается своих исследователей, так как изучена не совсем достаточно – советские и российские историки и исследователи традиционно не уделяли ей такого внимания, какое уделяли, например, вопросам развития отечественных самолетостроения, танкостроения, артиллерии, стрелкового оружия.

Уже Первая мировая война показала, что на полях сражений огромную роль будут играть танки. В связи с этим, изобретения и дальнейшее совершенствование противотанковых снарядов стало одним из важных направлений в развитии промышленности боеприпасов каждой индустриально развитой страны того времени. Подобные работы проводились и в СССР, но, как оказалось, в недостаточном объеме.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой работы являются общие принципы историзма и объективности. В соответствии выдвинутой целью исследования автор использовал и частные исторические методы: логический, системный, хронологический, актуализации, периодизации.

Статья написана на основе архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном военном архиве (РГВА), которые впервые вводятся в научный оборот. Также при написании статьи были использованы и сборники опубликованных по теме Великой Отечественной войны документов.

Результаты и обсуждение

Одной из главных проблем для РККА в начальный период войны и, особенно, во второй половине 1941 г., стала борьба с немецкими танками, которая должна была вестись посредством противотанковой артиллерии. К 1941 г. на вооружении РККА находились два вида артиллерийских систем, предназначенные, в том числе, и для противотанковой обороны: 45-мм батальонная противотанковая пушка (ПТП) обр. 1932 и обр. 1937 гг., а также 76-мм дивизионная пушка обр. 1902/30, обр. 1936 и обр. 1939 гг. Для обеих систем имелись соответствующие аналоги в виде танковых орудий, обладавших такой же баллистикой.

Единственным противотанковым боеприпасом в СССР накануне войны для полевых и танковых пушек являлся бронебойный снаряд. Следовательно, от положения дел в области производства 45- и 76-мм бронебойных снарядов (особенно, как показала война, 76-мм бронебойных снарядов) в предвоенный период напрямую зависели результаты боевых действий на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Производство 45-мм бронебойных снарядов во второй половине 1930-х гг. было налажено неплохо. Вместе с тем в отношении 76-мм бронебойного снаряда существовал один нерешенный вопрос – слабая инициирующая способность штатного взрывателя МД-5. К середине 1930-х гг. единственным способом снаряжения бронебойных снарядов взрывчатым веществом тротилом являлся метод заливки. Однако, в отличие от 45-мм калибра, начальный импульс взрывателя МД-5 был слишком слаб для того, чтобы вызвать детонацию литого тротилового разрывного заряда в бронебойном снаряде 76-мм калибра [7, л. 4]. Соответственно, требовалось перейти к иной форме снаряжения данного типа боеприпаса, например, прессованием. Однако, способ снаряжения снарядов методом прессования находился только в стадии предварительной разработки. Окончательно он был доработан в 1939 г. и стал осваиваться в валовом производстве лишь с начала 1940 г. [3, л. 49].

Таким образом, по объективным причинам, возможности для массового изготовления 76-мм бронебойного снарядов – крайне необходимого для РККА боеприпаса в условиях усиления Германией броневой защиты своих танков – появились в Советском Союзе достаточно поздно: только на второй год Второй мировой войны. В связи с этим крайне важным являлось размещение производства элементов 76-мм артиллерийского бронебойного выстрела, и, особенно, его снаряжение, на самых лучших заводах наркомата боеприпасов СССР (НКБ СССР). Однако, все произошло с точностью до наоборот. В частности, самый ответственный этап производства – снаряжение – был поручен снаряжательному заводу № 55 НКБ СССР, находившемуся в г. Павлограде Днепропетровской области УССР.

Снаряжательный завод № 55 являлся одним из наиболее неблагополучных в плане производительности и трудовой дисциплины снаряжательных заводов наркомата. Так, в частности, завод в массовых количествах производил некондиционную продукцию, браковавшуюся военпредом. Забракованные после прохождения контроля военпреда снаряды завод складировал под открытым небом, и, в место того, что бы выплавлять из их корпусов ВВ, вычищать и вновь пускать корпуса в производство, оставлял гнить, а для выполнения плана требовал себе поставки новых партий корпусов. Однако и эти поступающие корпуса, завод оказывался не в состоянии использовать. В результате, за полтора года – с начала 1939 и по середину июля 1940 г. – на заводе скопилось 708 675 неиспользованных корпусов, из которых 285 000 корпусов (40,21%), в том числе 237 000 из стали и высоколегированной стали, пришли в полную негодность по причине небрежного хранения [8, л. 235]. «Имея в виду тяжелое положение с металлом и готовыми корпусами и высокую их стоимость, – с возмущением отмечал в своем письме в Особый отдел ГУГБ НКВД СССР от 3 августа 1940 г. начальник 3-го отдела ГАУ РККА военный инженер 1-го ранга И.А. Герасименко – такие действия завода надо рассматривать как антигосударственное, как хищническое, несоветское отношение к государственному и, тем более, оборонного значения имуществу» [9, л. 37].

Размещение в начале 1940 г. именно на таком заводе снаряжения новой, еще нигде в СССР не освоенной номенклатуры – 76-мм бронебойного снаряда, не могло, разумеется, способствовать быстрому освоению снаряжения и налаживанию массового выпуска этого боеприпаса. Так, в 1940 г. завод № 55 по плану должен был снарядить 155 000 76-мм бронебойных снарядов. Однако, за первые 10 месяцев завод сдал военпреду всего лишь 20 000 снарядов [5, л. 64]. Основной причиной невыполнения планового задания, как и в отношении других номенклатур, являлся брак – за июль месяц, например, при снаряжении заводом всего 5000 76-мм бронебойных снарядов, контроля военпреда не прошли 4000 снарядов [9, л. 181]. Следствием такого положения вещей стало не только невыполнение плана, но также и скопление на заводе огромного числа неиспользованных снарядных корпусов из дорогой легированной стали. Уже к середине июля 1940 г. на территории предприятия находились 107 000 невостребованных корпусов к 76-мм бронебойным снарядам, 34 000 из которых по причине хранения под открытым небом пришли в негодность настолько, что не могли соответствовать требованиям ТУ даже после очистки их от ржавчины [8, л. 235].

Неспособность завода № 55 задействовать в производстве все поставляемые ему по плану корпуса для 76-мм бронебойных снарядов во многом сводила на нет результаты работы корпусных заводов НКБ, занимавшихся изготовлением данной продукции. С 1939 г. корпуса для 76-мм бронебойных снарядов производились на корпусных заводах №№ 70, 73 и 77 4-го Главного Управления (ГУ) НКБ. В целом, план 1939 г. по производству корпусов для 76-мм бронебойных снарядов – 188 000 штук – они выполнили только на 47,87%, изготовив 90 000 штук. Тем не менее, даже это небольшое количество не могло быть освоено снаряжательным заводом № 55. Следовательно, возникала насущная необходимость экстренно расширять мощности по снаряжению 76-мм бронебойного снаряда путем привлечения к этому других снаряжательных заводов. Однако, руководство НКБ в сложившейся ситуации посчитало более целесообразным сократить действующие мощности по изготовлению

самих корпусов, оставив их производство лишь на заводе № 73. Изготовление корпусов для 76-мм бронебойных снарядов на заводах № 70 и № 77 в 1940 г. фактически прекратилось. Это позволило избежать дальнейшего накопления и порчи на снаряжательном заводе № 55 неиспользуемых корпусов, что соответствовало интересам завода и 1-го ГУ НКВ в целом, но не интересам РККА, остро нуждавшейся в таком эффективном противотанковом боеприпасе, как 76-мм бронебойный снаряд.

Ситуация несколько изменилась в лучшую сторону в первой половине 1941 г., однако большого прогресса достичь не удалось. В результате, с января 1940 г. по 31 мая 1941 г. советская промышленность боеприпасов сумела изготовить лишь 150 000 единиц 76-мм бронебойных снарядов [4, л. 49]. Как показал опыт войны, это было ничтожно мало. Так, например, уже постановлением ГКО № 299сс от 28 июля 1941 г. потребность фронтов в 76-мм бронебойных снарядах была определена следующим образом: на август 1941 г. – 250 000 штук, на сентябрь 1941 г. – 400 000 штук [6, л. 209].

Таким образом, в области организации производства 76-мм бронебойного снаряда накануне войны были допущены серьезные просчеты. Из-за неспособности промышленности производить 76-мм бронебойные снаряды в нужном количестве, НКО уже в начале мая 1941 г. был вынужден ввести крайне низкую норму содержания бронебойных снарядов в составе боекомплекта к 76-мм дивизионной и танковой пушкам. Так, норма содержания бронебойных снарядов в боекомплекте к дивизионной пушке (140 выстрелов) составляла только 5,7% (8 снарядов), к танковой пушке – 27% (38 снарядов) [10, л. 204]. Исходя из такой нормы, общая потребность артиллерии в 76-мм бронебойных снарядах (неприкосновенный (НЗ) и мобилизационный (МЗ) запасы) определялась в 797 000 штук, хотя и могла быть удовлетворена лишь на 16%: к 1 мая 1941 г. в войсках имелось не более 132 000 76-мм бронебойных снарядов. При этом, в Ленинградском военном округе данных артиллерийских снарядов насчитывалось всего лишь 400 штук [10, л. 205], в Западном особом военном округе на одно дивизионное или танковое 76-мм орудие

приходилось 9 бронебойных снарядов, в Прибалтийском особом военном округе – 12 бронебойных снарядов. Что же касается Киевского особого военного округа, то согласно директиве начальника его штаба генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева от 29 апреля 1941 г. за № Д/0054, части округа обеспечивались бронебойными снарядами на каждую 76-мм дивизионную пушку по следующему расчету: стрелковые дивизии – по 6 выстрелов, мотострелковые дивизии – по 12 выстрелов. Танковые дивизии, имевшие в своем составе танки Т-34 и КВ, также вооруженные 76-мм пушками, получали по 13 снарядов на Т-34 и по 25 снарядов на КВ [15, л. 23].

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны 76-мм дивизионные и танковые пушки фактически оказались не обеспечены бронебойными снарядами. В результате, основная тяжесть борьбы с немецкими танками падала на 45-мм противотанковые пушки (ПТП) обр. 1937 г., обеспеченность которых бронебойными выстрелами, в отличие от 76-мм пушек, составляла 91% от всей потребности (с учетом НЗ и МЗ). Тем не менее, 45-мм ПТП далеко не всегда могли использоваться как эффективное средство борьбы с бронетехникой противника, особенно с такими его танками, как Т-3 и Т-4.

К 1 июня 1941 г. в войсках Вермахта насчитывалось 1957 танков Т-3 и Т-4, из которых около 1000 танков были модернизированы и имели лобовую броню толщиной 50 – 60 мм. Подавляющее большинство из этих машин предназначались для нападения на Советский Союз и были переброшены к советско-германской границе. В целом, к 22 июня 1941 г. в составе четырех танковых групп, подготовленных для вторжения в СССР, имелось 3332 танка, из них 1404 – танка Т-3 и Т-4 [11, л. 267].

76-мм бронебойный снаряд, выпущенный из 76-мм дивизионного или танкового орудия с дистанции 500 м пробивал броню толщиной 69 мм при угле встречи 90° и броню толщиной 56 мм при угле встречи 60° . Бронебойным 45-мм снаряд при тех же условиях пробивал броню толщиной 43 и 40 мм. Соответственно, против модернизированных Т-3 и Т-4 использовать 45-мм ПТП не представ-

лялось целесообразным: с этими танками могли справиться только 76-мм дивизионные или танковые орудия. Однако бронебойных снарядов к ним как раз и не было. Это не позволяло применять 76-мм пушки как эффективное средство противотанковой обороны и делало советские войска фактически беззащитными против атак немецких Т-3 и Т-4 с повышенной бронебойной защитой. В связи с этим, уже 1 июля 1941 г. начальник артиллерии Западного фронта генерал-лейтенант артиллерии Н.А. Клич докладывал начальнику Главного артиллерийского управления (ГАУ РККА) о том, что для борьбы с танковыми соединениями фронт остро нуждается в подаче бронебойных снарядов 76-мм калибра [12, с. 84–85]. О том же писал в своем докладе от 14 июля 1941 г. начальнику ГАУ и начальник артиллерии Юго-Западного фронта генерал-лейтенант артиллерии М.А. Парсегов. Он отмечал, что с первых же дней войны войска фронта резко начали ощущать нужду в 76-мм бронебойных выстрелах в борьбе с танками противника. При этом, по словам М.А. Парсегова, ненормальное обеспечение войск 76-мм бронебойными выстрелами продолжало сохраняться [13, с. 99–100].

В условиях острой нехватки бронебойных выстрелов немецкие танки пытались выводить из строя, ведя стрельбу осколочно-фугасными снарядами. Так, в своей директиве командующим войсками армий от 9 июня 1941 г., командующий войсками Западного фронта Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко предписывал при стрельбе из 76-мм орудий по танкам противника при отсутствии бронебойных снарядов вести огонь по гусеницам танка [12, с. 122]. Это, действительно, выводило гусеницы из строя. Однако попасть в такую узкую цель с дистанции 500–1000 м было чрезвычайно сложно. Поэтому, как докладывал начальник артиллерии Южного фронта генерал-майора артиллерии И.А. Устинов от 30 июля 1941 г. начальнику артиллерии РККА генерал-полковнику артиллерии Н.Н. Воронову: «все дивизионные пушки не имеют бронебойных снарядов, а огонь по танкам осколочно-фугасными снарядами эффекта не дает. Были случаи (в р-не Бар) после 6 прямых попаданий танк продолжал двигаться» [14, л. 105].

Заключение

Всю эффективность действия советских 76-мм дивизионных и танковых пушек немецкие танкисты стали познавать на себе, лишь со второй половины 1942 г., когда положение с производством 76-мм бронебойных снарядов начало постепенно улучшаться. Враг уважительно называл советские 76-мм дивизионную пушку «ратш-бум», так как выпущенный из нее снаряд попадал в цель быстрее («ратш!»), чем долетал звук выстрела («бум!») [1, с. 13]. Характерно, что на 1 января 1944 г. в истребительно-противотанковых артиллерийских соединениях и частях Резерва Верховного Главнокомандования насчитывалось 6692 орудия, из которых 5228 или 78,12% являлись именно 76-мм дивизионными пушками [2, с. 92].

Таким образом, из-за того, что советская промышленность боеприпасов не освоила перед Великой Отечественной войной выпуск в необходимых количествах 76-мм бронебойного снаряда, советская артиллерия во второй половине 1941 г. оказалась неспособна эффективно бороться с модернизированными типами средних вражеских танков. Это стало одной из главных причин того, что во второй половине 1941 г. – особенно в период с июля по октябрь – немецкие танки прорывали советскую оборону, когда и где это было нужно командованию Вермахта. Как следствие, немецкие танковые клинья при поддержке моторизованной пехоты по сходящимся направлениям проникали вглубь нашей обороны настолько далеко, что оказавшиеся в окружении советские войска не успевали выйти из окружения до того, как у них заканчивались боеприпасы, горючее, продовольствие. Поскольку линии коммуникаций и снабжения нарушались прорвавшимся противником, воевать становилось нечем. В итоге происходила массовая сдача в плен – только в ходе окружения наших частей под Киевом в сентябре 1941 г. в плен попали около 650 000 рядовых и офицеров РККА. Все это ухудшало положение на фронте в целом и привело к потере огромных территорий, которые потом пришлось возвращать в ходе упорных сражений второй половины 1942–1944 гг.

Список литературы

1. Драбкин А. Я дрался с Панцерваффе. М.: Язуза, Эксмо, 2007. 357 с.
2. Истребительно-противотанковая артиллерия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957. 280 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 8418, оп. 25, д. 25.
4. ГАРФ, ф. 8418, оп. 25, д. 159.
5. ГАРФ, ф. 8007, оп. 1, д. 76.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 644, оп. 1, д. 4.
7. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 20, оп. 24, д. 1458.
8. РГВА, ф. 20, оп. 26, д. 1352.
9. РГВА, ф. 20, оп. 26, д. 1353.
10. Макаров П.В. Деятельность Комитета Обороны при СНК СССР по развитию производства боеприпасов (1937 – июнь 1941 гг.): Дисс... канд. ист. наук, 07.00.02. М., 2000. 235 с.
11. Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус, Изд-во Эксмо, 2003. 517 с.
12. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск № 35. М.: Воениздат, 1958. 215 с.
13. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск № 36. М.: Воениздат, 1958. 114 с.
14. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск № 39. М.: Воениздат, 1959, С. 105.
15. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М.: Русская книга, 1992. 375 с.

References

1. Drabkin A. *Ya dralsya s Pantservaffe* [I fought with Panzerwaffe]. M.: Yauza, Eksmo, 2007. 357 s.
2. *Istrebitel'no-protivotankovaya artilleriya v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Anti-tank artillery during the Great Patriotic War]. M.: Voenizdat, 1957. 280 s.

3. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], f. 8418, op. 25, d. 25.
4. *GARF*, f. 8418, op. 25, d. 159.
5. *GARF*, f. 8007, op. 1, d. 76.
6. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social-Political History], f. 644, op. 1, d. 4.
7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 20, op. 24, d. 1458.
8. *RGVA*, f. 20, op. 26, d. 1352.
9. *RGVA*, f. 20, op. 26, d. 1353.
10. Makarov P.V. *Deyatel'nost' Komiteta Oborony pri SNK SSSR po razvitiyu proizvodstva boepripasov (1937 – iyun' 1941 gg.): Diss... kand. ist. nauk, 07.00.02* [State Defense Committee of Council of People's Commissars: activity for developing ammunition manufacturing (1937 – June 1941), Candidate's Dissertation in History, 07.00.02]. M., 2000. 235 s.
11. Myuller-Gillebrandt B. *Sukhoputnaya armiya Germanii 1933–1945 gg* [German ground army in 1933–1945]. M.: Izografus, Izd-vo Eksmo, 2003. 517 s.
12. *Sbornik boevykh dokumentov Velikoy Otechestvennoy voyny. Vypusk № 35* [Collection of military documents on the Great Patriotic War. Issue № 35]. M.: Voenizdat, 1958. 215 s.
13. *Sbornik boevykh dokumentov Velikoy Otechestvennoy voyny. Vypusk № 36* [Collection of military documents on the Great Patriotic War. Issue № 36]. M.: Voenizdat, 1958. 114 s.
14. *Sbornik boevykh dokumentov Velikoy Otechestvennoy voyny. Vypusk № 39* [Collection of military documents on the Great Patriotic War. Issue № 39]. M.: Voenizdat, 1959, S. 105.
15. *Skrityaya pravda voyny: 1941 god. Neizvestnye dokumenty* [Hidden truth of the war: 1941. Unknown documents]. M.: Russkaya kniga, 1992. 375 s.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Балыш Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

*Волоколамское шоссе, 4, г. Москва, Российская Федерация
andrej-balysh@yandex.ru*

Хартова Елена Сергеевна, старший преподаватель

*Московский авиационный институт (национальный исследо-
вательский университет)*

*Волоколамское шоссе, 4, г. Москва, Российская Федерация
kharтоваes@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Balys Andrey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

*Moscow Aviation Institute (National Research University)
4, Volokolamskoe shosse, Moscow, Russian Federation
andrej-balysh@yandex.ru*

Khartova Elena Sergeevna, Senior Lecturer

*Moscow Aviation Institute (National Research University)
4, Volokolamskoe shosse, Moscow, Russian Federation
kharтоваes@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-26-41

УДК 930+94(470.57)

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КРЕСТИНЫ КАК ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ 1920-Х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ БАШКИРИИ)

Галиева Ф.Г.

Целью статьи является анализ сведений о «революционных крестинах», которые практиковались в послереволюционный период в Башкирии, как и в других регионах России, они были направлены на формирование советской обрядности взамен традиционной.

Метод и методология проведения работы. Историко-сравнительный анализ позволяет выявить последствия политики молодой советской власти по внедрению новой обрядности. Комплексный анализ – изучить революционные крестины вкупе с другими обычаями того времени как череду общественно-политических мероприятий, направленных на унификацию этнических и конфессиональных обычаев, формирование советской общности и советской культуры.

Источниками для изучения революционных обрядов в Башкирии стали публикации в газетах «Власть труда» и «Красная Башкирия». (В архивных документах упоминания единичны.)

Результаты. Выявлено, что новый обычай назывался также «новые крестины», «коммунистические крестины», «красные крестины», «октябрины», «звездины», «крестины по-красному». Он представлял собой (наряду с красной свадьбой, комсомольским рождеством, комсомольским курбан-байрам и другими праздниками того времени) общественно-политическое мероприятие – собрание работников и (или) членов партии, комсомола, профсоюза, женсовета, других общественных организаций с лекциями о новом быте, задачах молодежи, вреде религии. На торжестве чествовались молодые родители, а новорожденный до совершеннолетия получал «культурное шефство» и «идейное воспитание». Революционные крестины (как и другие новые праздники) в Башкирии стали

проводиться осенью 1923 года, постепенно внедряясь в быт разных народов (русские, башкиры, татары, чуваш и др.), расширяя ареалы распространения (кантоны республики). Во второй половине 1920-х гг. прессой они перестают пропагандироваться в силу смены политического курса страны.

Область применения результатов – в образовательном процессе и научно-исследовательской работе.

Ключевые слова: красные обряды; революционные крестины; народы Башкирии; пресса 1920-х годов.

THE REVOLUTIONARY CHRISTENING AS THE PHENOMENON OF THE SOVIET CULTURE OF THE 1920s (REVIEW OF THE PRESS IN BASHKIRIA)

Galieva F.G.

The purpose of the article is to analyze the information about the “revolutionary christenings” that were practiced in the post-revolutionary period in Bashkortostan, as in other regions of Russia, and were aimed at the formation of Soviet rituals in place of the traditional.

Methodology. *The historical-comparative analysis makes it possible to reveal the consequences of the policy of the young Soviet government for introducing a new ritual. Complex analysis – to study revolutionary christenings, coupled with other customs of the time as a series of socio-political events aimed at the unification of ethnic and confessional customs, the formation of Soviet community and Soviet culture.*

Results. *It was revealed that the new custom was also called “new christenings”, “communist christenings”, “red christenings”, “octobrinas”, “zvezdiny”. It was (along with the red wedding, Komsomol Christmas, Komsomol kurban-bairam and other holidays of that time) socio-political event – a meeting of workers and (or) party members, the Komsomol, the trade union, the military commissariat, the women’s council, other public organizations with lectures on a new life, the tasks of youth, the harm of religion, at which young parents were honored,*

and the newborn was given “cultural patronage” until majority. Revolutionary christenings (as well as other red holidays) in Bashkiria began to be held in the autumn of 1923, gradually introducing themselves into the everyday life of different peoples (Russians, Bashkirs, Tatars, Chuvashs, etc.), expanding the distribution areas (cantons of the republic). In the second half of the 1920s. they cease to be propagated by the press because of a change in the political course of the country.

Practical applications – *‘in the educational process and research work.*

Keywords: *red rites; revolutionary christenings; people of Bashkiria; the press of the 1920s.*

Революционные крестины – обычай, внедряемый советской властью в быт народов России в послереволюционное время взамен традиционной обрядности. Вместо религиозного таинства крещения у православных, имянаречения у мусульман государство актуализировало собрания работников, членов партии, комсомола, профсоюзов, на которых чествовались молодые родители, а новорожденный получал «культурное шефство» и «идеологическое воспитание» до своего совершеннолетия. Целью статьи является восполнение историографического пробела, связанного с изучением данного уникального явления, во многом определившего ход развития обрядности в стране. Новизна работы в том, что до сих пор во многих регионах России этнографами изучается лишь традиционная культура народов (классический период до начала XX в.) и проявления традиционности в современных условиях. Автор рассматривает указанный период как страницу истории, в которой новые явления вступили в оппозицию или взаимодействие со старыми традициями, породили уникальные, не имевшие аналогов в мире эксперименты советской власти, изменили ход развития этнических культур. Историко-сравнительный анализ позволяет выявить последствия политики молодой советской власти. Комплексный анализ – изучить революционные крестины вкупе с другими обычаями того времени как череду общественно-политических мероприятий, направленных на унификацию этнических и конфес-

сиональных обычаев, формирование советской общности и советской культуры. В предыдущей публикации автора статьи [1] показано, что в Башкирии, как и в других регионах страны, в 1920-е гг. развернулась работа по проведению антирелигиозных кампаний. У русского населения проводились комсомольские рождество и пасха, день леса (в противовес троице), у башкир и татар – комсомольские ураза байрам, курбан байрам, мавлют байрам, у язычников-марийцев – комсомольские семик и кудо. Одновременно в быт разных народов внедрялись не только революционные крестины, но и красная свадьба, и гражданские похороны. Все они использовались для политической агитации, пропаганды нового быта и культуры, где нет места «пережиткам» прошлого. Признаками нового времени стали массовость и политизированность, даже если речь шла о семейном обряде. С целью привлечения народа, прежде всего молодежи, общественные праздники сопровождались народными гуляниями, зрелищными конкурсами и спортивными состязаниями, демонстрацией певческих и иных талантов. (Примерно так ныне проходят сабантуи в регионах страны и мира). Организовывались митинги, диспуты с пламенными речами, обсуждались задачи молодежи, исполнялись революционные песни и мелодии, иногда практиковались скромные безалкогольные застолья и танцы. Переформатирование сознания населения осуществлялось через лекции, на которых акцентировалось внимание на негативных сторонах традиционной обрядности («пьянство» во время православных праздников, «массовый убой скота» на курбан-байрам, «уничтожение леса» на троицу). Распространение новой обрядности шло из городов, где были сосредоточены идеологические кадры, в кантонные центры и далее в отдельные селения. Порядок проведения определяли директивы ЦК партии, на основе которых разрабатывались инструкции и циркулярные письма местного (Башкирского) обкома партии; те направлялись в районы, где создавались комиссии. В эти комиссии включались представители партии, комсомола, агитпропа, профсоюзов, национальных секций, заинтересованные лица. Кампании по проведению новых праздников в Башкирии начались в 1923 году.

(В 1921–1922 гг. в молодой республике стояла задача выживания в связи с сильнейшим голодом, охватившим регион.) Во второй половине 1920-х годов они перестали упоминаться в прессе и популяризоваться властями в силу смены политики государства.

Источниками для изучения революционных крестин в Башкирии стали преимущественно публикации в местной прессе – газете «Власть труда» (орган Башобкома ВКП(б), Башщика и Башпрофсовета) за 1923–1924 гг., в последующем – ее правопреемнике «Красная Башкирия». В архивных документах упоминания о революционных крестинах единичны. Причина в том, что в отличие от общенародных праздников они не могли массово и жестко внедряться в семейный быт партийными постановлениями и контролироваться властями. Документально известно, что революционные крестины впервые в Башкирии стали практиковаться осенью 1923 г. в рамках кампании «Быт». В Белебеевском кантоне Уфимской губернии в ноябре 1923 г. они организовывались дважды [19, л. 145 об.].

Наиболее ранние публикации о революционных крестинах носят агитационно-пропагандистский характер и знакомят читателей Башкирской республики с жизнью рабочих других регионов страны. Отказавшись от услуг священнослужителей, те проводят крестины по-новому, в рабочем коллективе: «В некоторых случаях рождение отмечается полусушутливой обрядностью “осмотра” младенца при участии фабзавкома и особого протокольного “постановления” для введения новорожденных в число граждан РСФСР. После этого открывают пирушку» [25]. В пример другим у них бывают не именины, а день рождения, они дают имя новорожденному не по святцам, а современные, выражающие связь с революцией: Владимир, Ильич, Ленин, Роза, Нинель [25].

По материалам газеты «Власть труда», впервые революционные крестины в Башкирии успешно прошли 2 октября 1923 года в Уфе, в столовой пивоваренного завода № 1, по случаю рождения дочери у кочегара Бочкарева. Общее собрание рабочих открыл председатель месткома. В состав избранного президиума вошли т. Бочарев и его жена, представитель областного отдела союза пищевиков

т. Пшенин, от райкома т. Кочетков, от завженотдела т. Красноперова, от комсомольской ячейки т. Дмитриев. Дочь навали Октябриной. Союз пишевииков для нее выдал членский билет, принял на себя «идейное воспитание» вплоть до полного совершеннолетия и вручил подарок [18].

В начале 1924 года «Власть труда» из номера в номер писала о новом обычае, называя его «революционные крестины», «новые крестины», «красные крестины», «коммунистические крестины», «крестины по-красному», часто «октябрины» в честь месяца победы революции, «пролетарские именины». Иногда – «звездины» в связи с проведением на сцене на фоне Красной Звезды, другой советской символики; звезда также прикладывалась к губам малыша (по аналогии с обычаем целовать православный крест).

По хронологии публикаций, 6 января в Белебее «по-новому крещены» дочь беспартийного служащего, а также сын и дочь партийца Васильева [17]. 10 января газета возмущалась по поводу того, что некоторые загсы, в том числе д. Нагаево Уфимского кантона, сотрудничают со священнослужителями на предмет крещения новорожденных [22]. 11 января писалось о совмещении в Давлеканово трех мероприятий – «коммунистических крестин», «комсомольской свадьбы» и празднования 5-летия местной организации РКП(б) [9]. 12 января красные крестины прошли в Уфе, в столярном цехе железнодорожных мастерских при участии около 400 рабочих: «проводили в гражданство» новорожденную дочь рабочего т. Буренкина. Дочери дали имя вождя мирового пролетариата «Ленин» с буквами в обратном порядке «Нинель». Комсомол заявил о зачислении ее в пионеры, местком и комсомольская ячейка приняли на себя заботу о воспитании, преподнесли небольшие подарки [14]. 16 января опубликованы сведения о красных крестинах сына сотрудника Уфимской страхкассы Н.С. Максимова, состоявшихся 13 января в 11 ч. в помещении Башнаркомтруда с участием представителей комсомола, женотдела, правления союза совработников, СПС и шефа комитета страхкассы [22].

5 февраля «Власть труда» обнародовала вопрос одного из читателей: «Нужны ли октябрины?» [10]. 10 февраля газета опублико-

вала ответы читателей. В большинстве они пишут об их необходимости «как одного из важнейших обрядов быта нового, имеющих агитационное значение и долженствующих вырвать трудовые слои населения из объятий религиозных и старобытовых условностей» [15]. Читатели отмечают не только агитационное, воспитательное, антирелигиозное, революционное, но и интернациональное значение нового обряда: «Они стирают грани между народами и приводят внутреннее содержание религиозных обрядов всех наций к единому знаменателю – полной ненужности. <...> Октябрины важны тем, что на них могут присутствовать все: и русские, и башкиры, и татары, обряд получается для всех национальностей один, и имена здесь даются такие общие, не относящиеся ни к одной религии и для всех трудящихся памятные. <...>. Новые обряды должны разрушать границы наций и религий, и устроят в конечном итоге тесную пролетарскую семью с одинаковым бытом, целями и задачами, которые легче и скорее выметут остатки старого капиталистического мусора и приведут к равенству и братству всех народов на земле» [15].

Рассуждая на страницах газеты об октябринах, местный железнодорожник и автор ряда публикаций Бендер выделяет среди рабочих две группы. Одни несут детей на октябрины из революционной сознательности, вторые – из выгоды получить от шефов мануфактуры, иногда и деньги. Бендер предлагает в целом сохранить ритуал, но отказаться, во-первых, от практики назначать восприемников, так как это напоминает церковные крестины, во-вторых, от зачисления новорожденного в РКП, так как мнение ребенка, пока он растет, может меняться, в-третьих, от зачисления в штат предприятия или учреждения родителей ребенка из-за бесхозяйственности. Следует церемонию октябрин, часто называемую «пролетарскими крестинами», называть «пролетарскими звездами», устраивать их на общих собраниях и служащих, и всегда сопровождать докладами на антирелигиозную тему [15].

В феврале впервые революционные крестины зафиксированы у представителей тюркского населения (башкир и/или татар). 15 февраля в ячейке РКП при Башкике прошли «пролетарские име-

нины» сына беспартийного чернорабочего Латыпова и беспартийной жены Хазбизямалы. Доклады о новом быте сделали на русском (т. Куликов) и «татаро-башкирском» языках (тт. Юсупов, Ашимов и Джагафарова). С согласия родителей малышу дали имя Кюраш (Борьба). Молодого гражданина партийная ячейка приняла под свое «культурное шефство» [8]. В тот же день, 15 февраля, пресса дала анонс о предстоящих в местной партийной ячейке октябринах дочери секретаря месткома Башнаркомтруда и горстрахкассы т. Горбачева. Газета сообщила о том, что на заседании месткома было решено дать имя новорожденной Лениной (в память о Ленине), а фамилию – Месткомовская (в знак получения отцом профессионального знания в месткоме). «Власть труда» также отметила, что это второй случай октябрин на их предприятии с начала текущего года [21]. 17 февраля в здании рабфака первым вопросом общего собрания 1-го райкома РКСМ прошли октябрины сына беспартийного рабочего г. Уфы Зыкова. Под продолжительные аплодисменты ему дали имя Владимир в память о вожде [3].

28 марта в помещении библиотеки лесозавода «Красный деревоотделочник» на объединенном заседании ячейки РКП(б) рабочих и служащих завода в присутствии от 1-го горрайкома РКП(б), союза молодежи и женотдела совершены октябрины – «введена в трудовую династию» – дочь беспартийного рабочего Малышева Василия Васильевича и его жены Марии Павловны. Дочери дали имя Роза в память о Розе Люксембург, вожде германского пролетариата. Местная ячейка партии приняла над новорожденной «культурное шефство» [26].

В середине и во втором полугодии 1924 г. ареал распространения революционных крестин расширился географически, охватывая не только рабочих [4] и служащих [13; 24], но отчасти и крестьян. В июле в с. Архангельское красные крестины проходили так: «Под звуки Интернационала поднимается занавес. Председатель бюро открывает октябрины. Делаются два доклада: первый о крестинах нового времени и второй о воспитании ребенка. Особенно торжественно прошел момент, когда ребенку дали имя. По желанию ро-

дителей девочку назвали Роза в честь и память Розы Люксембург. В заключительном слове один из докладчиков кратко рассказал автобиографию Розы Люксембург и почему чтят ее память. Это были первые красные крестины в Архангельском, которые показали крестьянам, что «можно обойтись без купелей и глупых бормотаний попа» [28]. В конце июля по-новому праздновали рождение ребенка в Бижбулякском кантоне, в помещении читальни: «Крестьяне очень интересовались новыми крестинами и, несмотря на рабочую пору, собрались со всей деревни. Было устроено несколько докладов о новом быте. Ребенка назвали Лениным. Крестьяне, присутствовавшие на октябринах, говорили: — Вот так-то лучше! Это не то что поп ребенка в холодную воду кунает и ерунду каку-то бормочет. ВИК ввиду бедности родителей принял над новорожденным шефство» [2]. Еще одно сообщение – из села Бижбуляк, вероятно связанное с чувашами: «Крестьянка Петрова Мария своего ребенка принесла на партийное собрание и попросила окрестить по новому быту. Имя дали Ленин. Шефство взяли ВИК и РЛКСМ» [5]. В кантонном центре Ток-Чуран (ныне Оренбург. обл.), судя по материалам газеты, первые октябрины состоялись в начале сентября 1924 г. Дочери супругов Ильиных дали имя Ревмира (революционный мир в сокращении). «Крещение» проходило в местной библиотеке, где собрались комсомольцы и местные жители. На заседании присутствовали представители от ВИКа (Волостного исполнительного комитета), Волкома РКП(б), Волкома РЛКСМ, профсоюза и женотдела. Прозвучали доклады о значении октябрин для Советской России, «о разнице с поповскими, теперь умирающими, крестинами с их колдовством и обманом». «Ячейка взяла шефство над Ревмирой и тут же зачислила ее кандидатом РЛКСМ, вручив ей значок Ленина, с наказом ее родителям вырастить и воспитать честную пролетарскую гражданку» [11].

В сентябре 1924 г. «крестины по-красному» прошли в с. Топорнино Уфимского кантона. Ребенка назвали Рэм, что значит «Революция, электрификация мира». Доклады были о нови, обычаях семьи. Отец ребенка рабочий госмельницы Мальковский и его жена

обещали воспитать ребенка в коммунистическом духе [25]. В ноябре 1924 г. в пос. Балакар Преображенской волости Зилаирского кантона сыну крестьянина дали имя Владимир, и «это второй случай октябрин в волости» [6]. В декабре получили известность октябрины, прошедшие в рабочем клубе, сына (имя не сообщается, видимо, традиционное) агента железнодорожной охраны ст. Миньяр Х. Ахибутдинова, который обратился с просьбой в местком. Комсомольская ячейка взяла шефство над ребенком. В конце церемонии была поставлена пьеса [7].

Революционные крестины у тюркского населения зафиксированы исключительно в среде рабочих или служащих, в многоэтнической рабочей среде как подражание русским. В одной из публикаций, посвященной «революционным крестинам» на заводе «Красный ключ», конкретно сообщается: новый обряд так понравился двум башкирам, что они тоже решили его провести, детей назвали Рэм и Октябрина. Русские назвали детей Ким и Май [15]. Еще одно имя для новорожденного, получившее известность в то время – Рид – в честь автора книги «10 дней, которые потрясли весь мир» Джона Рида [20].

Название «красные (революционные) крестины» в ряде случаев способствовало замене религиозного ритуала новым. По одной из публикаций, подобно тому, как каждый православный человек стремился быстрее окрестить своего ребенка, особенно слабого, так и некоторые люди торопились провести октябрины: «У рабочего одного родился плохонький ребенок. Отец прибежал в профсоюз, запыхавшись: “Скорее устраиваете октябрины, а то умирает ребенок”. (Как к попам прежде бегали в таких ситуациях!) В общем, все наши октябрины, красные свадьбы перешли в обычай, в обряд, так же, как и в церквях. Ничего нового не дают, надоели, а многие все-таки считают: если не октябрился, значит “нехристь”. Обязательно надо октябрить, а то, дескать, чего-то не хватает» [29]. Такая ситуация не могла касаться всего православного населения республики, возможно были отдельные примеры, описанные в прессе. Но в городах в 1925 г. октябрины скорее всего действительно проводились массово, при непосредственном участии комсомола, который по обраще-

нию людей выделял для торжества своего представителя, духовой оркестр, отряд с барабаном (!). В марте 1925 г. встал вопрос о том, что от октябрин в городах пора избавляться, они мешают работать райкомам комсомола, «надоели», и вообще люди «заоктябрились»: «В 1 райкоме РКСМ каждый день поступают бумажки: “Просим выслать представителя на октябрины”. “Пришлите отряд с барабаном (веселее?) на октябрины. Дайте духовой оркестр” и т.д. и т.п. Прямо невтерпеж. Хоть создай подотдел октябрин. Комсомол – второй загс. На свадьбы тоже давай представителей и оркестр. Умер кто, тоже давай... А на днях мне пришлось зайти в женотдел 1-го района, там сидят двое и пишут (на бланках, отпечатанных на машинке) акты об октябринах. Сидит делегатка и бредит: назвали Лена, это значит в честь Ленского расстрела, или как? И пишут эти акты без конца. В неделю раз обязательно октябрины устраиваются» [29]. В заключение заметки делается вывод о целесообразности проведения октябрин, а также красных свадеб, лишь в деревнях, где их раньше не было, с целью антирелигиозной пропаганды и борьбы за новый быт [29].

Выводы

Таким образом, пресса уделяла большое значение пропаганде новой обрядности как одному из способов «разрушения границ наций и религий». Новый обычай назывался «революционные крестины», «новые крестины», «коммунистические крестины», «красные крестины», «октябрины», «звездины», «пролетарские звездины», «крестины по-красному», «пролетарские именины». Местами их проведения были заводские столовые, цеха железнодорожных мастерских, библиотеки, читальни. В президиум собрания наряду с руководителями партии, комсомола, военкома, профсоюзов, женсовета приглашались молодые родители. Звучали доклады о новом быте, воспитании детей, роли женщин, вреде религии, государственной значимости новых праздников, задачах молодежи. Нередко революционные крестины совмещались с другими праздниками, например, красной свадьбой и юбилеем местной ячейки партии.

Не только родители, но и общественность принимала участие в выборе имени для новорожденного. Оно должно было соответствовать времени: Владимир, Ильич, Ленин, Маркс, Кюраш (Борьба), Рид (в честь писателя Джона Рида), Ленина, Ким, Май, Октябрина, Роза, Розалина, Ревмира. По полевым материалам, до сих пор сохранились имена, актуальные для революционного времени – Виль (аббревиатура «Владимир Ильич Ленин»), Ревмир (сокращенно «революционный мир»), Нинель («Ленин» в обратном порядке букв), Рэм (сокр. «Революция и мир»), Искра, Роза, Май. Иногда менялась фамилия ребенка (вместо Горбачева – Месткомовская в знак получения отцом профессионального знания в месткоме). Во время торжества сообщалось, что благодаря новому обряду новорожденный вводится в число граждан РСФСР, в трудовую династию своих родителей, становится членом трудового коллектива, для него выдавали членский билет (например, союза пищевиков). Младенец сразу принимался в пионеры, комсомол и даже партию. Со стороны партийной, комсомольской ячейки или месткома до совершеннолетия он получал «культурное шефство» и «идейное воспитание». Родителям нередко вручались подарки (текстиль, продуктовые наборы, иногда деньги), что не могло не привлекать население в условиях нищеты после тяжелого голода, как и небольшое застолье в завершение церемонии за счет шефов.

Революционные крестины, как и другие новые (революционные, красные, комсомольские) обряды, в Башкирии стали организовываться с конца 1923 года. В 1924 г. они стали привычными в городах и на заводах, где отсутствовала почва для развития этнических традиций, а влияние идеологии было сильное. Во второй половине 1924 г. они фиксировались и в сельской местности, в разных кантонах республики. Для советской власти это было важно: крестьяне составляли большинство населения республики. В 1926 г., после нескольких лет индустриального развития, сельское население в Башкирии составляло 91,1%, в том числе башкиры – 98,1% [12]. Хотя революционные обряды не могли вытеснить традиционные, они оказали влияние на ход развития обрядности в стране. Госу-

дарство определило альтернативу традиции – новую обрядность, которую следует придерживаться тем, кто хочет считаться современным человеком, сделать карьеру, занимать ответственный пост. Сформировался слой населения искренне верящих людей в идею революцию и потому перешедших к новым обычаям. По полевым материалам, религиозные ритуалы стали проводиться без общественной огласки, нередко втайне и по сокращенной программе. До наших дней сохранился обычай, появившийся в первые годы советской власти – праздновать день рождения, а не именины. Рождение ребенка чествуется не только близкими малыша, но и коллегами. Революционные крестины внесли вклад в дело формирования этнически и конфессионально нивелированной советской культуры. Они практиковались у русского населения, под их влиянием – у татар, башкир и других народов.

Список литературы

1. Галиева Ф.Г. Антирелигиозные праздники в Башкирии в 1923 г. // Вопросы истории. 2017. №6. С. 146–153.
2. [Б. а.] Деревня октябрит (С. Бижбуляк) // Власть труда. 1924. 7 авг.
3. [Б. а.] Красные крестины // Власть труда. 1924. 6 марта.
4. [Б. а.] Красные крестины // Власть труда. 1924. 6 июля.
5. [Б. а.] Новый быт. (С. Бижбуляк) // Власть труда. 1924. 5 авг.
6. [Б. а.] Октябрины в глухом Зилаире // Власть труда. 1924. 16 ноября.
7. А.С. Обойдемся и без муллы // Власть труда. 1924. 27 дек.
8. Араслан. Мулл не нужно // Власть труда. 1924. 21 февр.
9. Б.П. Празднование 5-летия Давлекановской организации РКП // Власть труда. 1924. 11 янв.
10. Вед. И. Нужны ли «октябрины?» (Из статей, поступивших в редакцию по этому вопросу) // Власть труда. 1924. 5 февр.
11. Всесоюзная перепись населения 1926 года / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1928. Т. 4. С. 310311.
12. Г.Ш. Первые октябрины в Ток-Чуране // Власть труда. 1924. 26 сент.
13. Гульфик. И у нас почин // Власть труда. 1924. 16 авг.
14. Ж-н. Красные «крестины» // Власть труда. 1924. 12 янв.

15. Ив. Недолин. Нужны ли октябрины // Власть труда. 1924. 20 февр.
16. Корнев Михаил. Проводят новый быт // Власть труда. 1924. 29 июня.
17. Л.В. Зачатки нового быта // Власть труда. 1924. 6 янв.
18. Л-в Н. Новые крестины // Власть труда. 1924. 3 янв.
19. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 2. Д. 138.
20. Отовсюду (Из крестьянских писем) // Красная Башкирия. 1925. 10 марта.
21. П.И. К новому быту. Ленина Месткомовская // Власть труда. 1924. 16 февр.
22. П.И. Красные крестины // Власть труда. 1924. 16 янв.
23. П.И. Это что за штука? Разрешение ВИКа на ... крещение // Власть труда. 1924. 10 янв.
24. Путь. Новый член нашей семьи. (У служащих Башторга) // Власть труда. 1924. 5 окт.
25. С.Т. Красная новь в деревне. Октябрины на селе. (Село Топорнино, Уф. кантон) // Власть труда. 1924. 19 сент.
26. Титов. Новый член нашей семьи (Лесозавод «Красный Дерево отделочник») // Власть труда. 1924. 5 апр.
27. Троцкий Л. Семья и обряды // Власть труда. 1923. 11 июля.
28. Ч-ов А. Октябрины (Архангельск) // Власть труда. 1924. 18 июля.
29. Шныра Ив. Заоктябрились // Красная Башкирия. 1925. 22 марта.

References

1. Galieva F.G. Antireligioznye prazdniki v Bashkirii v 1923 g [Antireligious holidays in Bashkiria in 1923]. *Questions of History*, 2017, no.6, pp. 146–153.
2. Derevnya oktyabrit (S. Bizhbulyak) [The village of Octobrist (S. Bizhbulyak)]. *The Power of labor*, 1924, August 7.
3. Krasnye krestiny [The Red Krestins]. *The Power of labor*, 1924, March 6.
4. Krasnye krestiny [The Red Krestins]. *The Power of labor*, 1924, July 6.
5. Novyy byt. (S. Bizhbulyak) [A new way of life. (S. Bizhbulyak)]. *The Power of labor*, 1924, August 5.
6. Oktyabriny v glukhom Zilaire [Octobryns in the Deaf of Zilaire]. *The Power of labor*, 1924, November 16.

7. A.S. Oboydemsya i bez mully [We will manage without the mullah]. *The Power of labor*, 1924, December 27.
8. Araslan. Mull ne nuzhno [Mull does not need]. *The Power of labor*, 1924, February 21.
9. B.P. Prazdnovanie 5-letiya Davlekanovskoy organizacii RKP [Celebrating the 5th anniversary of the Davlekanovsk organization of the RCP]. *The Power of labor*, 1924, January 11.
10. Ved. I. Nuzhny li «oktyabriny?» (*Iz statey, postupivshikh v redakciyu po etomu voprosu*) [Do you need “Octobrists?” (From the articles received by the editors on this issue)]. *The Power of labor*, 1924, February 5.
11. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [All-Union Population Census of 1926]. Moscow, 1928. V. 4, pp. 310–310.
12. G. Sh. Pervye oktyabriny v Tok-Churane [The first octobrys in Tok-Churane]. *The Power of labor*, 1924, September 26.
13. Gulf. I u nas pochin [And we have an initiative]. *The Power of labor*, 1924, August 16.
14. Zh-n. Krasnye «krestiny» [Red “christening”]. *The Power of labor*, 1924, January 12.
15. Iv. Nedolin. Nuzhny li oktyabriny [Do you need Octobras]. *The Power of labor*, 1924, February 20.
16. Mikhail Kornev. Provodyat novyy byt [They conduct a new life]. *The Power of labor*, 1924, June 29.
17. L.V. Zachatki novogo byta [The beginnings of a new life]. *The Power of labor*, 1924, January 6.
18. L-v N. Novye krestiny [New baptisms]. *The Power of labor*, 1924, January 3.
19. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fund 122, Inventory 2, Case 138.
20. Otovsyudu (*Iz krestyanskikh pisem*) [From everywhere (From peasant letters)]. *Red Bashkiria*, 1925, March 10.
21. P.I. K novomu bytu. Lenina Mestkomovskaya [To a new way of life. Lenin Mestkomovskaya]. *The Power of labor*, 1924, February 16.
22. P.I. Krasnye krestiny [Krasnye krestiny]. *The Power of labor*, 1924, January 16.

23. P.I. Eto chto za shtuka? Razreshenie VIKa na ... kreschenie [What is this thing? The resolution of the VIC on ... baptism]. *The Power of labor*, 1924, January 10.
24. Put. Novyy chlen nashey semi. (U sluzhaschikh Bashtorga) [A new member of our family. (Employees of Bashtorg)]. *The Power of labor*, 1924, October 5.
25. S.T. Krasnaya nov v derevne. Oktyabriny na sele. (Selo Topornino, Uf. kanton) [Red novelty in the village. Octobryns in the village. (Village of Topornino, Ufa Canton)]. *The Power of labor*, 1924, September 19.
26. Titov. Novyy chlen nashey semi (Lesozavod «Krasnyy Derevo otdelochnik») [A new member of our family (Lesozavod “Red Tree Finisher)]. *The Power of labor*, 1924, April 5.
27. Trotsky L. Semya i obryady [Family and Rites]. *The Power of labor*, 1923, July 11.
28. Ch-ov A. Oktyabriny (Arkhangelsk) [Oktyabriny (Arkhangelsk)]. *The Power of labor*, 1924, July 18.
29. Shnyira Iv. Zaoktyabrilis [Zaoktjabrilis]. *Red Bashkiria*, 1925, March 22.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Галиева Фарида Габдулхаевна, заведующая отделом этнографии, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент
Уфимский научный центр Российской академии наук
ул. К. Маркса, 6, Уфа, Республика Башкортостан, 450077,
Российская Федерация
afg18@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Galieva Farida Gabdulchaevna, Head of the Department of Ethnography, Ph.D. in Historical Sciences, D. in Philology Sciences
Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences
6, K. Marks Str., Ufa, 450077, Bashkortostan, Russia
afg18@mail.ru
SPIN-code: 1912-4605

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-42-68

УДК 93/94

**«ОСМНИЧЕЕ» И «ОСМЕННИК» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
РУСИ: К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ПОНЯТИЙ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ XIX ВЕКА***Завьялов Д.А.*

Цель. Статья посвящена истории конструирования понятий «осмничее» и «осменник» в русской исторической науке XIX в. В современной историографии содержание этих понятий является предметом дискуссии. Средневековая терминология таможенно-го дела являлась предметом изучения, по крайней мере, четырех поколений русских историков XIX в. (Н.М. Карамзин; Ю.А. Гагемейстер; Д.А. Толстой, Е.Г. Осокин, И.Д. Беляев, С.М. Соловьев; В.О. Ключевский, В.И. Сергеевич, С.А. Шумаков). Автор ставит целью выявить этапы и оценить исследовательские подходы конструирования исторических понятий, соответствующие им приемы, связанные с именами историков разных поколений.

Метод или методология проведения работы. Характер данных, которыми располагали историки XIX в. при конструировании понятий «осмничее» и «осменник» привел их к необходимости выдвижения гипотез и систем гипотез, которые восполняли недостающие в источниках звенья объяснения. При оценке убедительности аргументации, лежащей в основе реконструкции понятий, необходимо отличать прямые показания источника от гипотез, основанных на эмпирическом материале источников и дающих убедительное и простое объяснение используемым показаниям, и, наконец, от догадок, т.е. предположений о факте, который мог происходить. В основу исследования положен историко-сравнительный метод.

Результаты. Автор выявил и реконструировал применяемые историками приемы построения гипотез, и основанных на них догадок, которые со временем превратились в «исторические факты». Конструирование содержания понятий «осмничее» и «осменник»

от поколения к поколению историков все более отдалялось от эмпирических данных источников, и все более основывалось на историографической традиции. Выявленный нами механизм конструирования понятий «осмничее» и «осменник», и составляющие его приемы характеризуют определенный этап позитивистской исторической науки в России.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере преподавания истории таможенного дела и таможенной политики России, экономической истории, истории налогообложения.*

Ключевые слова: *история России; таможенное дело; таможенная политика; таможенные пошлины; косвенные налоги; торговые сборы; осмничее; осменник.*

«OSMNICHEE» AND «OSMENNİK» IN MEDIEVAL RUSSIA: TO THE QUESTION OF CONSTRUCTION OF CONCEPTS IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE OF THE 19th CENTURY

Zavyalov D.A.

Purpose. *The Article is devoted to history of constructing of concepts “osmnichee” and “osmennik” in the Russian historical science of the 19th century. In contemporary historiography, the content of these concepts is the subject of debate. Medieval terminology of customs affairs was an object for study, at least, of four generations of the Russian historians of the 19th century (N.M. Karamzin; Y.A. Gagemeister; D.A. Tolstoy, E.G. Osokin, I.D. Belyaev, S.M. Soloviev, V.O. Klyuchevsky, V.I. Sergeevich, S.A. Shumakov). The author sets as the purpose to reveal stages and to estimate the research approaches to the construction of historical concepts, corresponding to them methods, linked with names of historians of different generations.*

Methodology. *The character of data, which historians of the 19th century had, when designing concepts “osmnichee” and “osmennik”,*

had led them to the necessity of putting forward hypotheses and the systems of hypotheses which filled lacking in sources links of explanation.

When assessing the persuasiveness of the argumentation underlying the reconstruction of concepts, it is necessary to distinguish the direct indications of the source from hypotheses based on the empirical material of the sources and provide a convincing and simple explanation for the indications used, and, finally, from the guesswork, i.e. assumptions about the fact that could have occurred. The research is based on the historical-comparative method.

Results. *The author has identified and reconstructed the methods used by historians to construct hypotheses, and the conjectures based on them, which eventually turned into “historical facts”. The construction of the content of the concepts “osmnichee” and “osmennik” from generation to generation of historians was increasingly alienated from the empirical data of sources, and was increasingly based on the historiographical tradition. The mechanism of constructing the concepts “osmnichee” and “osmennik”, and the methods that make up it, characterize a certain stage of positivistic historical science in Russia.*

Practical implications. *Results of the research can be applied in the sphere of teaching history of customs affairs and customs policy of Russia, economic history, taxation history.*

Keywords: *History of customs affairs and customs policy of Russia; customs duties; indirect taxes; trading fees; osmnichee; osmennik.*

Введение

История финансового управления средневековой России, как и история налогов и таможенных сборов, издавна привлекает внимание историков [18; 21; 42; 15 и др.]. Вместе с тем ученые продолжают спорить по поводу времени появления и сущности основных терминов, обозначающих таможенные сборы. В списке древнейших торговых пошлин осмничее¹ вызывает, на наш взгляд, наибольшие затруднения.

¹ По наблюдениям историка А.И. Семенова об осмничем (осминичье, осмни-чье или восьмичее) и осменнике (осьмнике) встречаются упоминания в актовых и летописных источниках с 1157 г. до 1544 г. [34, с. 253].

По мнению ряда исследователей, осмничее, наряду с мытом, тамгой, весчим, является одной из древнейших таможенных пошлин на Руси. Такого мнения, в частности, придерживался Ю.Г. Кисловский [19, с. 101]. В современной литературе распространены указания на появление осмничего уже в X в., и отсюда вытекает спорный вывод о том, что эту пошлину следует считать древнейшей на Руси. Во-вторых, в литературе последних лет встречается интерпретация сущности осмничего как фискальной пошлины, равной 1/8 стоимости товара. Эти позиции находят свое отражение как в монографической [6, с. 8], справочной [44, с. 23], так и в учебной литературе [19, с. 101; 16, с. 26, 31].

Однако если обратиться непосредственно к источникам, то окажется, что первое фактическое упоминаний осмничего относится к XIV в. Впервые эта таможенная пошлина упоминается в душевных грамотах (завещаниях) великого московского князя Ивана Калиты, датированных 1330-ми гг. [25]. В свое время на это обстоятельство справедливо обратил внимание С.А. Шумаков (он датировал первое завещание 1328 г.) [41, с. 256]. Такой же подход нашел отражение в монографии М.М. Шумилова [42, с. 327]. На этот же факт обращает внимание современный исследователь В.А. Кучкин [22, с. 312; 24, с. 127]. Размер осмничего для этого раннего периода точно установлен в межкняжеских договорах XIV–XV вв.: «А тамги и осмничего с рубля алтын» [13, с. 8, 10, 15, 18, 33, 42, 46, 73, 188, 191, 203, 206, 298, 300].

Дискуссионной является в историографии интерпретация понятия осменник. И.И. Срезневский [38, Т. 2. с. 729], А.И. Семенов [34, с. 253, 254], В.Б. Перхавко [34, с. 502] трактовали осменника как сборщика торговой пошлины (осмничего). Однако, А.А. Гиппиус в статье, посвященной трактовке этого понятия, утверждает, что «осмьник может означать лишь одно – «предводитель восьми» [8, с. 22]. «Утверждение, – опровергает предшественников А.А. Гиппиус, – будто осмники назывались так потому, что собирали осмничье, трудно воспринимать иначе как терминологический курьез: направленность словообразовательной зависимости здесь явно про-

тивоположная: как раз осмничье называлось так потому, что собиралось осмниками» [8, с. 22]. Сбор торговой пошлины, приходит к выводу автор, для древнерусского осменника – функция вторичная.

Материалы и методы

Очевидно, что современные представления о сущности понятия осмничее, времени его появления, размерах и эволюции основываются на историографической традиции, заложенной корифеями русской исторической науки XIX в. Однако они конструировали свои интерпретации понятия осмничее и тесно связанного с ним понятия осменника как предположения и гипотезы, которые последующие поколения исследователей склонны воспринимать как истинные. Часть этих представлений не находит прямого подтверждения в источниках, и может рассматриваться как «догадка» в терминах Я.С. Лурье [27, с. 86 и сл.]. Необходимо отдавать себе отчет, что именно является фактом, основанном на эмпирическом материале источников, что гипотезой, основанной на данных источника, а что догадкой в этих представлениях об осмничем. В связи с этим целью данной статьи является оценка конструирования представлений о сущности понятий осмничее и осменник, сложившихся в научной литературе XIX в.

Результаты и обсуждение

С понятием осмничее русская историческая наука столкнулась с момента введения в научный оборот договорных и душевных (завещательных) грамот московских князей XIV–XV вв. В XVIII столетии эти источники были обнаружены и введены в научный оборот Н.Н. Бантыш-Каменским и М.М. Щербатовым [См.: 14; 43, Т. 3, с. 533, 535–537; 28, с. 290–292]. В 1773 г. сведения о них были опубликованы в «Древней российской вивлиофике» Н.И. Новиковым [12, Ч. II, с. 243 и сл., Ч. 6, с. 1 и сл., Ч. 9, с. 170 и сл.; 11; см.: 25; 23].

Выявлением, характеристикой и классификацией таможенных пошлин в XIX в. занимались такие известные историки как Н.М. Карамзин, Ю.А. Гагемейстер, Д.А. Толстой, Е.Г. Осокин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, В.И. Сергеевич, С.А. Шумаков и др.

Безусловно, первым из них был Н.М. Карамзин, который в примечаниях к «Истории государства Российского» отметил неясность содержания понятий осмничего и осменника. В распоряжении историка к тому времени были духовные и договорные грамоты князей, изданные в 1813 г. в первом томе «Собрания государственных грамот и договоров» [36]. Анализируя духовные грамоты великих московских князей XIV в., он отметил упоминание в них о сборе осмничего. В частности, Карамзин ссылаясь на духовную грамоту Дмитрия Донского: «Тамга из двою моих жеребьев княгине моей половина, а сыном моим половина, а осмничее мои два жеребья княгине моей» [17, с. 124]. «В чем состоял сей доход, – прибавляет Карамзин, – не знаем». Ему пришлось отказаться от употребления неясного термина и заменить его в своей основной работе «общим именем оброка» [17, с. 124].

Неизвестно было Н.М. Карамзину и значение слова осменник. Упоминая известие Ипатьевской летописи о смерти князя Юрия Долгорукого, «пив бо Гюрги у осменика у Петрилы, на ночь разболелся... и преставился» [33, стб. 489], он вынужден заменить неизвестный термин более понятным «боярин»: «Георгий, пиروвав у Боярина своего, Петрила, ночью занемог и чрез пять дней [15 мая 1157 г.] умер» [17, с. 166]. Д.Н. Дубенский, комментируя эту замену, писал: «На чем основываясь историограф перевел слово осмник – боярин, не известно!» [31, с. 295].

Таким образом, Н.М. Карамзин первым установил тот факт, что понятие осменник появляется в источниках ранее, чем осмничее. Историограф не знал значения ни того, ни другого слова, поэтому вынужден был заменить неясные по смыслу понятия более широкими, по его мнению, раскрывающими их смысл. Наконец, Н.М. Карамзин никак не связывал между собой эти два понятия: они фигурировали в разных томах его сочинения и никак не сближались автором. Их появление в примечаниях к сочинению Н.М. Карамзина можно считать началом научного изучения этих понятий.

Первым в отечественной науке сущность осмничего попытался выяснить Ю.А. Гагемейстер. В своей монографии «Ро-

зыскания о финансах Древней России», касаясь вопроса происхождения таможенных пошлин, в частности, тамги, которая, по его мнению, «суть татарского происхождения», он затронул вопрос об осмничем. «Вместе с тамгой, – писал Ю.А. Гагемейстер, – является пошлина называемая “осминичим”» [7, с. 78]. Совместное упоминание в источниках двух понятий, по мнению автора, могло означать одновременное появление тамги и осмничего на Руси XIII в.

Гагемейстер указал на общую сущность тамги и осмничего на основании текстов договорных грамот XV в., в которых четко указывается эта связь: «А тамги и осмничего с рубля алтын». Следуя за источником, ученый характеризовал сущность тамги, выводя ее из этимологии слова тамга – клеймо, печать, оттиск. Он же сделал вывод о взимании тамги с товаров, которые подлежали клеймению, а осмничего с товаров, которые не подвергались этой процедуре. Только в этом он и видел различие между двумя таможенными пошлинами.

Гагемейстер впервые предложил объяснение названия осмничего: «... название сего сбора происходит от слова осьмина, означающего меру» [7, с. 78]. Характеризуя пошлину, ученый отмечал, что она могла составлять, как и тамга, 3% «с ценности» товара и «взималась с предметов меримых, но не могших быть клеймеными» [7, с. 78].

Таким образом, впервые была дана четкая интерпретация понятия осмничего, основанная на аналогии с тамгой. Однако, эта попытка не сразу была принята историками.

В 1843 г. Д.Н. Дубенский [26], публикуя текст «Устава Ярослава о мостах в Новгороде» [31; см.: 10; 9; 34], обратился к интерпретации интересующих нас понятий. «Слово осменик, – писал он, – вероятно, происходит от того же корня, как и звание особого рода оброка, упоминаемого у летописцев: восьмчее..., или осмничее». Таким образом, как нам представляется, автор впервые в литературе отметил схожесть этих понятий. Его предположение утвердилось в историографии и дошло до наших дней. Однако необходимо от-

метить, что Д.Н. Дубенский лишь обратил внимание на общее их происхождение, не пытаясь ответить на вопрос о том, какой термин произошел от какого.

Не зная, по всей видимости, об изысканиях Ю.А. Гагемейстера, Дубенский сделал неудачную попытку дать собственное объяснение осмничему, гипотетически определив его сущность как «сбор с бояр путных» [31, с. 294–295]. По всей видимости, это объяснение основывалось на предположении, что боярин путный собирал пошлины с дорог, как это предполагал Н.М. Карамзин. Дать истолкование понятию осмненник Д.Н. Дубенский затруднялся, он лишь ссылаясь на мнение Н.М. Карамзина, приведенное нами выше. Не внес определенности Д.Н. Дубенский и в вопрос о времени появления этих понятий.

Оригинальную трактовку решения проблемы предложил Д.А. Толстой в своей монографии «История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II» (СПб., 1848). Следуя за Ю.А. Гагемейстером, он соглашался с тем, что осмничее взималось с товаров или предметов «меримых». При этом он отвергал предположение предшественника о сближении осмничего с тамгой: «Такое мнение есть только предположение, не подкрепленное ни одним историко-юридическим свидетельством». В качестве опровержения он приводил тот факт, что «на кулях хлеба и всякого жита можно наложить клеймо». Исходя из этой посылки, Толстой предложил свою интерпретацию сущности осмничего.

В отличие от Ю.А. Гагемейстера, Д.А. Толстой, характеризуя осмничее, сближал его не с тамгой, а с еще одним таможенным сбором – померным [39, с. 83–85]. Избрав для характеристики осмничего аналогию с померным, Д.А. Толстой столкнулся с необходимостью различать эти две пошлины: «Восмничее была пошлина, взимавшаяся, как померное, с предметов меримых. Различие восмничего от померного состоит в том, что померное... взималось с самой меры, а восмничее с рубля» [39, с. 85]. Аргументом в пользу такой интерпретации Толстой считал встречавшееся в актах

упоминание, что «с одного и того же предмета берут восмничее и помер» [39, с. 85].

Таким образом, рассмотренные выше интерпретации понятий осмничее и осменник показывают, с каким трудом, буквально на ощупь, историки пытались сконструировать адекватное источникам представление о сущности осмничего. Во-первых, они стремились уяснить содержание понятия, опираясь на этимологию самого слова. Во-вторых, они сближали осмничее с более «понятными» пошлинами (тамга, померное).

Важный вклад в осмысление интересующих нас понятий был сделан в монографии профессора Казанского университета Е.Г. Осокина «Внутренние таможенные пошлины в России» [29, с. 102, 108–111, 167]. Е.Г. Осокин – единственный исследователь, создавший целостную концепцию происхождения, эволюции и сущности осмничего, увязавший это понятие с понятием осменник, сконструировав, таким образом, эти исторические понятия как концепты. Все последующие историки опирались на его выводы и пользовались, полностью или частично, его аргументацией. Его концепция полностью объясняет все известные на тот момент источники, обладает логической стройностью и отвечает требованиям достаточного основания.

Начнем анализ этой концепции с основных ее положений. Е.Г. Осокин вернулся к аналогии, намеченной Ю.А. Гагемейстером, между осмничим и тамгой. Он выделил следующие сходные черты обеих пошлин [29, с. 108–111]:

Во-первых, осмничее «было торговой пошлиной, взимаемой с цены товаров, первоначально только в городах, а в последствии и в селах».

Во-вторых, осмничее «падало на действительную продажу товаров и при том тех же самых, с которых брали и тамгу, т. е. всех товаров, за исключением хлеба, в количестве, первоначально одинаковым с тамгой».

В-третьих, «эта пошлина была взимаема не только с товара, но и с денег, употребляемых приезжим человеком на покупку».

Несомненно, будучи знаком с описанными нами ранее попытками интерпретации сущности осмничего, Е.Г. Осокин пришел к крайне важному выводу, который, остается верным и сегодня: «нет никакой возможности указать, на основании источников, различие между тамгой и восменичим» [29, с. 111]. Этот вывод, очевидно, опирающийся на исследование Ю.А. Гагемейстера, стал исходным пунктом концептуального оформления понятия осмничей.

В итоге Е.Г. Осокин фактически отождествил две пошлины: «Но может быть, и не было такого различия [между тамгой и осмничим – Д.З.]. Допустив, что осмничей появилось в некоторых странах Руси гораздо ранее монголов и было в них тем же, чем тамга с половины 13-го стол. в большей части Руси, мы легко можем представить себе, что, после введения тамги, обе пошлины, при всем том, что падали на одно и то же действие и на одни и те же предметы, могли сохраниться вместе и встречаться в одних и тех же городах, точно так, как это было при рукозобном и подъемном, при роговом и привязной пошлине» [29, с. 111].

В решении вопроса о сущности осмничего Е.Г. Осокин опирался на существенно более широкий круг источников, чем его предшественники [36; 1; 2; 3]. Шире был его хронологический охват бытования осмничего. Более того, допущение автора, основанное на парном перечислении в источниках тамги и осмничего, т. е. имеющее опору в источниках, открывает хорошую исследовательскую перспективу.

В вопросе датировки появления осмничего Е.Г. Осокин отмечал со ссылкой на завещание Ивана Калиты: «Первое достоверное место об осмничем относится лишь к 1328 году» [29, с. 108]. Тем не менее, он решительно заявлял, что «есть причина думать, что эта пошлина была одна из самых древнейших». Основанием к такому утверждению служит указание на связь понятий осмничей и осменник. По определению автора, осменник – «лицо, заведывавшее доходами княжескими и в особенности пошлиною, называемой осмничим» [29, с. 108]. Таким образом, Осокин не только указы-

вал на тесную связь осмничего и осменника, но и этимологически связывал их между собой. «Название осменника, или осмьника, из которого образовалось осмничее», Осокин обнаружил уже в источниках XI–XII вв. Находим у него не только ссылку на статью летописи о смерти Юрия Долгорукого, но и на «Устав Ярослава о мостах», ошибочно названный Осокиным «о мытах» и датированный XI столетием.

Это построение опирается на новые источники, которые впервые приводятся в качестве доказательства. Это княжеские грамоты 1494 и 1499 г. повествующие, что в Киеве в конце XV в. «осмьником называли чиновника, занимавшегося сбором таможенных пошлин и пользовавшегося кроме того иногда властью судебной и распорядительной» [29, с. 108]. Остается только допустить, что осменник XII в. подобен своему «тезке» XV в. Необходимое допущение тут же делается: «Значение слов и названий в древней Руси редко изменялось существенно даже через несколько веков», – заявлял автор [29, с. 108].

Сделав это допущение, Е.Г. Осокин высказал догадку: «... мы имеем некоторое основание для предположения, что и пошлина осмничее не была чужда этих времен». Таким образом, он фактически удревнил эту таможенную пошлину, опрокидывая ее в домонгольское время посредством связи с осменником.

Отметим, что по тому же пути несколько лет спустя пошел С.М. Соловьев в пятом томе «Истории России с древнейших времен» (М., 1855), разбирая вопрос о должности осменника в Киеве в конце XV в. «Из этой грамоты [уставной грамоты 1499 г. – Д.З.], – писал С.М. Соловьев, – объясняется для нас должность осмника, которая, по всем вероятностям, была та же самая и в старину, ибо осмник упоминается и в Русской правде [включающей Устав Ярослава о мостах – Д.З.], и в летописи между событиями XII века; объясняется и пошлина осмничее, которую уже мы встречали в Северо-Восточной Руси» [37, стб. 1526–1527].

Возвращаясь к концепции Е.Г. Осокина, отметим ее целостность и логическую завершенность. Важнейшей ее частью является ре-

шение вопроса о размере взимаемой пошлины. Е.Г. Осокин приводит формулу из источников: «Положено было брать всюду «тамги и осмничего от рубля алтын» [29, с. 102]¹. Эта фраза из докончаний (договоров) московских великих князей, повторяющаяся неизменно в протяжении XV в. представляет исследователю на выбор два варианта интерпретации.

Первый – алтын от рубля, т.е. 3% пошлина (что составляла три копейки или шесть денег), – включал в себя как тамгу, так и осмничее.

Второй вариант предполагал взимание алтына с рубля в качестве тамги и алтына в качестве осмничего, что, в этом случае, увеличивает сбор в два раза и делает его равным двум алтынам (6 копеек или 12 денег). Таким образом, обе пошлины взимаются с цены товара и равны друг другу, составляя 6%: по 3% от цены товара.

Об этом и пишет Е.Г. Осокин. «Неизвестно однако ж, взимался ли алтын тамги и алтын осмничего, или обе пошлины, вместе взятые, равнялись 6-ти деньгам: последнее, кажется, вероятнее» [29, с. 102]. Почему Осокин выбрал именно этот вариант? Он никак не аргументирует свой выбор. Однако от этого произвольного на первый взгляд выбора зависит вся логика конструирования понятий осмничее и осменник в дальнейшем построении. Затруднялся он «определить истинный характер осмничего и причину, по которой оно получило свое название».

Главный вывод, к которому пришел Осокин в своей работе, закрепился в дальнейшей историографии: «... все затруднение, представляемое осмничим, состоит в указании различия между этой пошлиной и тамгой, с которой она, по-видимому, совершенно сходна...» [29, с. 109–110]. Как доказанное это положение приводил в своей работе С.А. Шумаков [41, с. 256–257].

¹ Е.Г. Осокин дает ссылки на договорные грамоты в изданиях: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук: Дополнены и изданы Высочайше учрежденной комиссией. В 4 тт. СПб., 1836. Т. 1: 1294–1598 / Ред. Я.И. Беренников. С. 10; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813. С. 146, 175, 214, 283, 296. В некоторых грамотах сказано «А тамги и всех пошлин от рубля алтын».

Фактически Е.Г. Осокин отождествил эти пошлины. По его мнению, оба термина обозначали один и тот же сбор в разное время. Осмничее представляло собой основную торговую пошлину в период до татарского нашествия, а тамга – после нашествия. Потому то они и встречаются вместе в источниках. Именно этот вывод пытался оспорить И.Д. Беляев. Согласившись с интерпретацией Осокиным таких таможенных пошлин как свальное, весчее, контарное, подъемное, рукозобное, померное, покоречное, пятно, писчее, роговое, привязное, узолцовое и тамга, Беляев возражал против отождествления тамги и осмничего. Он делал это на основании разной величины сбора, который взимался в тамгу и в осмничее. На эту разницу («осмничее было гораздо меньше тамги») есть прямые указания в источниках XVI в. Используя ретроспективный метод анализа и, по сути, опрокидывая данные этих источников в предшествующие столетия, И.Д. Беляев отрицал саму возможность отождествления этих пошлин и таким образом ставил под сомнение систему гипотез, изложенную Осокиным [5, с. 63–64].

Осокину пришлось приложить усилия для того, чтобы отстоять свои позиции. Он признавал, что возражения Беляева заставили его «снова поверить по источникам выводы», ранее сделанные, и «высказать некоторые мысли яснее и определённое» [30, с. 567].

Приведем обширную цитату из ответа Осокина своему рецензенту, чтобы оценить его аргументы: «Слова источников: “а тамги и восьмничего от рубля алтын”, встречающиеся не только в договорной грамоте 1484 г., но в договорной грамоте в. князя Василия Дмитриевича с Тверским в. князем 1398 г. (А.А.Э. 1. Стр. 10), также в договорных грамотах 1451 г. и 1462 г., можно понимать двояко: или взималось тамги алтын и осмничего алтын, или приходилось три деньги на тамгу и три деньги на осмничее. Последнее предположение для XIV и XV столетий кажется вероятнее; потому что только во времена позднейшие, в XVI и XVII столетиях, начали брать с иногородцев тамги по 6 и 7 денег и притом исключительно в тех местах, где они были сравнены с иноземцами. Если бы величина двух пошлин, тамги и осмничего, была различна в XIV и XV сто-

летиях, то об этом было бы непременно упомянуто в договорных грамотах, так как везде, во всех исторических памятниках не только величина различных пошлин определяется отдельно и ясно, но даже указывается прямо, за немногими исключениями и предмет, с которого взималась каждая пошлина. Умолчание о различной величине отдельных пошлин допустить нельзя, потому что оно повело бы к чрезвычайной неопределенности и произволу во взимании пошлин» [30, с. 567].

Для того, чтобы отстоять свою гипотезу о том, что осмничее и тамга – это названия одного и того же сбора, притом, что «осмничее появилось» гораздо ранее монгольского нашествия и было тем же, чем тамга с середины XIII в., Е.Г. Осокину пришлось допустить равенство величины сбора тамги и осмничего в XIV–XV вв. Именно этим объясняется его выбор варианта прочтения формулы «А тамги и осмничего с рубля алтын».

Эта гипотеза была принята последующей историографией, в частности, В.О. Ключевским, Н.Я. Аристовым, В.И. Сергеевичем и С.А. Шумаковым.

Н.Я. Аристов писал: «Осмничее или восмничее брали также при сбыте товаров меримых, только не по величине меры, а по оценке товара; по этому при продаже одного и того же товара брали и померное и осмничее. Эта пошлина упоминается потоянно рядом с тамгою: “А тамга и сомничее от рубля алтын”. Осмничее была пошлина городская и торговая: “А из городских волостей даю княгине своей осмничее... А тамга и осмничее взять, оже имет торговати”» [4, с. 227].

В.О. Ключевский в курсе лекций «Терминология русской истории» окончательно подтвердил и закрепил такое прочтение понятия осмничего и его тесную связь с понятием осменник. Он, отмечая, что осмничее представляет собой сбор за право купли продажи, полностью отождествляет его с тамгой. При этом Ключевский считал, что «осмничее является древнее тамги», которая появилась только после монгольского нашествия. После введения этого термина тамга и осмничее встречаются в источниках рядом. Пред-

ставление о древности осмнического, как и у его предшественников основывается Ключевским на связи с понятием осменник, ведь «осменник в смысле сборщика таможенных пошлин известен уже в Киеве в половине XII в.» [20, с. 164].

Ключевский вслед за Е.Г. Осокиным заявил, что «до сих пор никому не удалось уловить ни одной осязательной черты различия между этими сборами». Может быть, как считал Н.Я. Аристов, и к тому же склоняется В.О. Ключевский, это «название одной и той же пошлины», утвердившееся в разных местах. Далее, указывал Ключевский, «тамга и осмническое падали на все товары и не только на товары, но и на деньги, на которые покупали товар, т. е. как на продавца, так и на покупателя» [20, с. 165]. Таким образом, по следам Е.Г. Осокина прошел Ключевский, своим авторитетом утвердивший сложившееся у Осокина представление об осмническом, как о пошлине, теснейшим образом связанной с тамгой по своему значению [20, с. 165].

В.И. Сергеевич в «Лекциях и исследованиях по истории древнего русского права» (1-е изд. 1883) относил и тамгу, и осмническое к косвенным налогам. Одновременно он пояснял, что «терминология наших древних памятников отличается значительной долей неопределенности. Одни и те же повинности обозначают нередко разными наименованиями» [35, с. 336]. «Все, что пошло из старины, будет пошлиной» [35, с. 336]. С этой точки зрения осмническое – есть таможенная пошлина. С большей осторожностью он подходил ко времени появления осмнического, «так как наша система косвенных налогов с татарского нашествия подверглась изменению, то весьма трудно выделить, что явилось под влиянием татар, что свое» [35, с. 344]. Далее «...в памятниках говорится, что иногда брали тамгу с осмническим – это высшая мера тамги, она доходила до шести денег с рубля и, конечно, возвышала значительно цену товара. В обширном смысле тамгой называются все сборы, которые брались с торговли...» [35, с. 346]. Следовательно, Сергеевич давал свою трактовку значения осмнического, основывая ее на оригинальном прочтении источников: «К торговым сборам относятся: тамга и мыт, как до-

полнение к тамге; в памятниках говорится «за мыт к тамге», или «мыт к тамге»; «восмничею», или возмничею (бралось с покупателя, а тамга с продавца)» [35, с. 347].

С.А. Шумаков в исследовании «Древнерусские косвенные налоги» следовал в изложении сущности осмничею вслед за Е.Г. Осокиным, В.О. Ключевским, В.И. Сергеевичем. Он писал: «С нашествием монголов появляется тамга; кроме того, существует осмничею и порядное. Все эти три пошлины падают на самое право покупки и продажи товаров...» [41, с. 247, 254]. С.А. Шумаков привел еще один аргумент в защиту древности осмничею. «Слово “тамга”, – пишет он, опровергая Ю.А. Гагемейстера, – значит «пятно», «клеймо», но тамга берется не с одних товаров, подлежавших клеймению, как думает г. Гагемейстер, а со всяких. И такое несоответствие имени пошлины ее характеру служить новым подтверждением исконности ее на Руси» [41, с. 254–255]. Итак, до тамги существовала, аналогичная русская пошлина, упоминаний которой в источниках не сохранилось.

Вместе с тем после монгольского нашествия «близко к тамге стоит осмничею». Осталось только удревнить эту последнюю пошлину и доказать ее тождественность тамге. Так же, как и Е.Г. Осокин, автор, несмотря на точную датировку первого упоминания осмничею XIV в. (он повторяет дату первого завещания Ивана Калиты 1328 г., как оно датировано в Собрании государственных грамот и договоров), удревнил осмничею, ссылаясь на связь его с осменником, упоминаемым в источниках ранее татарского нашествия. При этом С.А. Шумаков повторил ошибку Е.Г. Осокина, назвав «Устав Ярослава о мостах» уставом о мытах. Это повторение ошибки (возможно опечатки) свидетельствует о зависимости построений Шумакова от выводов и аргументов Е.Г. Осокина, что делает его исследование в части осмничею, не более чем полезной сводкой выработанных к тому времени и систематизированных автором сведений в исторической литературе по интересующему нас вопросу.

О размере осмничею С.А. Шумаков писал в связи с тамгой: «Размер первоначальной татарской тамги неизвестен. Междукня-

жеские договоры XIV в. определяют размер “тамги и осмничего от рубля алтын”, но неизвестно, вместе ли обоих пошлин алтын, или же по алтыну той и другой. Вероятнее, впрочем, первое» [41, с. 256]. Таким образом, автор следовал Е.Г. Осокину и в интерпретации размера осмничего. В поддержку своего мнения он не приводил никаких аргументов, как, впрочем, и его предшественник. Они равно логически возможны. При этом С.А. Шумаков высказал ряд догадок о генезисе и эволюции осмничего как торговой пошлины. Развивая положения, высказанные Осокиным и другими предшественниками и отталкиваясь от них как от вполне доказанных, он высказал ряд догадок об эволюции осмничего как торговой пошлины. «Как мы уже говорили, – указывал автор, – отделение торгового значения мыта от проезжего началось еще до татарского нашествия. Нет ничего невероятного, что выделившаяся из мыта торговая пошлина, кроме “торгового”, кое-где называлась и осмничьим» [41, с. 257].

По нашему мнению, слабость позиции С.А. Шумакова, по сравнению с Е.Г. Осокиным, состоит в его стремлении опираться не на данные источников, а на построения предшественников. Здесь важно заметить, что Шумаков стремится вслед за ними удревнить осмничее, хотя четко указывает на первое упоминание этой пошлины в завещании Ивана Калиты 1328 г. Однако, он не делает необходимого в данном случае сближения осмничего с осменником летописной статьи 1157 года. «Будучи потом перекрещена в тамгу, – продолжает автор, – она продолжала жить одновременно и под старым названием. Быть может первоначально осмничее отличалось от тамги тем, что бралось с предметов меримых, особенно с хлеба (от «осмина»), тамга же с клейменных» [41, с. 257].

В этом предположении, не основанном на данных источников, С.А. Шумаков объединяет достижения Ю.А. Гагемейстера и Е.Г. Осокина. Впрочем, автор и сам отдает себе отчет в гипотетичности своих построений, когда далее заявляет: «Но это различие так скоро утратилось, что о нем не сохранилось известий, так как приводимые гр. Толстым места из актов указывают лишь на существование осмничего наряду с другими пошлинами. По имеющимся

у нас сведениям и тамга, и осмничее с самого начала их достоверной истории [т.е. с появления понятий в актах московских князей XIV в. – Д.З.] представляются уже вполне ассимилировавшимися» [41, с. 257].

Для того, чтобы обосновать свои предположения, С.А. Шумакову пришлось возвращаться, как мы уже отметили, к интерпретации, предложенной еще Ю.А. Гагемейстером и отчасти отвергнутой Е.Г. Осокиным. Таким образом, построения Шумакова, хотя и претендующие на оригинальность, по сути являются эклектичными в своей основе, возрождающими ряд положений, отвергнутых к тому времени наукой. В этой связи хотелось бы обратить внимание на тот факт, что это сознательная позиция исследователя, который ставит перед собой цель не только изучить «достоверную историю» таможенных сборов, отраженную в дошедших до нас источниках, но и сделать ряд гипотетических построений, указывающих на возможное происхождение и эволюцию таможенных сборов. Наконец, Шумаков, основываясь на том факте, что в источниках тамга и осмничее постоянно упоминаются вместе, считал вполне вероятной догадку В.И. Сергеевича, «что первая взималась с продавца, а последнее с покупателя» [41, с. 257].

Заключение

Современное понимание исторических понятий «осмничее» и «осменник» складывалось на протяжении двух столетий. На основе гипотез, систем гипотез и основанных на них догадках к настоящему времени выстроилась непротиворечивая схема объяснения сути этих понятий.

Во-первых, исходным пунктом изучения явилось полное непонимание сущности понятий «осмничее» и «осменник» в средневековой Руси, значение которых невозможно вывести из источников, неотражающих развернутое и полное их содержание. Этот процесс утраты смысла понятий отразился, как нам представляется, в поздних «испорченных» редакциях понятия, таких как «возмничье», «возничье». Об этих формах понятия, встречающихся в источниках

XVI в., пишут, в частности, Е.Г. Осокин [29, с. 110] и В.И. Сергеевич [35, с. 347].

Во-вторых, изучение понятий проводилось в контексте осмысления налоговой системы средневекового русского государства (древней России в терминологии русских историков XIX века). Таким образом, их интерпретация испытывала влияние параллельно формулируемых объяснений широкого круга налоговых сборов. Это понимание оказывало влияние на осмысление понятия «осмничего».

Во-третьих, интерпретация исходила из ряда упоминаний понятий «осмниче» и «осменник» в документах разных эпох и имеющих разное происхождение и функциональное назначение (летописи, уставы, завещания и договоры великих и удельных князей, княжеские уставные грамоты и т. п.) Это влекло за собой разнообразие авторских оценок, в зависимости от основного источника, на который опиралась интерпретация понятия.

В-четвертых, конструирование понятия зависело от того, с каким из налоговых сборов соотносил тот или иной исследователь «осмниче». Выбор же аналогии носил во многом произвольный характер, который в дальнейшем закреплялся в историографии как необходимый. Связи, носившие зачастую гипотетический характер, окостеневали, закреплялись как точно установленные исторические факты.

В-пятых, такое положение позволяло смелее реконструировать содержание понятия «осмниче», опираясь уже не на источники, непосредственные данные документов, а на сложившуюся историографическую традицию. Каждое последующее поколение исследователей-интерпретаторов, отдаляясь от источника, приближалось к схеме, которая составляет современное положение дел в объяснении понятия «осмниче».

Таким образом, прослеженные нами этапы конструирования понятий «осмниче» и «осменник», как минимум четырьмя поколениями русских историков, вскрыли механизм формирования этих понятий, характеризующий определенный этап позитивистской исторической науки в России.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1841-1842. Т. 1–5.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1846-1848. Т. 1–3.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1–4.
4. Аристов Н.Я. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. 324 с.
5. Беляев И.Д. Рецензия на: Е.Г. Осокин «Внутренние таможенные пошлины в России» (Казань, 1850) // Москвитянин. 1850. № 22. С. 54–67.
6. Боков К.И. Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства России в XIX – начале XX в. М.: Проспект, 2016. 172 с.
7. Гагемейстер Ю.А. Розыскания о финансах Древней России. СПб., 1833. 248 с.
8. Гиппиус А.А. «Вожжей оленьих 28...» // Живая старина. 1997. № 3 (15). С. 21–23.
9. Гиппиус А.А. К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4. С. 9–24.
10. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подготовил Я.Н. Шапов. М.: Наука, 1976. 240 с.
11. Древняя российская вивлиофика. Изд. 2-е, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. М., 1788–1791. Ч. I–XX.
12. Древняя российская вивлиофика. СПб., 1773-1775. Ч. I–X.
13. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. 588 с.
14. Замоздра Г.Н., Сапожников А.И. Источниковедческий анализ духовных грамот московских князей XIV века: опыт применения технологий XML // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41 (179). История. Вып. 38. С. 154–161.
15. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX века. М.: РОСПЭН, 2006. 296 с.

16. История таможенного дела и таможенной политики России. Краткий курс лекций / Автор-составитель: А.Ю. Соломеин. СПб: РИО СПб филиала РТА, 2006. 113 с.
17. Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. М.: Книга, 1988. Кн. 1. Т. 1–4. 691 с.
18. Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988. 248 с.
19. Кисловский Ю.Г. История таможенного дела и таможенной политики России. 3-е изд., доп. / Под общ. ред. А.Е. Жерихова. М, 2004. 592 с.
20. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 6. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989. 476 с.
21. Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. СПб. : Ист. ил., 1999. 286 с.
22. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. 368 с.
23. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1(31). Июнь. С. 96–108.
24. Кучкин В.А. К характеристике торговли в Москве в XIV – начале XVI в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова: сборник статей / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: РОСПЭН, 2012. С. 124–140.
25. Кучкин В.А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. 1989. М.: Наука, 1989. С. 206–225.
26. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. Мануйлов В.А. М.: Сов. энцикл., 1981. 746 с.
27. Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении // Лурье Я.С. Избранные статьи и письма / сост. В. Г. Вовина-Лебедева, М. М. Кром ; под общ. ред. М. М. Крома. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 74–90.
28. Николаева А.Т. Из истории русского актового источниковедения // Археографический ежегодник за 1962 г. М.: Наука, 1963. С. 289–295.

29. Осокин Е.Г. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. 178 с.
30. Осокин Е.Г. Несколько спорных вопросов по истории финансового права // Юридический сборник Д. Мейера. Казань, 1855. С. 539-579.
31. Памятники древнего русского права, по харатейному списку Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских / С вариантами, примечаниями и объяснениями Д. Дубенского. М.: В Университетской типографии, 1843. [2], XXIV, 315 с.
32. Перхавко В.Б. Первые купцы российские. М.: Русское слово, 2004. 558 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись / С предисл. Б. М. Клосса. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
34. Семенов А.И. Осменники «Устава о мостех» // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 253–255.
35. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб., 1910. 668 с.
36. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. 533 с.
37. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–5. СПб.: Изд-во Общественная польза, б.г. 1726 с.
38. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1-3.
39. Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. 258 с.
40. Шемякин А.И. История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль: Изд-во «Александр Рутман», 2000. 254 с.
41. Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги // Сборник правоведения и общественных знаний: Труды Юридического Общества, состоящего при Императорском Московском Университете, и его Статистического отделения. М., 1897. Т. 7. С. 246–262.
42. Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 472 с.

43. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен / Под ред. И.П. Хрущова. Т. 1-7. СПб.: Изд. кн. Б.С. Щербатова, 1901–1904.
44. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г: Т. 2: Н–Я. М.: РОСПЭН, 2008. 1288 с.

References

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiey* [Acts of history, collected and published by the Archaeographic Commission]. SPb., 1841–1842. Т. 1–5.
2. *Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiey* [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission]. SPb., 1846-1848. Т. 1–3.
3. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiey imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. SPb., 1836. Т. 1-4.
4. Aristov N.Ya. *Promyshlennost' drevney Rusi* [The industry of ancient Russia]. SPb., 1866. 324 p.
5. Belyaev I.D. Retsenziya na: E.G. Osokin “Vnutrennie tamozhennye poshliny v Rossii” [Domestic customs duties in Russia] (Kazan', 1850). *Moskvityanin*. 1850. № 22, pp. 54–67.
6. Bokov K.I. *Stanovlenie i razvitie tamozhennogo dela i tamozhennogo zakonodatel'stva Rossii v XIX – nachale XX veka* [Formation and development of customs and customs legislation of Russia in the XIX - early XX century]. М.: Prospekt, 2016. 172 p.
7. Gagemeyster Yu.A. *Rozyskaniya o finansakh Drevney Rossii* [Investigations about the finances of Ancient Russia]. SPb., 1833. 248 p.
8. Gippius A.A. «Vozhzhhey olen'ikh 28...» [“The reindeer reins 28 ...”]. *Zhivaya starina*. 1997. № 3 (15), pp. 21–23.
9. Gippius A.A. *K izucheniyu knyazheskikh ustavov Velikogo Novgoroda: «Ustav knyazya Yaroslava o mostekh»* [To the study of the princely regulations of Veliky Novgorod: “The Charter of Prince Yaroslav about bridges”]. *Slavyanovedenie*. 2005. № 4, pp. 9–24.

10. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian princely statutes XI–XV centuries] / Izd. podgotovil Ya.N. Shchapov. M.: Nauka, 1976. 240 p.
11. *Drevnyaya rossiyskaya vivliofika* [Ancient Russian vivliophics]. Izd. 2-e, vnov' ispravlennoe, umnozhennoe i v poryadok khronologicheskii po vozmozhnosti privedennoe. M., 1788–1791. Part I–XX.
12. *Drevnyaya rossiyskaya vivliofika* [Ancient Russian vivliophics]. SPb., 1773–1775. Part I–X.
13. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [Spiritual and contractual letters of the great and specific princes of the XIV–XVI centuries]. M.-L., 1950. 588 p.
14. Zamozdra G.N., Sapozhnikov A.I. Istochnikovedcheskiy analiz dukhovnykh gramot moskovskikh knyazey XIV veka: opyt primeneniya tekhnologiy XML [Source-study of spiritual literacy of Moscow princes of the XIV century: experience of applying XML technologies]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 41 (179). № 38. p. 154–161.
15. Zakharov V.N., Petrov Yu.A., Shatsillo M.K. *Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX veka* [History of taxes in Russia. IX - the beginning of the XX century]. M., 2006. 296 p.
16. *Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoy politiki Rossii* [History of customs affairs and customs policy in Russia]. Kratkiy kurs lektsiy / Avtor-sostavitel': A.Yu. Solomein. SPb: RIO SPb filiala RTA, 2006. 113 p.
17. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian Government]. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya pyatogo, vypushchennogo v trekh knigakh s prilozheniem «Klyucha» P. M. Stroeva. M., 1988. Book 1. V. 1–4. 691 p.
18. Kashtanov S.M. *Finansy srednevekovoy Rusi* [Finances of medieval Russia]. M.: Nauka, 1988. 248 p.
19. Kislovskiy Yu.G. *Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoy politiki Rossii* [History of customs affairs and customs policy] / Ed. A.E. Zherikhov. M, 2004. 592 p.
20. Klyuchevskiy V.O. Sochineniya: V 9 t. T. 6. *Spetsial'nye kursy* [Special courses] / ed. V.L. Yanin. M., 1989. 476 p.

21. Kozlov S.A., Dmitrieva Z.V. *Nalogi v Rossii do XIX v.* [Taxes in Russia before the XIX century] SPb., 1999. 286 p.
22. Kuchkin V.A. *Dogovornye gramoty moskovskikh knyazey XIV v.: vneshnepoliticheskie dogovory* [Treaty prisons of Moscow princes of the 14th century: foreign policy treaties]. M.: Drevlekhranilishche, 2003. 368 p.
23. Kuchkin V.A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazey XIV v. [The publication of the wills of the Moscow princes of the XIV century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2008. № 1(31). Iyun', pp. 96–108.
24. Kuchkin V.A. K kharakteristike torgovli v Moskve v XIV – nachale XVI v. [To the characteristics of trade in Moscow in the XIV – early XVI century]. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.). K 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN V.I. Buganova: sbornik statey* [Studies on the source study of the history of Russia (before 1917)] / ed. N.M. Rogozhin. M., 2012, pp. 124–140.
25. Kuchkin V.A. Skol'ko sokhranilos' dukhovnykh gramot Ivana Kality? [How many testaments have Ivan Kalita preserved?]. *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [Source Studies of Russian History]. 1989. M.: Nauka, 1989, pp. 206–225.
26. Lermontovskaya entsiklopediya [Lermontov Encyclopedia]. ed. Manuylov V.A. M.: Sov. entsikl., 1981. 746 p.
27. Lur'e Ya.S. O gipotezakh i dogadkakh v istochnikovedenii [On hypotheses and guesses in source study]. Lur'e Ya.S. *Izbrannye stat'i i pis'ma* [Selected articles and letters]. V.G. Vovina-Lebedeva, M. M. Krom ; ed. M. M. Krom. SPb.: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2011, pp. 74–90.
28. Nikolaeva A.T. Iz istorii russkogo aktovogo istochnikovedeniya [From the history of Russian source research]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1962 g* [Archaeographic Yearbook for 1962]. M., 1963, pp. 289–295.
29. Osokin E.G. *Vnutrennie tamozhennye poshliny v Rossii* [Internal customs duties in Russia]. Kazan', 1850. 178 p.
30. Osokin E.G. Neskol'ko spornykh voprosov po istorii finansovogo prava [A few controversial issues on the history of financial law]. *Yuridicheskiy sbornik D. Meyera* [Juridical collection of D. Meyer]. Kazan', 1855, pp. 539–579.

31. *Pamyatniki drevnego russkogo prava, po kharateynomu spisku Imperatorskogo Moskovskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh* [Monuments of ancient Russian law, according to the harathee list of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities]. M.: V Universitetskoy tipografii, 1843. [2], XXIV, 315 p.
32. Perkhavko V.B. *Pervye kuptsy rossiyskie* [The first merchants Russians]. M.: Russkoe slovo, 2004. 558 p.
33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.2. Ipat'evskaya letopis'* [Ipatiev Chronicle]. M., Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 648 p.
34. Semenov A.I. Osmenniki "Ustava o mostekh" [Osmenniki "Statute on bridges"]. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* [Novgorod historical collection]. Novgorod, 1961. № 10, pp. 253–255.
35. Sergeevich V.I. *Leksii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and studies on the ancient history of Russian law]. SPb., 1910. 668 p.
36. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of state certificates and contracts kept in the state collegium of foreign affairs]. Part 1. M., 1813. 533 p.
37. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since ancient times]. Kn. 1. T. 1-5. SPb.: Izd-vo Obshchestvennaya pol'za, b.g. 1726 p.
38. Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. SPb., 1893–1903. T. 1–3.
39. Tolstoy D.A. *Istoriya finansovykh uchrezhdeniy Rossii so vremeni osnovaniya gosudarstva do konchiny imperatritsy Ekateriny II* [The history of financial institutions in Russia since the founding of the state until the death of Empress Catherine II]. SPb., 1848. 258 p.
40. Shemyakin A.I. *Istoriya tamozhennogo dela v Rossii i Yaroslavskiy kray* [The history of customs in Russia and the Yaroslavl Region]. Yaroslavl': Izd-vo "Aleksandr Rutman", 2000. 254 p.
41. Shumakov S.A. Drevnerusskie kosvennye nalogi [Old Russian indirect taxes]. *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy: Trudy Yuridicheskogo Obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom Moskovskom Universitete, i ego Statisticheskogo otdeleniya* [Collection of jurispru-

- dence and public knowledge: Proceedings of the Legal Society, consisting of the Imperial Moscow University, and its Statistics Division]. M., 1897. V. 7, pp. 246–262.
42. Shumilov M.M. *Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya (IX–XVII vv.)* [Trade and customs in Russia: formation, the main stages of development (IX–XVII centuries)]. SPb., 2006. 472 p.
43. Shcherbatov M.M. *Istoriya rossiyskaya ot drevneyshikh vremen* [History of Russia from ancient times]. V. 1–7. SPb.: Izd. kn. B.S. Shcherbatova, 1901–1904.
44. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 g* [The economic history of Russia from ancient times to 1917]: V. 2: N–Ya. M.: ROСПEN, 2008. 1288 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Завьялов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург)

Средний проспект В.О., 57/43, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, 199178, Российская Федерация
postfactum@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zavyalov Dmitry Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, North-West Institute of Management

57/43, Medium Ave., St. Petersburg, Leningrad Region, 199178, Russian Federation
postfactum@bk.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-69-81

УДК 94(470.64)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ У КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В 1870–1917 гг.

Абазов А.Х.

Цель. В статье на материалах Нальчикского горского словесно-го суда исследуются формы социальных конфликтов у кабардинцев и балкарцев в 1870–1917 гг. Социальные конфликты дифференцированы в зависимости от сферы общественной жизни, морально-этических и ценностных ориентиров, количества участников, уровня социальной иерархии и степени социальной напряженности. Автор ставит целью раскрыть особенности социальных конфликтов у кабардинцев и балкарцев в 1870–1917 гг. на примере споров, разбираемых горским словесным судом Нальчикского округа Терской области.

Методы. Методологическая база статьи основана на принципах и методах исторических исследований. В ходе работы применялись принципы научности, объективности, историзма, системности. Кроме того, использовались структурно-функциональный, социально-правовой, социокультурный и аксиологический методы познания права. Статья подготовлена на основе материалов Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (ф. И-22 «Нальчикский горский словесный суд»).

Результаты. В ходе исследования рассмотрены конфликты, связанные с умешенными и неумышленными убийствами, причинением ран и телесных повреждений (в том числе и повлекших утрату трудоспособности потерпевшим), «умыканием» (кражей) невесты, кражей скота и т.п. Установлено, что в деятельности суда доминировали экономические конфликты (споры, связанные с наследством, имущественные вопросы, связанные с опекой и попечитель-

ством, использованием земельными участками и т.п.). Отмечается, что значительное количество конфликтов были двусторонними (большинство из них – материальные компенсации за украденный скот). Главной причиной двусторонних конфликтов было нарушение имущественных прав сторон. Делается вывод, что деятельность Нальчикского горского словесного судов была направлена в основном на урегулирование двусторонних межличностных экономических конфликтов у кабардинцев и балкарцев.

Область применения результатов. Результаты данного исследования могут быть использованы в образовательном процессе и научно-исследовательской деятельности, касающейся вопросов изучения истории суда и судебных учреждений северокавказского региона, и исторического опыта применения традиционных миротворческих практик в условиях интеграции в политико-правовое пространство Российской империи в последней трети XIX – начале XX в.

Ключевые слова: кабардинцы; балкарцы; Нальчикский горский словесный суд; социальный конфликт; миротворческая практика.

THE SOME FEATURES OF REGULATION OF THE SOCIAL CONFLICTS AT THE KABARDIANS AND THE BALKARS IN 1870-1917

Abazov A.H.

The purpose. In the article on the materials of the Nalchik mountain verbal court forms of the social conflicts at the Kabardians and the Balkars in 1870–1917 are investigated. The social conflicts are differentiated depending on the sphere of public life, moral and ethical and valuable reference points, the number of participants, level of social hierarchy and degree of social tension. The author sets as the purpose to reveal features of the social conflicts at the Kabardians and the Balkars in 1870–1917 on the example of the disputes sorted by mountain verbal court of the Nalchik district of the Tersky region.

Methods. *The methodological base of article is founded on the principles and methods of historical researches. During work the principles of scientific character, objectivity, historicism, systemacity were applied. Besides, structurally functional, social and legal, sociocultural and axiological methods of knowledge of the right were used. Article is prepared on the basis of materials of the Central state archive of Kabardino-Balkar Republic (ф. I-22 «The Nalchik mountain verbal court”).*

Results. *During the research the conflicts connected with the found room and unintentional murders, causing wounds and injuries (including entailed disability by the victim), are considered by “umykaniye” (theft) of the bride, theft of the cattle, etc. It is established that in activity of court the economic conflicts (the disputes connected with inheritance, the property questions connected with guardianship and guardianship, use of the land plots, etc.) dominated. It is noted that a significant amount of the conflicts were bilateral (most of them – material compensations for the stolen cattle). Violation of property rights of the parties was the main cause of the bilateral conflicts. The conclusion is drawn that activity Nalchik mountain verbal vessels has been directed generally to settlement of the bilateral interpersonal economic conflicts at the Kabardians and the Balkars.*

Scope of results. *Results of this research can be used in educational process and the research activity concerning questions of studying of history of court and legal agencies of the North Caucasian region, and historical experience of application traditional peacekeeping the practitioner in the conditions of devices to new political and legal system.*

Keywords: *Kabardians; Balkars; Nalchik mountain verbal court; social conflict; peacekeeping practice.*

Введение

Исследование социальных конфликтов и миротворческой деятельности у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. вызывает большой научный интерес, так как накопленный опыт содержит значительный потенциал для действенного регулирования общественных отношений и в настоящее время. Это,

в свою очередь, важное значение для понимания их первопричин, выявления и изучения современных функциональных превентивных мер и миротворческих практик.

В настоящей работе социальный конфликт как объект историко-этнологических исследований понимается в широком смысле. Это, прежде всего, противоречие, возникающее при взаимодействии индивидов и социальных групп и предполагающее поиск путей их разрешения. Поэтому социальный конфликт в прошлом мог быть связан с любым проявлением жизни общества. Это в полной мере относится к кабардинцам и балкарцам в 1870–1917 гг., социальные конфликты и миротворческие практики у которых в этот период обладают типологическим сходством.

Некоторые теоретические аспекты проблемы разработаны в трудах В.А. Тишкова [12], Н.И. Новиковой [9; 10], А.А. Никишенкова [7; 8] и др. и вполне применимы для исследования особенностей решения споров и конфликтов у кабардинцев и балкарцев в последней трети XIX – начале XX в. Вопросы решения споров и конфликтов рассматривались в трудах А.М. Ладыженского [5], Х.М. Думанова [4], Е.Г. Муратовой [3; 6], И.Л. Бабич [2], Ю.Д. Анчабадзе [1], Д.Н. Прасолова [11] и др. Однако комплексного исследования данная проблематика до сих пор не получила.

Материалы и методы

Основной группой источников настоящей статьи являются делопроизводственные документы Нальчикского горского словесного суда. В их числе: постановления (решения) суда, исполнительные листы, протоколы заседаний, отзывы на заочные решения, отзывы канцелярии начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска, предписания начальника Терской области начальникам округов, учетные книги и журналы, ведомости следственных дел, рапорта представителей сельских администраций, апелляционные жалобы на решения сельских и посреднических судов, копии решений сельских судов, решения медиаторских судов, общественные приговоры съездов доверенных сельских обществ

разного уровня и т.п. Эти материалы позволили выявить основные особенности социальных конфликтов у кабардинцев и балкарцев в 1870–1917 гг. Статья подготовлена на основе материалов Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (ф. И-22 «Нальчикский горский словесный суд»).

Работа основана на принципах научности, объективности, историзма, системности. Кроме того, использовались структурно-функциональный, социально-правовой, социокультурный и аксиологический методы познания права.

Результаты и обсуждение

Нальчикский горский словесный суд был учреждён в 1870 г. в рамках реализации судебной реформы 1864 г. Помимо него в округах Терской и Кубанской областей были созданы аналогичные учреждения. Это были специфичные суды, сочетавшие элементы как российской правовой системы, так формы традиционного судопроизводства народов региона. Нальчикский суд просуществовал до начала 1918 г. и накопил богатый опыт решения споров и конфликтов у кабардинцев и балкарцев.

Материалы Нальчикского горского словесного суда позволяют дифференцировать социальные конфликты по разным основаниям. По сфере общественной жизни выделяют экономические, политические, духовные конфликты. В деятельности суда доминировали экономические конфликты (спору, связанные с наследством, имущественные вопросы, связанные с опекой и попечительством, использованием земельными участками и т.п.). Решение политических конфликтов в практике суда широкого распространения не получило. К числу духовных конфликтов относились в основном споры в сфере семейно-брачных отношений.

В рассматриваемый период конфликты нередко возникали по вопросам вступления брак, особенно если этот брак заключался в форме умыкания (кражи) невесты. В практике судебных учреждений Терской области существовало правило, по которому споры, связанные с «похищением девушек для вступления в брак», не мог-

ли быть урегулированы примирением сторон [13, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 1], а нарушители должны были подвергнуться ответственности по нормам российского права. Поэтому Нальчикский горский словесный суд вскоре после своего учреждения стал принимать к разбирательству дела, в которых требовалось установить легитимность брачного союза, назначить меры ответственности в отношении виновных в нарушении сложившихся традиций в этой сфере. Помимо прочего поводом для разбирательств семейно-брачных конфликтов были вопросы взыскания неуплаченного калыма, определения доли в наследстве и т.п. [13, оп. 1, д. 670, л. 1; 13, оп. 1, д. 1487, т. 1; 13, оп. 1, ед. хр. 2407, л. 5].

По количеству участников в практике Нальчикского горского словесного суда встречаются двусторонние и многосторонние конфликты.

Значительное количество конфликтов были двусторонними. Большинство из них – споры о материальных компенсациях за украденный скот [13, оп. 1, ед. хр. 4, л. 2]. Нередко двусторонние конфликты были связаны с нарушением имущественных прав сторон (потрава посевов [13, оп. 1, ед. хр. 2709, л. 7], порубка общественного леса [13, оп. 1, ед. хр. 3704, л. 9–9 об.], раздел имущества при наследовании [13, оп. 1, ед. хр. 2709, л. 8; 13, оп. 1, ед. хр. 2503, л. 7–8 об.], имущественные права при опеке и попечительстве [13, оп. 1, ед. хр. 2709, л. 5; 13, оп. 3, ед. хр. 1330, л. 10 об. – 11]). К многосторонним можно отнести конфликты, в которых затрагивались интересы представителей нескольких живущих по соседству аулов (например, вопросы землепользования, потравы посевов [13, оп. 1, ед. хр. 2300, л. 1–1 об.]).

По уровню социальной иерархии Нальчикский горский словесный суд разбирал в основном межличностные и межгрупповые конфликты.

Межличностные конфликты в материалах суда представлены делами об умышленных и неумышленных убийствах [13, оп. 1, ед. хр. 270, л. 1; 13, оп. 1, ед. хр. 628, л. 15–15 об.; 13, оп. 1, ед. хр. 696, л. 13–13 об.] (в том, числе и о взыскании «платы за кровь» [13, оп. 3, ед. хр. 1330, л. 10 об. – 11; 13, оп. 1, ед. хр. 2510, л. 2]), о рани-

ях, повлекших за собой смерть потерпевшего [13, оп. 1, ед. хр. 405, л. 3], о взыскании материальных компенсаций за причинение ран и телесных повреждений [13, оп. 1, ед. хр. 158, л. 6] и, как следствие, временную и полную потерю трудоспособности [13, оп. 1, ед. хр. 32, л. 1], о взыскании компенсации за кражу скота, пчел или сельскохозяйственного инвентаря [13, оп. 1, д. 33, л. 1; 13, оп. 1, ед. хр. 139, л. 3; 13, оп. 1, ед. хр. 563, л. 1–1 об.], взыскании неуплаченных должниками при освобождении от крепостной зависимости сумм [14, оп. 1, ед. хр. 200, т. 2, л. 219] и т.п.

Межгрупповые конфликты в правоприменительной практике Нальчикского горского словесного суда встречались в исключительных случаях. Чаще всего это были споры, когда представители общественности высказывали возражения в адрес работников административных и судебных учреждений округа [14, оп. 1, ед. хр. 52, л. 30]. Однако такие конфликты в деятельности этого суда разбирались редко.

Далее рассмотрим наиболее типичные конфликты, возникавшие у кабардинцев и балкарцев, и формы их решения официальными и третейскими судами.

Зачастую наказания по делам о бытовых убийствах и ранениях, относящихся к подсудности Нальчикского горского словесного суда, назначались в виде материальных компенсаций в пользу пострадавшей стороны. Например, в деле о ранении О-ва от 1871 г. отмечалось, что он в 1864 г. был ранен в правую ногу выше колена жителем чегемского общества К-вым [13, оп. 1, ед. хр. 32, л. 1]. До этого дело было разобрано на заседании Кабардинского окружного народного суда, функционировавшего в регионе 1858–1870 гг. По его решению виновный уплатил все расходы на лечение раненого. Причем размер компенсации был установлен после выздоровления потерпевшего. Основанием нового конфликта стало то, что потерпевший О-в в последующие семь лет не выздоровел и полностью утратил трудоспособность. В связи с этим родственники О-ва обратились в суд с просьбой о командировании окружного медика для его освидетельствования, после чего планировали подать исковое

заявление в Нальчикский горский словесный суд для пересмотра ранее установленной материальной компенсации. Горский словесный суд удовлетворил повторный иск потерпевшей стороны [13, оп 1, ед. хр. 32, л. 19]. Анализ судебной практики показывает, что размер материальных компенсаций по делам о ранениях в большинстве случаев зависел от суммы средств, затраченных потерпевшей стороной на излечение.

В 1878 г. в деле о ранении К-ва князем А-вым отмечалось, что убытки потерпевшей стороны составили: сумму «на покупку 15 фунтов... (неразб. – А.А.), дров на отопление сакли больного брата (22 руб. 50 коп.), на угощение посещавших в ночное время употреблено 10 баранов, что стоит 10 баранов, проса 15 мер – 7 р. 50 коп., на покупку лекарства 3 руб., уплатил лекарю за лечение больного 25 руб., и понесено убытку через потерю временного работника 30 руб. а всего убытку на сумму сто тридцать восемь рублей серебром» [13, оп. 1, ед. хр. 357, л. 1–1 об.]. Поэтому представители потерпевшей стороны ходатайствовали у начальника округа о взыскании «означенной суммы денег 138 руб. с г. князя корнета А-ва» [13, оп. 1, ед. хр. 357, л. 1–1 об.]. Суд постановил, что «А-в обязан заплатить пострадавшему К-ву двести руб., из них пятьдесят руб. сейчас же, семьдесят пять осенью сего года в георгиевскую ярмарку, а остальные семьдесят пять рублей в весеннюю георгиевскую ярмарку; первые пятьдесят рублей наличными деньгами, а остальные 150 – скотом» [13, оп. 1, ед. хр. 357, л. 9–9 об.]. Данный случай можно классифицировать как двусторонний межличностный экономический конфликт. В этом случае, материальная «компенсация» складывалась не только из средств, затраченных на излечение раненного, но и включала все сопутствующие расходы потерпевшей стороны по этому факту.

В ходе исследования групповых конфликтов нами были выявлены такие формы их решения, как «мировые сделки» [13, оп. 1, ед. хр. 2407, л. 3], «полюбовные сказки» (своеобразные соглашения, обязательное для исполнения сторонами конфликта [15, оп. 1, д. 209, т. 1, л. 237–238 об.]) и др. Примечательно, что они заключались по

установленной форме в письменной виде и подлежали обязательному удостоверению со стороны служащих администрации или суда.

Одной из форм решения конфликтов в последней трети XIX – начале XX в. по-прежнему оставалось взятие на поруки правонарушителя авторитетными жителями региона [13, оп. 1, ед. хр. 139, л. 3]. В случае повторного нарушения ответственность налагалась на поручителя.

В конце XIX – начале XX в. стала возрастать роль присяжников в судопроизводстве Нальчикского округа Терской области. В их обязанности входило оглашение известных им сведений по разбираемым делам в судебном заседании. Это вызвало необходимость разработки правил, регламентирующих порядок их привлечения к участию в процессе. Такие правила были разработаны судьями Нальчикского горского словесного суда и утверждены начальником Терской области. Суд постановил, что «присягатели» могут назначаться потерпевшими из равноправных односельчан обвиняемого [13, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 10–11]. Непредставление присяжника и его неявка без уважительных причин на судебное разбирательство влекли за собой «обвинение в совершении известного деяния и ответственность уголовную и гражданскую» [13, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 10–11]. Потерпевшему предоставлялось право отвода присягателя, если они находились в состоянии вражды, состояли в родственных отношениях, душевнобольным, «порочным» и т.п. Присягателями с согласия обвиняемого могли стать и его родственники как обвиняемого, так и потерпевшего.

Заключение

Таким образом, деятельность официальных судов Нальчикского округа Терской области бала направлена на урегулирование типологически сходных конфликтов у кабардинцев и балкарцев. Это дает основание дифференцировать конфликты по видовой принадлежности по различным основаниям (экономические, политические, духовные – по сфере общественной жизни, двусторонние и многосторонние – по количеству участников, межличностные и межгрупповые – по уровню социальной иерархии и т.п.). Изуче-

ние правоприменительной практики этого суда показывает, что в большинстве случаев на его заседаниях разбирались двусторонние межличностные экономические конфликты среди как среди кабардинцев, так и балкарцев. Основными формами примирения было назначение материальных компенсаций по делам об убийствах и причинении ран и телесных повреждений, передачу на поруки правонарушителя авторитетным жителями региона, заключение мирowych сделок и «полюбовных сказок» и т.п. Наиболее частыми были материальные компенсации, размер которых складывался из «платы» за преступление и фактически понесенных потерпевшей стороной расходов на организацию траурных мероприятий по делам об убийствах или расходов на лечение раненного. В 1870–1917 гг. деятельность Нальчикского горского словесного суда регламентировались едиными для Теской и Кубанской областей нормативными документами, что предопределяло применение типологически схожих для этих регионов примирительных механизмов. Выработанные судом миротворческие практики опирались в основном на традиционные формы решения споров и конфликтов и применялись в судопроизводстве в том виде, в котором это не противоречило действующим нормам российского права.

Список литературы

1. Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, 2012. 268 с.
2. Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, 1999. 238 с.
3. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века (сельская община). Нальчик: Эльбрус, 1997. 176 с.
4. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX вв.). Нальчик: Эльбрус, 1976. 139 с.
5. Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа / Подготовка текста и комментарии И.Л. Бабич. Под общей редакцией А.С. Зей-

- налабидова и В.В. Черноуса. Ростов н/Д: Издательство СКНШ ВШ, 2003. 204 с.
6. Муратова (Битова) Е.Г. Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XIX в.). Нальчик: КБГУ, 2012. 156 с.
 7. Никишенков А.А. Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке – начале XX века. М.: Современ. тетради, 2003. 300 с.
 8. Никишенков А.А. Обычное право народов России. Библиографический указатель. 1890–1998. М.: Старый сад, 1998. 252 с.
 9. Новикова Н.И. Антропология права начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь / Отв. ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М.: Издательский дом Стратегия, 2000. С. 7–14.
 10. Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии: Сборник научных статей / Отв. ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М.: Издательский дом Стратегия, 2002. 400 с.
 11. Прасолов Д.Н. Сельская община в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2002. 238 с.
 12. Тишков В. А. Этничность, право и закон // Человек и право: книга о летней школе по юридической антропологии. Институт этнологии и антропологии РАН; Комиссия по обычному праву и правовому плюрализму Международного Союза антропологических и этнологических наук. М.: Издательский дом Стратегия, 1999. С. 189–195.
 13. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (Далее. – УЦГА АС КБР), ф. И-22 «Нальчикский горский словесный суд».
 14. УЦГА АС КБР, ф. И-3 «Георгиевское окружное управление».
 15. УЦГА АС КБР, ф. И-40 «Управление межевой частью Терской области».

References

1. Anchabadze Yu.D. *Politicheskaya kul'tura adygov: traditsionnye instituty i ikh evolyutsiya (vtoraya polovina XIX v. – 1920-e gody)* [The political culture of the Adyghe: traditional institutes and their evolution (the second half of the 19th century – the 1920th years)]. M.1: In-t etnologii i antropologii im. Miklukho-Maklaya RAN, 2012. 268 p.

2. Babich I.L. *Evolyutsiya pravovoy kul'tury adygov (1860–1990-e gody)* [Evolution of legal culture of the Adyghe (1860–1990th years)]. M.: In-tnologii i antropologii im. Miklukho-Maklaya RAN, 1999. 238 p.
3. Bitova E.G. *Sotsial'naya istoriya Balkarii KhKh veka (sel'skaya obshchina)* [The social history of the Balkaria XIX centuries (rural community)]. Nal'chik: El'brus, 1997. 176 p.
4. Dumanov Kh.M. *Obychnoe imushchestvennoe pravo kabardintsev (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The common property law of the Kabardians (the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries)]. Nal'chik: El'brus, 1976. 139 p.
5. Ladyzhenskiy A.M. *Adaty gortsev Severnogo Kavkaza* [Adats of mountaineers of the North Caucasus]. Ed. A.S. Zeynalabidov, V.V. Chernousa. Rostov n/D: Izdatel'stvo SKNSh VSh, 2003. 204 p.
6. Muratova (Bitova) E.G. *Balkarskie obshchestva na puti ot traditsiy k sovremennosti (XVII – nachalo XIX v.)* [The Balkar societies on the way from traditions to the present (XVII – the beginning of the 19th century)]. Nal'chik: KBGU, 2012. 156 p.
7. Nikishenkov A.A. *Krest'yanskoe pravosudie. Obychnoe pravo rossiyskogo krest'yanstva v XIX veke – nachale KhKh veka* [Country justice. Common law of the Russian peasantry in the 19th century – the beginning of the XX century.]. M.: Sovrem. tetradi, 2003. 300 p.
8. Nikishenkov A.A. *Obychnoe pravo narodov Rossii* [Common law of the people of Russia]. Bibliograficheskiy ukazatel'. 1890–1998. M.: Staryj sad, 1998. 252 p.
9. Novikova N.I. *Antropologiya prava nachalo i evolyutsiya distsipliny* [Anthropology of law beginning and evolution of discipline]. Yuridicheskaya antropologiya. Zakon i zhizn' / Ed.: Novikova N.I., Tishkov V.A. M.: Izdatel'skiy dom Strategija, 2000. P. 7–14.
10. *Obychay i zakon. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii* [Custom and law. Researches on legal anthropology], ed. Novikova N.I., Tishkov V.A. M.: Izdatel'skiy dom Strategija, 2002. 400 p.
11. Prasolov D.N. *Sel'skaya obshchina v Kabarde vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh v.* [Rural community in Kabarda in the second half of XIX – the beginning of the 20th century.]. Nal'chik, 2002. 238 p.

12. Tishkov V.A. Etnichnost', pravo i zakon [Ethnicity, right and law]. *Chelovek i pravo: kniga o letney shkole po yuridicheskoy antropologii* [The person and the right: the book about a summer school on legal anthropology]. M.: Izdatel'skiy dom Strategija, 1999. P. 189–195.
13. Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoy sluzhby Kabardino-Balkarskoy Respubliki (Office of the Central State Archives of the Archives Service of the Kabardino-Balkarian Republic), f. I-22 «Nal'chikskiy gorskiy slovesnyy sud».
14. UTsGA AS KBR, f. I-3 «Georgievskoe okruzhnoe upravlenie».
15. UTsGA AS KBR, f. I-40 «Upravlenie mezhevoy chast'yu Terskoy oblasti».

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Абазов Алексей Хасанович, докт. истор. наук, с.н.с. сектора средневековой и новой истории

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

*ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, 360000, Российская Федерация
Scopus Author ID: 55799413900*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Abazov Alexei Hasanovich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Sector of a Medieval and Modern History

The Institute for the Humanities Research – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”

*18, Pushkin Str., Nalchik, 360000, Russian Federation
alex_abazov@list.ru*

SPIN-code: 8002-5155

ORCID: 000-0003-4004-7009

Scopus Author ID: 55799413900

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-82-95

УДК 93/94.330.85

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О ПОТРЕБНОСТЯХ НАСЕЛЕНИЯ

Клинова М.А.

Цель. В работе было предпринято исследование текстов «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса, направленное на раскрытие содержания и объема категории «потребность».

Метод или методология проведения работы. Среди методов исследования были использованы количественные методы – контент-анализ, а также качественный анализ текстов.

Результаты. Были выделены конкретные теоретические положения, сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом относительно формирования, развития и классификации потребностей населения. Выявлено, что в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса более детально рассмотрены потребности населения в капиталистическом обществе. Их рассмотрение реализуется в рамках классового подхода, обозначенного антитезой «рабочие – буржуазия», чем и объясняется категоричность и схематизм в описании потребностей данных классов. Доказано, что в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса отсутствуют конкретные положения, относительно векторности и объемов развития потребностей населения в коммунистическом обществе. Коммунистическое будущее прописано исключительно на контрасте с капиталистической реальностью, это обусловило идеализм в его описании.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть востребованы в философских, социологических и исторических исследованиях, касающихся проблематики марксизма.

Ключевые слова: марксизм; потребности; потребление; коммунизм; капитализм; закон возвышения потребностей; буржуазия; пролетариат.

K. MARX AND F. ENGELS ON THE NEEDS OF THE POPULATION

Klinova M.A.

Purpose. *The paper analyzes the “Compositions” of K. Marx and F. Engels aimed at revealing the content and volume of the category “need”.*

Methodology. *Among the research methods were used quantitative methods-content analysis, as well as qualitative analysis of texts.*

Results. *Specific theoretical provisions formulated by K. Marx and F. Engels concerning the formation, development and classification of population needs were identified. It is revealed that in the writings of K. Marx and F. Engels, the needs of the population in capitalist society are considered in more detail. Their review is implemented within the framework of the class approach, labeled the antithesis of “workers – bourgeoisie”, which explains the flatness and sketchiness in describing the needs of these classes. It is proved that in the works of K. Marx and F. Engels there are no specific provisions regarding the vector and volume of development of the needs of the population in the Communist society. The Communist future is written solely in contrast to the capitalist reality, which led to idealism in its description.*

Practical implications. *The results of the study may be in demand in philosophical, sociological and historical studies concerning the problems of Marxism.*

Keywords: *Marxism; needs; consumption; communism; capitalism; law of exaltation of needs; bourgeoisie; proletariat*

Введение

В XX в. обращение к работам К. Маркса и Ф. Энгельса играло немаловажную роль при разработке идеологических конструктов, регулирующих различные сферы советской повседневности. Тексты К. Маркса и Ф. Энгельса играли роль своеобразных маяков-эталонов, обозначающих векторность «правильного» курса социалистического строительства, и «сверка» планируемых и фактических реалий с

ними (хотя бы декларируемая), являлась неотъемлемой практикой власти, направленной на легитимацию принимаемых решений. Цитирование их работ фиксировалось в научных исследованиях любого направления, составляя костяк существующей в СССР научной методологии с ее специфическим видением динамики, стадийности и перспектив общественного развития, а также характерным терминологическим аппаратом и методологическим инструментарием.

Сегодня обращение к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса не является редким сюжетом отечественного научного дискурса. Авторы пытаются переосмыслить теоретическое наследие основоположников марксизма с учетом изменившихся политико-экономических реалий. Рассматриваются выдвинутые К. Марксом концепции труда и человека [5; 12; 13], оценивается правомерность и актуальность сформулированных им законов развития социума [6; 9; 11; 15]. В то же время изложение проблематики потребностей населения в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса остается на сегодняшний день вне фокуса исследовательского поиска, чем и обусловлена необходимость обращения к данной теме.

В данной статье был предпринят анализ работ К. Маркса и Ф. Энгельса, направленный на решение следующих задач: раскрыть содержание и объем категории *потребность*; выявить сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом теоретические положения, отражающие законы развития потребностей; охарактеризовать специфику развития потребностей населения при капитализме, определить, были ли в работах К. Маркса и Ф. Энгельса обозначены векторы развития потребностей, формы и границы потребительских стремлений, призванные регулировать потребности граждан в обозначаемом авторами коммунистическом будущем.

Материалы и методы

Новизна работы обусловлена выбором источника исследования, в качестве которого использовались не отдельные труды, а весь пласт работ К. Маркса и Ф. Энгельса (включая черновики, тексты писем и выступлений), вошедших в пятидесяти томное второе издание «Сочинений» (М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры. 1955–1981). Значительные

объемы анализируемого материала обусловлены как целями исследования, так и методами его реализации. В работе были использованы количественные и качественные методы. Приоритетным количественным методом обработки материала являлся контент-анализ, позволивший зафиксировать частоту употребления выделенных категорий в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Количественный анализ дополнялся качественным анализом материалов, что позволило учесть содержательный контекст употребления отдельных понятий в текстах «Сочинений». Сочетание количественных и качественных методов анализа применительно к изучению трудов К. Маркса и Ф. Энгельса также определило новизну предпринятого исследования.

Результаты

Теория потребностей

В текстах «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса понятие *потребность* характеризуется значительной востребованностью. Предпринятый контент-анализ показал, что в контексте обращения авторов к проблематике материальных и духовных стремлений различных классов, оно упоминается более двух тысяч раз (в данное количество не были включены упоминания понятия *потребность*, связанные с политическими и властными стремлениями населения: *потребность в революции, в войне*, и т.п.). Данное понятие занимает важное место в обосновании главной философской теории марксизма – исторического материализма. В рамках этой теории *потребности* понимались как неотъемлемая характеристика и стимул всей человеческой деятельности: «... никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности ... если житейские отношения мешают ему удовлетворить свой желудок, то этот его желудок становится господином над ним, стремление к еде становится навязчивым стремлением, а мысль о еде – навязчивой идеей...» [10, т. 3, с. 345]. Именно *потребности*, присущие всем представителям человеческого сообщества, выступали в качестве важной социально образующей категории, а также стимулом для развития общества в целом.

При всей важности данной категории, конкретные теоретические положения, сформулированные авторами относительно формирования и развития потребностей, ограничиваются тремя позициями.

Во-первых, *процесс формирования потребностей тесно связан с развитием материального производства*: «...производство ... создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно производит, поэтому предмет потребления, способ потребления и побуждение к потреблению. Точно так же потребление порождает способности производителя, возбуждая в нем направленную на определенные цели потребность» [10, т. 12, с. 718].

Во-вторых, К. Марксом и Ф. Энгельсом была обозначена *классификация потребностей*. Наиболее важными являются *материальные потребности*. Данный вывод можно сделать, основываясь на нескольких высказываниях авторов. В совместной работе «Немецкая идеология» (1845–1846 гг.) К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают: «... для жизни нужны, прежде всего, пища и питье ... и ещё кое-что» [10, т. 3, с. 26]. В статье «Политические события. – Недостаток хлеба в Европе» (1853 г.) Маркс практически повторяет данный тезис: «Самые цивилизованные народы, как и самые неразвитые дикари, должны обеспечить себя питанием, прежде чем позаботиться о чем-нибудь другом» [10, т. 9, с. 320]. В текстах «Сочинений» авторами определяются и *социальные потребности* (само понятие упоминается авторами менее десяти раз). В работе «К критике гегелевской философии права» К. Маркс замечает: «...сапожник является моим представителем, поскольку он удовлетворяет известную социальную потребность» [10, т. 1, с. 359]. Отсутствие в текстах «Сочинений» иных характеристик *социальных потребностей*, позволяет прийти к выводу, что они понимались авторами как потребности в предметах, вещах используемых людьми в процессе своей жизнедеятельности в социуме. Именно *социальный* компонент потребностей эволюционировал в процессе развития общественных отношений, в результате чего человеческие потребности усложнялись, как сущностно, так и по спо-

собам их удовлетворения. Такая трактовка социальных потребностей также позволяет говорить о них как о потребностях *материальных*. В целом, в текстах «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса преимущественное внимание уделялось именно материальным потребностям, соответствуя их материалистическому пониманию развития социума. К. Марксом и Ф. Энгельсом отмечено наличие у индивидов и *духовных потребностей*. Развитие и реализация духовных потребностей могла быть возможна только после удовлетворения материальных запросов: «Чтобы народ развивался свободнее в духовном отношении, он не должен быть больше ... крепостным своего тела. Ему необходимо, следовательно, иметь, прежде всего, досуг для духовной деятельности» [10, т. 42, с. 55]. Поэтому в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса упоминание о духовном развитии индивидов, как правило, реализовывалось в контексте будущего времени, в русле изложения перспектив построения коммунистического общества.

В-третьих, в работах К. Маркса и Ф. Энгельса была отмечена закономерность *перманентного развития и возрастания потребностей населения* (впоследствии обозначенная как «закон возвышения потребностей»). На страницах «Немецкой идеологии» (1845–1846 гг.) авторы отмечают: «сама удовлетворённая первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретённое орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, ... умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население – новые потребности» [10, т. 3, с. 27]. Обозначенная закономерность перманентного развития и возрастания потребностей населения была, по утверждению К. Маркса и Ф. Энгельса, в равной степени применима как к материальным, так и к духовным запросам граждан. В «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) они пишут: «Вместо старых потребностей ... возникают новые. ... Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству» [10, т. 4, с. 428].

Потребности населения при капитализме и коммунизме

Помимо детерминированности потребностей уровнем материального производства, в текстах «Сочинений» авторами многократно

подчеркивалась социальность потребностей. В этой связи достаточно специфично, что дифференциация потребностей в капиталистическом обществе К. Марксом и Ф. Энгельсом более четко определяется не в теоретической плоскости (материальные – духовные), а в социальном (классовом) разрезе, определяемом марксистской дихотомией «буржуазия–пролетариат». К. Маркс замечает: «Не может быть мира между этими двумя обществами. Их материальные интересы и потребности вызывают борьбу между ними не на жизнь, а на смерть» [10, т. 6, с. 269]. В текстах трудов К. Маркса и Ф. Энгельса приводится более чем избыточный объем аргументов, подтверждающих тезис об антагонизме потребностей буржуазии и пролетариата. Потребительские стремления представителей класса буржуазии определялись через исключительно негативные категории «алчности», «наживы», «стяжательства» [3, с. 58]. Потребности рабочих наоборот характеризовались «ущербностью» и «ограниченностью», вследствие невозможности их реализации в рамках капиталистического мироустройства: «Рабочий класс остается нищим среди возрастающего богатства, нищим среди возрастающей роскоши. Материальные лишения уродуют рабочих как в моральном, так и физическом отношении» [10, т. 17, с. 636]. Противоречие потребностей означенных двух классов выводится авторами из их обратно пропорциональной зависимости: «обнищание рабочего и обогащение капиталиста соответствуют друг другу, идут нога в ногу» [10, т. 42, с. 129]. Единственным способом изменения данной ситуации являлось разрушение капиталистического уклада и построение коммунистического общества.

Обращает на себя внимание описательная характеристика потребностей, используемая в текстах «Сочинений». Рассуждая о потребностях населения, К. Маркс и Ф. Энгельс нередко определяют их через две категории: *нужды* и *наслаждения*. Использование того или иного понятия определяется содержанием и контекстом изложения.

Понятие *нужда* отличается достаточно высокой частотой употребления. Предпринятый контент-анализ текстов «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса, позволил зафиксировать более шести ста употреблений данной категории в рамках проблематики потребе-

ния и потребностей. Зачастую понятие «нужда» используется авторами как характеристика потребностей и потребления рабочих или крестьян в рамках капиталистической системы, широко употребляется в контексте обоснования девиантных проявлений пролетариата (краж, пьянства), а также фигурирует в рассуждениях, направленных на обоснование необходимости революционных перемен: «грядущая социальная революция не пройдёт мимо истинных причин нужды и бедности» [10, т. 3, с. 553].

В текстах К. Маркса и Ф. Энгельса достаточно высокой частотой использования характеризуется и понятие *наслаждение* (применительно к проблематике потребления и потребностей населения – более ста раз). Согласно К. Марксу, именно через категорию «наслаждение» проходит грань социальной дифференциации – диалектики наслаждений и страданий в обществе [10, т. 3, с. 419]. При сопоставлении контекстуального употребления категорий *нужда* и *наслаждение* обращает на себя внимание тот факт, что именно *наслаждение* презентуется в качестве одной из характеристик, отличающих человека от животного. В письме к П.Л. Лаврову К. Маркс пишет: «Существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае собирают, тогда, как люди производят. ... Благодаря этому различию стало возможным, как Вы правильно заметили, чтобы “человек вел борьбу не только за существование, но за наслаждение и за увеличение своих наслаждений” ... Борьба за существование, – если мы на момент оставим здесь в силе эту категорию, – превращается, таким образом, в борьбу за наслаждения» [10, т. 34, с. 137]. Также посредством обращения к категории «наслаждение» марксистами описываются перспективы коммунистического будущего. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают: «Не требуется большой остроты ума, чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма о природной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей ... о высоком значении промышленности, о правомерности наслаждения и т. д. – и коммунизмом и социализмом» [10, т. 2, с. 145]. Важно подчеркнуть, что в работах К. Маркса и Ф. Энгельса

полностью отсутствует употребление категории *нужда* применительно к описанию перспектив коммунистического будущего (даже в значении удовлетворения нужд населения).

В контексте рассмотрения проблематики потребностей населения немаловажным является вопрос их пределов. Некоторые выводы о допустимых пределах потребностей (в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса), можно сделать на основании оценочных характеристик, используемых в текстах при описании человеческих стремлений.

Рассуждая о границах потребностей населения капиталистического этапа развития социума, К. Маркс и Ф. Энгельс руководствуются классовым подходом. Авторами негативно оценивается неумеренность и чрезмерность потребностей буржуазии и аристократии: «... в верхах буржуазного общества нездоровые и порочные вожделения проявились в той необузданной ... форме, в которой порожденное спекуляцией богатство ищет себе удовлетворения сообразно своей природе, ... деньги, грязь и кровь сливаются в один поток» [10, т. 7, с. 11]. В то же время К. Маркс и Ф. Энгельс критикуют любые практики ограничения и самоограничения потребностей и потребления рабочих: «политэконом ... сводит потребности рабочего ... к самому необходимому и самому жалкому поддержанию физической жизни, ... стало быть, говорит он, у человека нет никакой иной потребности ни в деятельности, ни в наслаждении; ... вследствие этого политическая экономия, эта наука о богатстве, есть в то же время наука о самоотречении, о лишениях ... ее основной тезис – самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей» [10, т. 42, с. 131–132].

В отношении потребностей населения при коммунизме Маркс и Энгельс не уточняют, существуют ли границы, определяющие пределы материальных стремлений граждан. Единственным, обозначенным авторами, ориентиром «правильного» развития потребностей и потребления населения в рамках коммунистического общества, является их направленность на «свободное развитие и проявление способностей» индивида [10, т. 3, с. 196]. Более конкретных заявлений на этот счет в текстах «Сочинений» не приводится. О наличии лакуны в рассмотрении данной проблематики достаточно красноречиво

свидетельствует следующий фрагмент из «Немецкой идеологии»: «Коммунистическая организация действует двояким образом на желания, вызываемые в индивиде нынешними отношениями; часть этих желаний, ... которые существуют при всяких отношениях, ... подвергаются и при этой общественной форме изменению, поскольку им доставляются средства для нормального развития; другая же часть, а именно те желания, которые обязаны своим происхождением лишь определённой общественной форме, ... совершенно лишаются необходимых для них условий жизни. *Какие именно влечения при коммунистической организации подвергаются лишь изменению, а какие упраздняются, — можно решить только практическим путём, посредством изменения действительных, практических влечений, а не посредством сравнений с прежними историческими отношениями* (курсив мой – М.К.)» [10, т. 3, с. 245]. В приведенном тексте, в очередной раз подчеркивая производственную детерминированность человеческих стремлений, К. Маркс и Ф. Энгельс, по сути, оставляют вопрос векторов и пределов потребностей открытым, не детализируя его даже на весьма приблизительном уровне. Следует заметить, что приведенный фрагмент вошел во второе издание «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса в форме подстрочного примечания, сопровождающегося редакторской пометкой «в рукописи перечеркнуто». Вероятно, данное рассуждение показалось излишне пространственным и самим авторам «Немецкой идеологии», хотя означенный текст является единственным примером их высказывания по данной теме.

Заключение

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса был сформулирован ряд теоретических положений относительно онтогенеза и классификации потребностей, их детерминированности уровнем экономического производства. Впоследствии некоторые из обозначенных авторами «Сочинений» тезисов, были скорректированы в советском дискурсе. В частности изменения были внесены в понимание закона «возвышения потребностей». К. Марксом и Ф. Энгельсом утверждался перманентный рост всех потребностей (материальных и духовных), в то

время как в советском дискурсе была акцентирована важность более «бурного роста духовных потребностей» населения, а материальные притязания граждан определялись через понятие «предельности».

Описанию потребностей и потребления населения при капитализме уделено значительное внимание в текстах «Сочинений». Авторы приводят подробные теоретические выкладки о специфике их развития, подкрепляя фактическими данными по ряду стран Европы. В то же время рассмотрение К. Марксом и Ф. Энгельсом потребностей в русле классовой детерминации обусловило категоричность в их отображении.

Проблематика перспектив развития потребностей и границ потребления населения в рамках коммунистического этапа была прописана К. Марксом и Ф. Энгельсом весьма эскизно. Вероятно, устройство грядущего коммунистического будущего было не вполне понятно и самим авторам, которые обрисовывали коммунистические перспективы скорее на контрасте с проживаемой капиталистической реальностью. В «Немецкой идеологии», рассуждая о коммунизме, К. Маркс и Ф. Энгельс замечают: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [10, т. 3, с. 34]. Содержательное конструирование коммунистического будущего, исходящее из единственного посыла его как «не капитализма», определило значительный крен в работах К. Маркса и Ф. Энгельса в сторону идеализма (утопизма) в его описании, при минимальной детализации конкретных форм и специфики коммунистического мироустройства. На создание образа идеального коммунистического мира работала антитеза *нужда–наслаждение*, четко маркирующая воссозданное в работах К. Маркса и Ф. Энгельса пространство *капитализм–коммунизм*. Субъективная категория *наслаждение*, пленяющая своей безграничностью, несомненно, являлась более подходящей для создания образа коммунизма, в сравнении с посконным понятием *удовлетворение нужд*, существенно ограничивающим горизонты потребительских фантазий.

Отмеченная рядом современных авторов недостаточная конкретность разъяснений и расплывчатость формулировок в работах основоположников марксизма [1; 2; 4; 8; 14] поставила последователей теории перед необходимостью ее дополнения и дописывания. Сложность, с которой столкнулись впоследствии советские исследователи, была связана с необходимостью создания системы, которая позволяла бы объяснить экономические девиации советского социума, учесть фактический экономический потенциал страны, динамику потребления населения и реалии перспективного планирования в СССР и при этом сочеталась с разрозненными и неконкретными суждениями о коммунизме, высказанными К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Список литературы

1. Алаев Л.Б. Марксизм // Теория и методология истории. Волгоград: Учитель, 2014. С. 55–89.
2. Библер В.С. О Марксе – всерьез (размышления в конце XX века) // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 119–127.
3. Богачев О.А. Капиталист как психологический тип денежного фетишиста: по материалам «Капитала» Маркса // Вестник Тверского государственного университета. 2011. N 1. С. 57–72.
4. Горидько М.И. О современном понимании марксистского учения в России // Вестник РГАЗУ. 2013. № 1. URL: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155324/001.pdf (дата обращения: 09.01.2018).
5. Гриценко В.С., Орлов В.В. «Экономические рукописи» К. Маркса: концепция всеобщего труда // Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2012. № 6. С. 5–11.
6. Длугач Т.Б. Маркс сегодня // Философские науки. 2012. № 7. С. 57–72.
7. Кашин В.В. Концепция человека в работах К. Маркса // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 2. С. 29–38.

8. Лачинов Ю.Н. Развенчание и продолжение Маркса: логика, доведенная до абсурда, или альтернативная политэкономия // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. № 5. С. 11–14.
9. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Значение философии К. Маркса сегодня // Философия и общество. 2008. № 3. С. 5–19.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. В 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955–1981.
11. Шелике В.Ф. Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности // Философские науки. 2013. № 3. С. 37–48.
12. Шипелик О.В. Понятие труда у Маркса и тенденции развития современной трудовой сферы // Научные труды SWorld. 2014. Т. 23. № 1. С. 43–46.
13. Шипелик О.В. Учение Маркса о человеке в контексте развития современного общества // Альманах современной науки и образования. 2012. № 5. С. 171–172.
14. Шмелев Г.И. К. Маркс и Ф. Энгельс без пьедестала // Россия и современный мир. 2003. № 4 (41). С. 124–138.
15. Якоба И.А., Тимофеев С.С. К. Маркс как эффективный дискурсолог XX века: лингво-когнитивные механизмы «умной» настройки дискурса // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2015. № 1. С. 270–274.

References

1. Alaev L.B. *Teoriya i metodologiya istorii* [Theory and Methodology of History]. Volgograd: Uchitel', 2014, pp. 55–89.
2. Bibler V.S. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1996. № 1, pp. 119–127.
3. Bogachev O. A. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. N 1, pp. 57–72.
4. Gorid'ko M.I. *Vestnik RGAZU*. 2013. № 1. URL: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155324/001.pdf (accessed February 09 2018).
5. Gricenko V.S., Orlov V.V. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo*. 2012. № 6, pp. 5–11.

6. Dlugach T.B. *Filosofskie nauki*. 2012. № 7, pp. 57–72.
7. Kashin V.V. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2004. № 2, pp. 29–38.
8. Lachinov U.N. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2015. № 5, pp. 11–14.
9. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Filosofiya i obshchestvo*. 2008. № 3. S. 5–19.
10. Marks K., Engel's F. *Sochineniya*. [Compositions]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1955–1981.
11. Shelike V.F. *Filosofskie nauki*. 2013. № 3, pp. 37–48.
12. Shipelik O.V. *Nauchnye trudy SWorld*. 2014. T. 23. № 1, pp. 43–46.
13. Shipelik O.V. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2012. № 5, pp. 171–172.
14. Shmelev G.I. *Rossiya i sovremennyy mir*. 2003. № 4 (41), pp. 124–138.
15. Yakoba I.A., Timofeev S.S. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. SHuhova*. 2015. № 1, pp. 270–274.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Клинова Марина Александровна, доцент кафедры истории и философии, кандидат исторических наук

*Уральский государственный экономический университет
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45, 620144, г. Екатеринбург,
Свердловская область, Российская Федерация
klinowa.m@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Klinova Marina Aleksandrovna, Docent Department of History and Philosophy, Candidate of Science (History)

*Ural State University of Economics
62/45, 8 Marta/Narodnoy voli Str., Ekaterinburg, 620144, Russian
Federation.*

klinowa.m@yandex.ru

SPIN-code: 6052-1285

ORCID: 0000-0003-0725-4161

Scopus Author ID: 57195422603

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-96-118

УДК 281.93

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В США В 1794–1917 гг.: СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛЕЙ

Юзликеев Ф.В.

Цель. Тема социальной и политической ролей религиозных структур на протяжении последних лет является весьма актуальной среди ученых ввиду высокого влияния духовных организаций на общественность. Для российских исследователей особый интерес в этом отношении вызывает Русская православная церковь как институт тесно связанный с государством. Другой важной проблемой современной науки являются российско-американские отношения и история взаимодействия двух государств. Данная статья посвящена истории распространения русского православия на территории США в период существования Российской империи и включает анализ специфики социальной и политической ролей, которая сложилась у православной епархии на новой земле.

Методология. Исследование основано на анализе открытых источников и демографических данных с использованием историко-генетического, сравнительно-исторического методов.

Результаты. В ходе проведённого исследования установлено, что деятельность Русской православной церкви на Аляске в период 1794–1867 гг. состояла, преимущественно, из просветительно-образовательной работы, оказания гуманитарной помощи населению и контроля за общественно-политической обстановкой. Передача территории Аляски от России к США привела к территориальному расширению епархии, изменению её статуса и функций. Теперь церковь, помимо миссионерской и просветительно-образовательной деятельности, сосредоточилась на адаптации мигрантов к жизни в новой стране и оказании им финансовой помощи. Также

работа епархии в США могла оказывать незначительное влияние на дипломатические связи России с Австро-Венгрией и Грецией.

Область применения результатов. *Результаты работы могут быть использованы для дальнейших исследований социальной и политической ролей Русской православной церкви, российско-американского религиозного взаимодействия и изучения международной деятельности церкви.*

Ключевые слова: *Русская православная церковь; социальная активность РПЦ; политическая активность РПЦ; православие в США; православие и общество; православие и власть, миссионерская деятельность РПЦ.*

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE USA IN 1794–1917: THE SPECIFICITY OF SOCIAL AND POLITICAL ROLE

Yuzlikeev Ph.V.

Purpose. *The social and political role of religious institutions has been an important topic among researchers due to high impact of religious organizations on a society. Russian Orthodox Church as an institution closely related to State is significant for Russian researchers. Another important topic is Russian-American relations and the history of interactions between two states. This paper is dedicated to history of spreading of Russian Orthodoxy across USA during the period of Russian Empire. It includes an analysis of Orthodox diocese's social and political role in new lands.*

Methodology. *The research is based on the analysis of open sources and demographic data within historical-genetic, comparative-historical methods.*

Results. *The research revealed that the activity of Russian Orthodox Church in Alaska during the 1794–1867 has mainly consisted of enlightenment and educational services, humanitarian aid and control of socio-political situation. The transfer of Alaska from Russia to USA had led to territorial expansion of diocese and change in its status and*

functions. Thus, apart from missionary, it had focused on financial aid and immigrant assistance for new arrivals. Also the activity of Russian Orthodox diocese in USA could have a minor influence on diplomatic relations of Russia with Austro-Hungarian Empire and Greece.

Scope of application of the results. *Results could be used for further researches of social and political role of Russian Orthodox Church, Russian-American religious relations and Church's international affairs.*

Keywords: *Russian Orthodox Church; social activity of the ROC; political activity of the ROC; Orthodoxy in the USA; Orthodoxy and society; Orthodoxy and power, missionary activity of the ROC.*

Введение

Со времён Византии сложилась традиция глубокой интеграции православной церкви в социальные и политические процессы: система, созданная в этом государстве – т.н. «симфония» – заключалась во взаимной партнёрской поддержке светской и духовной властями друг друга, что способствовало усилению власти императора, как божественного наместника, и позволяло сохранять христианству доминирующее, по отношению к другим религиям, положение [16, с. 106].

Традиции тесной связи церкви и государства удалось сохранить и на Руси при принятии христианства. Однако по мере установления самодержавной власти и постепенном отделении русской церкви от Константинополя, духовный институт занял подчинённое монарху положение. Реформа Петра I формализовала и закрепила подобный статус церкви, а новый орган – Святейший Синод, по сути, представлял собой министерство по религиозным вопросам, возглавляемое представителями духовенства и мирян [16, с. 107]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что деятельность православной церкви могла выходить за рамки духовной сферы и служила общественно-государственным интересам, а сама церковь имела при этом высокий уровень властной поддержки.

Вероятно, симфония государства и церкви стала одним из определяющих факторов её культурного вектора, выраженного в ориен-

тации на традиции России, и определило специфику миссионерской политики. В период конца XVIII – начала XIX вв. Русская православная церковь не обладала достаточным опытом миссионерства за границей, т.к. духовное просвещение велось преимущественно на территории Российской империи, а единственная официальная зарубежная миссия находилась в Китае.

Опыт активности Русской православной церкви в Северной Америке интересен тем, что в результате продажи Аляски Соединённым Штатам Америки, церковные приходы оказались на территории зарубежного государства, и это означало серьёзный пересмотр миссионерской политики Святейшего Синода в новых условиях, а также постепенное расширение социальных и политических задач епархии в США.

Материалы и методы

Исследование построено на основе открытых источников, включающих в себя труды исследователей русского православия в США (Ефимов А.Б., Ласаева О.В., Григорьев Д., Нитобург Э.Л., Скурлат К.Е., Шиповальников А.В., Fitzgerald T.E.) исследователей социальной и политической деятельности Русской православной церкви (Аксёнов-Меерсон М., Кнох Z.K.), а также демографические данные. Автор рассматривает историю возникновения и дальнейшего развития институтов русского православия в США, специфику социальных и политических функций религиозной организации, которые складывались у неё в результате существования на зарубежной территории. Основными методами исследования являются историко-генетический и сравнительно-исторический.

Результаты и обсуждение

Появление православной церкви на Аляске.

Период «Русской Америки»

Осенью 1794 года, по представлению купца, основавшего первые русские поселения на Аляске – Г.И. Шелихова, из Валаамского Спасо-Преображенского монастыря на остров Кадьяк прибыла группа

священников, целью которых являлось осуществление духовной поддержки российских исследователей и миссионерская деятельность в отношении местного населения [11]. Следует упомянуть, что миссионерская деятельность велась на территории Аляски и ранее, главным образом, мирянами – мореплавателями, купцами, промышленниками. Однако по мере освоения новых земель и заселении их выходцами из России, росла необходимость в появлении официальных представителей церкви [5, с. 252]. Наряду с духовными функциями, в прошении Шелихова предлагалось возложить на представителей церкви вопросы просвещения: обучение письменности, культурное и религиозное образование местного населения. Большую часть расходов по созданию церковного прихода купцы брали на себя [5, с. 260].

Миссионерам предоставили инструкцию, согласно которой они должны были сообщать об общественно-политической обстановке и участвовать в разбирательствах, если среди православного населения возникали конфликты. Все сведения направлялись напрямую в Синод [5, с. 262]. В целом же предполагалось строить миссионерскую политику на добровольном принятии христианства местным населением, оказания им гуманитарной помощи в случае необходимости и просветительской деятельности [11].

К 1796 году число православных в США составило порядка 12 тысяч человек и Синод принял решение о введении должности епископа, которым стал архимандрит Иоасаф. В 1799 году произошла его хиротония, после чего он отправился на Аляску, но погиб при кораблекрушении [11]. Отсутствие крупного церковного иерарха и конфликты священнослужителей с руководителями Русско-Американской промысловой компании [10, с. 197] привели к снижению активности миссионеров, в результате чего Синод стал рассматривать решение о закрытии миссии, однако император Александр I настоял на её сохранении. Вследствие этого, в 1811 году было решено передать приходы в подчинение Иркутской епархии [4, с. 14].

В 1824 году на остров Уналашка прибыл Иоанн Попов-Вениаминов. Он вёл активную миссионерскую деятельность в Северной

Америке и на Дальнем Востоке России. Священник возвёл несколько храмов, создал алфавит для алеутов, открыл новую детскую школу на Аляске, организовал прививки от оспы для местного населения, а также занимался переводами русской духовной литературы на местные языки. Параллельно он проводил этнографические исследования, что было оценено научным сообществом, поэтому позже он становится членом Академии наук. Результатом его деятельности явилось признание Синодом нового статуса дальневосточных и американских приходов, благодаря чему в 1840 году появилась епархия Камчатская, Курильская и Алеутская, а священнослужитель обретает новый сан и становится епископом Иннокентием [6].

На протяжении XIX века алеуты переживали волну эпидемических заболеваний, принесённых исследователями Аляски, которая серьёзно сократила их численность (в начале века их насчитывалось порядка 7 тысяч человек, а к середине – около 2 тысяч) [8]. Также многие представители коренного населения мигрировали на Дальний Восток России. Несмотря на эти события, к 1860 году численность крещёных жителей Аляски оценивалась примерно в 10 тысяч человек, что следует связывать с развитием миссионерской деятельности, распространением православия среди других местных народов и созданием положительного образа представителей русской церкви среди них, т.к. именно священники оказывали помощь местному населению при эпидемиях. Ещё около 2 тысяч человек составляли россияне, главным образом, – работники Русско-американской компании [10, с. 197].

До второй половины XIX века православная миссия была сосредоточена преимущественно на Аляске, хотя дипломатические и торговые работники России и Греции пытались распространять православие на территории США. Результатом этой деятельности стало открытие греками Новоорлеанского храма в 1864 году, а в Сан-Франциско было организовано русско-греческое Филантропическое общество, на базе которого был создан приход. Инициативная группа обратилась к Русской православной церкви с просьбой о выделении священнослужителя. Начинание было поддержано

Российской империей, кроме того Александр II выделил из казны средства для строительства храма [10, с. 198].

Русская православная церковь в США после продажи Аляски

В 1867 году императором принято решение о передаче Аляски Соединённым Штатам. Архиепископ Иннокентий участвовал в составлении договора между государствами и настаивал на включении пунктов о сохранении всего церковного имущества на американской территории за православной церковью. Также он просил о сохранении права на возможность свободной миссионерской деятельности в Северной Америке [11].

Переход Аляски под управление правительства США создавал трудности для русского духовенства, т.к. священники начали работать в непривычных условиях светского государства, в котором не могли рассчитывать на поддержку местных властей в той же степени, что и в Российской империи [4, с. 219]. Кроме того, произошло сокращение численности паствы, т.к. рабочие и исследователи Аляски из России большей частью возвращались на Родину после приобретения территории Соединёнными Штатами, в связи с ликвидацией Русско-Американской Компании. Кроме того, возрастал интерес к Аляске со стороны других религиозных конфессий, действующих на территории США.

Новый статус территории формализовал более тесное взаимодействие Синода с Министерством иностранных дел, т.к. оба института являлись частью государственного аппарата, и приходы церкви, оказавшиеся на внешней территории, автоматически входили в сферу контроля внешнеполитического ведомства, вне зависимости от характера их деятельности. В том числе, МИД отвечал за назначение пенсий священникам, которые окончили свою службу за границей [1]. Стоит отметить, что церковь являла собой институт, который было удобно использовать для усиления российского влияния за рубежом, т.к. статус религиозного учреждения позволял беспрепятственно вести свою деятельность на территории США. Поэтому допустимо предположение о том, что правительство Рос-

сии могло ставить вопрос о создании эффективного инструмента «мягкой силы», который, будучи тесно связанным с русской культурой и имперской властью, постепенно бы стал ресурсом по продвижению русской политики в Северной Америке.

Действуя в новых обстоятельствах, церковное руководство постепенно начинает процесс перемещения своих духовных центров на восток Америки. В первую очередь это связано с новыми потоками православных мигрантов и переселением в поисках больших заработков тех, кто прибыл ранее. В 1870 году создан нью-йоркский приход, и принято решение о разделении существующей епархии: её американская часть становится самостоятельной, образуя епархию Алеутскую и Аляскинскую. Центр епархии, по согласованию Синода с Министерством иностранных дел, в 1872 году переносят из Ситки в Сан-Франциско [4, с. 109]. Финансирование новой епархии производится Министерством финансов [4, с. 174].

Основным языком для проведения служб нового нью-йоркского прихода изначально являлся немецкий (т.к. с миссией Святейший Синод отправил бывшего католического священнослужителя из Дании – Николая Бьеринга). В дальнейшем основными языками также стали русский и английский [9]. Несмотря на активную социальную и духовную работу Николая Бьеринга, особых успехов в миссионерской деятельности новый приход не добился, и разочарованный священнослужитель покинул православную епархию, подавшись в протестанты [10, с. 202].

Середина XIX века стала периодом массовой миграции в США и Канаду выходцев из Восточной Европы, Балкан, Греции. Это привело к тому, что этнический состав прихожан православной церкви постепенно менялся: если изначально основой паствы являлись русские и алеуты, то теперь службы прихода в Сан-Франциско посещали греки, болгары, сербы и представители других этносов, традиционно не относящихся к Русской православной церкви. Это связано с тем, что епархия представляла собой, по сути, единственную организованную православную церковь на континенте, и продолжала стремительно расширять своё присутствие в Америке. По-

этому важным акцентом деятельности священников стала языковая адаптация русской духовной литературы. Епископ Нестор (Засс), управлявший епархией с 1878 года, также организовал на Аляске школу, готовящую миссионеров из местного населения [4, с. 15].

В 1882 году епископ Нестор погиб, утонув в море. В течение пяти лет епархия остаётся без руководства, и в 1887 году в Северную Америку направили нового владыку – епископа Владимира (Соколовского-Автономова). Новый иерарх продолжил политику развития миссионерской деятельности и подготовки священнослужителей из местного населения [4, с. 15]. Он вносит практику богослужений на английском языке, но это находит одобрение не у всех представителей русской паствы, т.к. им кажется недопустимым отход от традиций служения на церковнославянском языке. [3, с. 27].

Согласно переписи населения США 1890 года, американская православная деноминация вне Аляски составляла порядка 500 прихожан [9]. Столь скромные показатели можно объяснить активной миссионерской деятельностью со стороны других церквей (главным образом – протестантских) ввиду того, что русское православие, привыкшее к условиям тесной связи с государством, не всегда могло адекватно противостоять им, будучи не приученным к «конкуренции». Этнический состав паствы был слишком разнородным, что не всегда было приемлемо для церкви, исторически ориентированной на русскую культуру. Кроме того, в православной традиции сложились иерархические ценности, привнесённые из России; американская же культура ориентирована на демократию, что находило отражение и в форме церковной организации, когда верующие самостоятельно организовывали приходы и владели церковным имуществом, а священнослужители представляли собой лиц, по сути, «нанятых» паствой [1].

Важным шагом в деятельности епископа Владимира становятся переговоры с униатским священником Алексием Товтом, результатом которых становится вхождение в юрисдикцию Русской православной церкви униатских общин в 1891 году [4, с. 87]. Униатская церковь представляла собой некий симбиоз православия и като-

лицизма, представители которого признают главенство Ватикана, но сохраняют многие традиции православного обряда [10, с. 205]. Основными представителями униатства являлись украинские крестьяне, которые массово переселялись в США и Канаду, а также выходцы из Австро-Венгрии, главным образом – карпатороссы [11]. При переезде на новые земли мигранты стремились обзавестись церковными приходами, в создании которых участвовали униатские и православные священники. Поскольку появление этих небольших церквей являлось народной инициативой, постепенно возник вопрос об их присоединении к более крупной епархии, с целью улучшения организации религиозных учреждений, строительства полноценных храмов (некоторые приходы размещались в частных домах) и лучшей адаптации на новой территории [4, с. 87–88].

Изначально прихожане пытались договориться с католической церковью, но им не удалось достичь успеха в этом вопросе, т.к. католики негативно относились к славянским традициям богослужения и возможности священников состоять в браке [4, с. 27–28]. Кроме того католическая церковь предъявила имущественные претензии к приходам, которые униаты устраивали на личные либо заёмные средства. Данное требование не устраивало паству [1].

В 1891 году епископом становится Николай (Зиоров), при котором появляются новые приходы и религиозные учебные заведения по всей территории США. В 1895 году, с целью организации новых приходов и поддержания уже существующих, была организована общественная организация - Православное общество взаимопомощи. Кроме того, епархия начала издание газет и журналов [4, с. 15–16].

Массовая миграция православных в США, наращивание опыта работы в новых условиях и принятие под свою юрисдикцию униатов, позволили епархии в короткий срок увеличить число прихожан: по результатам переписи 1896 года их число составляет чуть менее 20 тысяч [9]. Отчёт 1898 года показывает цифру в 27378 человек при 29 приходах и 55 учебных заведениях [4, с. 21], а к началу XX века численность православных составляет уже 34,5 тысячи человек [17].

***Православная церковь в США в начале XX века:
новый статус епархии и новые проблемы***

Новым епископом в 1898 году назначают Тихона [4, с. 8]. Указом Синода в 1900 году епархию переименовывают. Теперь она называется Алеутской и Северо-Американской [9]. Новый епископ также ставит перед Синодом вопрос о необходимости нового статуса епархии: существующая «рассеянность» православных прихожан по всему континенту и удалённость Аляски не позволяли иерарху нормально контролировать функционирование приходов, вынуждая находиться в постоянных разъездах [4, с. 311–312]. Ещё одним нюансом являлось то, что многие приходы были созданы по этническому принципу и для их нормальной работы, а также лучшего понимания нужд паствы было необходимо предусмотреть назначение местных руководителей-соотечественников [4, с. 364–365]. Решение проблемы виделось епископу Тихону в установлении на территории Северной Америки архиепископии [10, с. 203–204] с разделением на три американских викариатства (Аляскинское, Бруклинское, Питтсбургское) и одно канадское, которыми будут управлять местные главы. Инициатива прошла обсуждение в Синоде и была реализована после одобрения Министерством иностранных дел и согласовании кандидатур викариев императором. Затем в Нью-Йорк была перенесена архиерейская кафедра, и там же был возведен Собор Святого Николая, который в 1905 году начал свою работу [4, с. 111].

Следующей своей целью архиепископ Тихон ставил создание системы более качественной подготовки духовенства из числа местного населения. С его подачи Миннеаполисская школа миссионеров была преобразована в семинарию, новое духовное учебное заведение было создано в Кливленде, значительное число духовной литературы было переведено на английский язык, а в Пенсильвании был открыт мужской монастырь [11].

Не обошли стороной священнослужители и светское образование: дети русских мигрантов, которые рождались в Америке, часто не ассоциировали себя с Россией, им также была чужда русская культура, поэтому представители церкви видели необходимость в

том, чтобы принимать участие в образовательном процессе, с целью формирования у представителей паствы соответствующей идентичности [4, с. 220–225].

Специфика православных приходов, действовавших на территории Америки, в сравнении с русскими приходами, состояла в расширении общественных функций: они объединяли, главным образом, людей из эмигрантской среды, для которых церковь играла роль не только духовного института, но и служила местом коммуникации, а также обеспечивала образованием [10, с. 200]. При этом в прямых политических процессах церковь старалась не участвовать, т.к. правительство России выражало обеспокоенность тем, что власти США могут рассматривать государственное содержание епархии в качестве элемента внешней политики России, направленной на вмешательство во внутренние дела Штатов [4, с. 174].

Однако политика Русской православной церкви в отношении униатов привела к охлаждению и без того непростых взаимоотношений с Австро-Венгрией. Признавая себя наследницей Священной Римской империи и активно взаимодействуя с Папой Римским, правительство Австро-Венгрии имело явно выраженную католическую ориентацию, что выражалось в стремлении обеспечить максимальный переход своих подданных в эту религию [2]. Те, кто не желал менять своих религиозных воззрений, могли подвергаться преследованиям. Поэтому русские православные приходы в США продолжали существенно расти за счёт униатов, львиную долю которых составляли славяне – беженцы из Австро-Венгерской империи [12]. С переходом под юрисдикцию Русской православной церкви, многие униаты начинали с симпатией относиться к Российской империи, ощущая через церковь духовное единство с этой страной. Это обстоятельство не устраивало Австро-Венгрию, которая, помимо ряда политических противоречий, видела в России и исторического противника – наследницу Византии и «оплот» православия [2].

Непосредственно для православной епархии обилие униатов таило и другую сложность: церковь участвовала в финансировании работы храмов и также была вынуждена оплачивать долги

по организованным приходам (не имея средств на строительство церквей, многие представители унии брали кредит) [4, с. 31–32]. Огромные расходы, связанные с униатскими общинами категорически не устраивали российское правительство. Поэтому уже с 1896 года Российская империя постепенно сокращала финансирование американской епархии, мотивируя это нежеланием оплачивать интересы выходцев из другого государства.

Допустимо предположение, что сокращение церковных расходов также было связано с попыткой российского правительства улучшить внешнеполитические отношения с Австро-Венгерской империей, продемонстрировав ей, что Россия не стремится оказывать влияние на бывших подданных Австро-Венгрии, ставших американскими гражданами или способствовать увеличению беженцев среди австро-венгерских униатов. В пользу этой версии говорит и тот факт, что годом позже Австро-Венгрии и России удалось улучшить отношения и заключить соглашение по Балканам (Австро-русское соглашение 1897 г.).

Для решения финансовых проблем церковное руководство приняло решение, согласно которому переход униатских приходов под юрисдикцию Русской православной церкви стал возможен при условии их самофинансирования. Впрочем, как показал дальнейший опыт, не все приходы могли соблюсти данную договорённость, поэтому финансовые трудности епархии продолжали возрастать [4, с. 176–177], как и количество униатов, перешедших в США под юрисдикцию православной церкви: на момент 1906 года в её состав входит более 30 приходов и новые прихожане продолжали поступать из Австро-Венгрии [4, с. 38].

Несмотря на финансовые затруднения, архиепископ Тихон придерживался точки зрения, что американская церковь стала достаточно самостоятельной. Необходимость решения различных социальных проблем паствы, её этническое многообразие и активная миссионерская деятельность в условиях религиозной свободы определили, что функционирование епархии в США значительно отличалось от российских приходов. Поэтому многие администра-

тивные вопросы епархии стоило решать своими силами, а не путём централизованных решений. И в 1906 году, выступая с докладом перед Синодом, архиепископ Тихон говорил о необходимости предоставления епархии автономного статуса [11]. Однако его просьба не была удовлетворена. Тем не менее, многочисленные вопросы, требующие решений на местном уровне, побудили архиепископа к подготовке всеобщего собрания духовенства и мирян. Таким образом в 1907 году впервые организовано проведение Собора Северо-Американской епархии [4, с. 498–499], в котором архиепископу Тихону не удалось участвовать, т.к. незадолго до этого Синодом он был вызван в Россию, поэтому Собором руководил новый управляющий епархией – Платон (Рождественский) [4, с. 501].

Наиболее заметным решением Собора становится решение о переименовании епархии. Исходя из этнического состава паствы, определено новое название: «Русская Православная Греко-Кафолическая Церковь в Северной Америке под юрисдикцией священноначалия от Церкви Российской» [11].

Продолжая попытки решить финансовые сложности епархии, в том числе и по «униатскому вопросу», архиепископ Платон внёс в епархиальный устав пункт о необходимости самостоятельного содержания приходов паствой. Теперь приход можно было открыть только после того, как проверка священнослужителями докажет, что для него есть помещение, а паства в состоянии обеспечить его функционирование и содержание духовенства [4, с. 184].

Следующей проблемой для Русской православной церкви стали взаимоотношения с Константинопольским патриархатом. Многие греки, оказавшиеся на территории США, были индифферентно настроены по отношению к русскому православию и предпочитали самостоятельно организовывать свою религиозную жизнь, для чего в частном порядке привлекали священнослужителей из числа своих бывших соотечественников [10, с. 204]. Константинополь также долгое время не проявлял интереса по отношению к Северной Америке, вероятно, следуя давней православной традиции, согласно которой на одной территории может существовать только одна

церковная юрисдикция, признавая авторитет Русской православной церкви. Однако напряжённость в российско-греческих отношениях, начавшаяся с греко-болгарской схизмы, и значительно усилившаяся проблемами на Балканах, вкупе с обилием небольших греческих автономных приходов в США, привели к реакции патриарха Иоакима III, издавшего «Томос о греческом рассеянии» в 1908 году [14]. В тексте документа утверждалось, что распространение авторитета за пределами утверждённой юрисдикции допустимо исключительно для патриархата Константинополя. Приходы Русской православной церкви в США не могли признаваться легитимными. Константинополь при этом не стал утверждать специальную епархию для греков на территории США, но теперь их приходы оказались в юрисдикции Святой Церкви Эллады [15, с. 27].

Однако конфронтация между церковными организациями длилась недолго. В 1910 году премьер-министром Греции стал Венизелос Элефтериос, который способствовал созданию Балканского союза в 1912 году, в рамках которого Россия и Греция начали сотрудничество. Параллельно Константинопольский патриархат пересмотрел свою политику в отношении деятельности на территории США. Результатом этого стали переговоры со Святейшим Синодом о необходимости назначения греческого епископа. Т.к. русская церковь, по-прежнему, являлась единственной крупной организованной православной структурой на континенте, вопросы о назначении церковных руководителей в Америке должны были решаться с согласия её администрации. Учитывая новую юрисдикцию своих приходов, греки могли бы проигнорировать данное правило, но, вероятно, потепление дипломатических связей между государствами оказало влияние на решение Константинопольского патриархата. Синод поддержал просьбу Константинополя и в 1912 году у американских греков появился свой епископ [11].

Начало Первой мировой войны способствовало созданию напряжения среди некоторых представителей паствы русской епархии: учитывая её этническое разнообразие, далеко не всем им нравилась «русская» ориентация церкви [7, с. 44]. Среди бывших подданных

или их потомков также не всегда было распространено лояльное отношение к Российской империи. Тем не менее, церковное руководство не сделало необходимых выводов и «этнические» проблемы продолжили расти, а кадровые перестановки в руководстве епархии способствовали их усилению. Дело в том, что в 1914 году архиепископ Платон получил новое назначение в России. В течение нескольких месяцев управлял епархией епископ Александр (Немоловский), а затем руководителем назначили архиепископа Евдокима (Мещерского). Новый глава епархии сосредоточился на образовании и создал эффективную систему православных приходских школ, но при этом без внимания осталась политика этнической ориентации приходов, начатая его предшественниками [9]. Кроме того, в 1915 году умер епископ Рафаил, возглавлявший арабские приходы и некоторое время интересы их прихожан (главным образом – сирийцев) было некому защищать [10, с. 205–206]. Нестабильно себя вела и сербская паства, представители которой ещё в 1913 году стремились выйти из-под управления Святейшего Синода и войти в состав Сербской православной церкви, но их просьба была проигнорирована Белградским патриархатом [10, с. 206]. Негативные настроения среди сербов усилились и в связи с попыткой архиепископа Евдокима забрать церковное имущество сербских приходов для решения некоторых финансовых вопросов [7, с. 45].

Если говорить о демографических показателях православного населения США начала XX века, с целью понимания уровня влияния православной церкви на американское общество, то стоит обратиться к подсчётам церковной миссии 1912 года. Статистика утверждает, что на тот момент в Соединённых Штатах проживали более 210 тысяч православных, из них – примерно треть составляли выходцы из Российской империи, ещё треть – австро-венгерские мигранты, 21 тысяча сербов, 20 тысяч сирийцев, 10 тысяч аборигенов (эскимосы, тлинкиты, алеуты и др.), 6 тысяч албанцев, 3 тысячи греков [8]. Население США по результатам переписи 1910 года составляло чуть более 92 миллионов человек [13], поэтому нельзя утверждать, что православие было распространено среди значи-

тельной части населения США, а основой паствы русской церкви, за исключением униатов, по-прежнему, являлись мигранты, исповедовавшие православие у себя на Родине и их потомки. Очевидно, что причинами этого являлись: недостаточный опыт миссионерской деятельности на заграничной территории, выраженная ориентация церкви на русскую культуру, которая могла быть близка, помимо россиян, лишь некоторым другим славянским народам, а также сравнительно небольшое количество православных мигрантов на фоне основного населения США, которое преимущественно формировалось из протестантов и католиков.

Тем не менее, русская церковь являлась основной православной структурой в США. Этот факт определил полезную функцию организации для правительства России – сдерживание влияния Константинопольского патриархата. Греческая церковь, несомненно, была также тесно связана с правительством и могла бы продвигать внешнюю политику Греции. В тоже время, хорошо выстроенные дипломатические связи между двумя патриархатами могли влиять и на межгосударственные отношения либо являться индикатором их состояния.

В дальнейшем, Первая мировая война существенно притормозила миграцию в США, но, несмотря на это, число американских приходов Русской православной церкви продолжило увеличиваться [9], и к 1917 году общее число учреждений епархии составило более 350 [11], а порядка 250 тысяч прихожан являлись постоянными [13].

Заключение

Дореволюционный период истории русского православия в Америке делится на два основных этапа: «русский», длившийся с момента основания первых приходов на Аляске до передачи этой территории США, и «американский», когда епархия оказалась на территории иностранного государства, что послужило причиной смены миссионерской политики и распространения православия по всей территории США.

В период «Русской Америки» священники занимались миссионерской деятельностью внутри Российской империи при полной

поддержке власти. В это время церковь сосредотачивается на распространении православия среди местных этносов, занимается просветительской и образовательной работой среди населения, а также оказывает ему гуманитарную помощь. Можно говорить о том, что Русская православная церковь, подобно многим христианским миссиям, была преимущественно сосредоточена на социальных нуждах паствы, хотя в функции священнослужителей также входил контроль общественно-политической обстановки.

«Американский» период в корне изменил функционирование религиозной организации и потребовал от церкви большей гибкости для работы в непривычных условиях, т.к. Русская православная церковь не обладала достаточным опытом миссионерской работы на зарубежных территориях. Сравнительно быстрый переход территории Аляски от одного государства к другому потребовал пересмотра концепции миссионерства и кадровой политики: сложившаяся за несколько десятилетий система работы «на канонической территории» ориентировала православную церковь на упрощённые условия работы, когда религиозная организация является доминирующей и имеет правительственную поддержку. Кроме того, сложностями стали: ориентация церкви на русскую культуру, подчёркнутая религиозная свобода в США и разнообразие конфессий, которые вели крайне успешную миссионерскую политику. Для церкви, которая не привыкла к серьёзной конкуренции, это стало настоящим испытанием. В результате православию не удалось занять ведущую роль среди религиозных конфессий, и церковь сосредоточилась преимущественно на православных мигрантах из разных стран.

Социальная деятельность Русской православной церкви в США претерпела изменения в сравнении с «российским» периодом и в большей степени сосредоточилась на нуждах паствы. Основными функциями церкви, помимо миссионерской работы, стали: адаптация мигрантов на новой земле, оказание им финансовой помощи, просветительно-образовательная деятельность, ориентированная на русскую культуру.

Русская православная церковь старалась избегать участия в политических процессах, но это не всегда удавалось: массовый переход униатов под её юрисдикцию влиял на дипломатические отношения между Россией и Австро-Венгрией, т.к. правительство последней не могло быть довольным тем, что подданные империи перебираются в США и попадают там под влияние русского религиозного института.

Другой важный эпизод в истории русской епархии – это непростое взаимодействие с Константинопольским патриархатом в начале XX века, возникшее в результате сложных российско-греческих отношений. Однако Русской православной церкви удалось сохранить доминирующую роль среди православных организаций в США.

Таким образом, к началу XX века Русской православной церкви в США удалось занять нишу института, оказывающего влияние на среду отдельных групп мигрантов и косвенно участвующего в дипломатических отношениях с Австро-Венгрией и Грецией.

Список литературы

1. Аксёнов-Меерсон М. Православная церковь в Америке [Электронный ресурс] // Русский миссионерский портал Православной Церкви в Америке. URL: <http://www.pravoslavie.us/RU/OCA-History.htm> (дата обращения: 30.04.2018).
2. Аксёнов-Меерсон М. Роль русской епархии в Америке в развязывании Первой мировой [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Новый журнал. 2014. № 275. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2014/275/16am.html> (дата обращения: 30.04.2018).
3. Григорьев Д. От древнего Валаама до Нового Света. Русская Православная Миссия в Северной Америке. М.: Издательство ПСТГУ, 2007. 210 с.
4. Ефимов А.Б., Ласаева О.В. Алеутская и Северо-Американская епархия при святителе Тихоне. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 594 с.
5. История Русской Америки (1732–1867): В 3-х тт.: Т.1. Основание Русской Америки (1732–1799) / Под ред. Н.Н.Болховитинова. М.: Междунар. отношения, 1997. 480 с.

6. Квашнин М. Жизнь и деятельность Иннокентия Вениаминова: миссионера, ученого, первого епископа Камчатского (1797–1879 гг.) [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской Епархии. URL: <https://eparhia-saratov.ru/Articles/zhizn-i-deyatelnost-innokentiya-veniaminova-missionera-uchenogo-pervogo-episkopa-kamchatskogo> (дата обращения: 30.04.2018).
7. Косых И. Расследование епископа Антония (Дашкевича): к вопросу о церковной «смуте» в Северной Америке (1915–1924) // Христианское чтение. 2012. № 2. с. 43–55.
8. Ляпунова Р.Г. К проблеме этнокультурного развития американских алеутов (со второй половины XVIII в. до наших дней) [Электронный ресурс] // Мир индейцев. URL: <https://www.indiansworld.org/k-probleme-etnokulturnogo-razvitiya-amerikanskih-aleutov-so-vtoroy-poloviny-xviii-v-do-nashih-dney#.WdZiI9SLTDc>, (дата обращения: 30.04.2018).
9. Нитобург Э.Л. Русская православная церковь в США [Электронный ресурс] // Русская Православная церковь в Соединённых Штатах Америки. URL: <http://www.ruschurchusa.org/ru/9/20/19> (дата обращения: 30.04.2018).
10. Приход Русской православной Церкви в России и за рубежом: Материалы к изучению приходской жизни. Вып. 4: Приходы Америки / Под ред. Рязанцева И.П., Подлесной М.А. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 264 с.
11. Скурат К.Е. История поместных православных церквей [Электронный ресурс] // Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/441228> (дата обращения: 30.04.2018).
12. Шиповальников А.В. Православие в Америке. Взгляд изнутри [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: <http://www.pravmir.ru/audio-pravoslavie-v-amerike-vzglyad-iznutri/#ixzz3Iya5qL51> (дата обращения: 30.04.2018).
13. 1910 – History [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. URL: https://www.census.gov/history/www/through_the_decades/questionnaires/1910_2.html (дата обращения: 30.04.2018).

14. Damick Fr. A. S. The Non-Invention of Meletios Metaxakis [Электронный ресурс] // Orthodox History. URL: <http://orthodoxhistory.org/2009/07/24/the-non-invention-of-meletios-metaxakis/> (дата обращения: 30.04.2018).
15. Fitzgerald T.E. The Orthodox Church. Greenwood Publishing Group, 1998. 184 p.
16. Knox Z.K. Russian society and the Orthodox Church: religion in Russia after Communism. Routledge, 2005. 257 p.
17. Namee M. Historical Census Data for Orthodoxy in America [Электронный ресурс] // Orthodox History. URL: <http://orthodoxhistory.org/2010/10/11/historical-census-data-for-orthodoxy-in-america/> (дата обращения: 30.04.2018).

References

1. Aksyonov-Meerson M. Pravoslavnaya tserkov' v Amerike [Orthodox Church in America], *Russian missionary portal of the Orthodox Church in America*. <http://www.pravoslavie.us/RU/OCA-History.htm>, accessed on 30.04.2018.
2. Aksyonov-Meerson M. Rol' russkoy eparkhii v Amerike v razvyazivanii Pervoy mirovoy [Role of the Russian Diocese in America in Unleashing the First World War], *Jurnal'niy zal* [Journal Hall. New magazine]. <http://magazines.russ.ru/nj/2014/275/16am.html>, accessed on 30.04.2018.
3. Grigoriev D. *Ot drevnego Valaama do Novogo Sveta. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Severnoy Amerike* [From ancient Valaam to the New World. Russian Orthodox Mission in North America]. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2007. 210 p.
4. Efimov A.B., Lasaeva O.V. *Aleutskaya i Severo-Amerikanskaya eparkhiya pri svyatitele Tikhone* [The Aleutian and North American diocese under St. Tikhon]. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2012. 594 p.
5. *Istoriya Russkoy Ameriki (1732–1867): V 3-kh tt.: T.1. Osnovanie Russkoy Ameriki (1732–1799)* [The history of Russian America (1732–1867): In 3 vols: Volume 1. Founding of Russian America (1732–1799)]. M.: Mezhdunarodnie otnosheniya, 1997. 480 p.

6. Kvashnin M. Zhizn' ideyatel'nost' Innokentiya Veniaminova: missionera, uchenogo, pervogo episkopa Kamchatskogo (1797–1879 gg.) [Life and work of Innokenty Veniaminov: a missionary, a scientist, the first bishop of Kamchatsky (1797–1879)], *Informacionno-analiticheskiy portal Saratovskoyi Vol'skoy Eparkhii* [Information and analytical portal of the Saratov and Volsky diocese]. <https://eparhia-saratov.ru/Articles/zhizn-i-deyatelnost-innokentiya-veniaminova-missionera-uchenogo-pervogo-episkopa-kamchatskogo>, accessed on 30.04.2018.
7. Kosykh I. Rassledovanie episkopa Antoniya (Dashkevicha): k voprosu o cerkovnoy “smute” v Severnoy Amerike (1915–1924) [The investigation of Bishop Anthony (Dashkevich): the question of the church “troubles” in North America (1915–1924)], *Christianskoe chtenie*. 2012. No. 2, pp. 43–55 p.
8. Liapunova R.G. K problem etnokul'turnogo razvitiya amerikanskih aleutov (so vtoroy poloviny XVIII v. do nashih dney) [To the problem of the ethno-cultural development of the American Aleuts (from the second half of the 18th century to the present day)], *Mir indeitsev* [The World of Indians]. <https://www.indiansworld.org/k-probleme-etnokulturnogo-razvitiya-amerikanskih-aleutov-so-vtoroy-poloviny-xviii-v-do-nashih-dney#.WdZiI9SLTDC>, accessed on 30.04.2018.
9. Nitoburg E.L. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v SSHA [Russian Orthodox Church in the USA], *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' v Soedinyonnykh Shtatakh Ameriki* [Russian Orthodox Church in the United States of America]. <http://www.ruschurchusa.org/ru/9/20/19>, accessed on 30.04.2018.
10. *Prihod Russkoy pravoslavnoy cerkvi v Rossii i zarubezhom: Materialy k izucheniyu prihodskoy zhizni. Vyp. 4: Prikhody Ameriki* [The parishes of the Russian Orthodox Church in Russia and abroad: Materials for the study of parish life. Issue. 4: Parishes of America]. M.: Izd-vo PSTGU, 2016. 264 p.
11. Skurat K.E. Istoriya pomestnyh pravoslavnyh tserkvey [The history of local Orthodox churches], Tserkovno-nauchniy centr “Pravoslavnaya Enciklopediya” [Church-Scientific Center “Orthodox Encyclopedia”]. <http://www.sedmitza.ru/lib/text/441228>, accessed on 30.04.2018.

12. Shipoval'nikov A.V. Pravoslavie v Amerike. Vzgliad iznutri. [Orthodoxy in America. View from the inside], *Pravoslavie i mir* [Orthodoxy and the world]. <http://www.pravmir.ru/audio-pravoslavie-v-amerike-vzglyad-iznutri/#ixzz3Iya5qL51>, accessed on 30.04.2018.
13. 1910 – History, U.S. Census Bureau. https://www.census.gov/history/www/through_the_decades/questionnaires/1910_2.html, accessed on 30.04.2018.
14. Damick Fr. A. S. The Non-Invention of Meletios Metaxakis, Orthodox History. <http://orthodoxhistory.org/2009/07/24/the-non-invention-of-meletios-metaxakis/>, accessed on 30.04.2018.
15. Fitzgerald T.E. The Orthodox Church. Greenwood Publishing Group, 1998. 184 p.
16. Knox Z.K. Russian society and the Orthodox Church: religion in Russia after Communism. Routledge, 2005. 257 p.
17. Namee M. Historical Census Data for Orthodoxy in America, Orthodox History. <http://orthodoxhistory.org/2010/10/11/historical-census-data-for-orthodoxy-in-america/>, accessed on 30.04.2018.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Юзликеев Филипп Викторович, аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7-9, г. Санкт-Петербург,
199034, Российская Федерация
f.yuzlikeev@spbu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yuzlikeev Philip Viktorovich, Post-Graduate Student, Faculty of International Relations
Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
f.yuzlikeev@spbu.ru
SPIN-code: 6524-7200
ORCID: 0000-0002-5676-9543

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-119-138

УДК 94

НЕОНАЦИСТСКИЕ ТЕОРИИ АНШЛЮСА И РЕАБИЛИТАЦИЯ ИДЕЙ А. ГИТЛЕРА ВО ВТОРОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1945–1975 гг.)

Козьякова Н.С.

Цель. *Статья посвящена рассмотрению неонацистского движения в Австрии во Второй Австрийской республике во второй половине XX века. Предметом анализа выступает деятельность австрийского национального лагеря и анализ стратегии его деятельности.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования составляют конкретно-исторический анализ общественных явлений. Автор применяет также общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что сравнивая фашизм с неонацизмом, можно сделать вывод, что данные явления имеют много общих черт. В первую очередь это цели и сущность.*

Неонацизм во второй половине XX века был своеобразным ренессансом в условиях общего кризиса капитализма. Австрийский фашизм уходит своими корнями в германский фашизм и стал развиваться, организовываться и расширять своё влияние с целью взять в Австрии власть в свои руки. Такое стремление подтверждает история неонацистских организаций.

Область применения результатов. *Материалы статьи могут применяться при изучении курса Новой и новейшей истории зарубежных стран и историографии.*

Ключевые слова: *австрийский национализм; неонацизм; движение Сопротивления; Австрийский товарищеский союз; аншлюс 1938 года; послевоенная политика Австрии; гитлеризм.*

NEO-NAZI THEORIES OF THE ANSCHLUSS AND THE REHABILITATION OF THE IDEAS OF A. HITLER IN THE SECOND AUSTRIAN REPUBLIC (1945–1975)

Kozyakova N.S.

Purpose. *The article reviews the neo-fascist movement in Austria during the Second Austrian Republic in the latter half of the 20th century. It analyzes the activity of the Austrian nationalists and their strategy.*

Methodology. *The study is based on the concrete historical analysis of social phenomena. It uses general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction.*

Results. *The work showed that fascism and neo-fascism compared have much in common. First of all, these are their goals and essence. Neo-fascism in the latter half of the 20th century was a kind of renaissance against the background of the overall crisis of capitalism. Austrian fascism has its roots in German fascism and began to develop, organize and expand its influence in order to seize the power in Austria. This desire is confirmed by the history of neo-fascist organizations.*

Practical implications. *The materials of the article can be used in the study of the Modern and Contemporary History of Foreign Countries and Historiography.*

Keywords: *Austrian nationalism; neo-fascism; Resistance movement; Austrian Comrades' Union; Anschluss of 1938; Austrian postwar policy; Hitlerism.*

Введение

Одной из актуальнейших задач второй половины XX века стала борьба против неофашизма. Несмотря на то, что фашизм причинил человечеству множество неисчислимых бедствий, в ряде стран мира после Второй мировой войны можно было снова наблюдать его активизацию. Неофашистские партии существовали более чем в 60-ти странах мира благодаря поддержке ультраправых кругов

монополистического капитала. При использовании протекции международного империализма в таких странах как ЮАР и Чили были созданные военно-фашистские диктатуры, которые управлялись типично нацистскими методами. Фашистские методы расправы с мирным населением использовали и правительства многих европейских государств в условиях активизации национально-освободительного движения. Примером этого является политика Великобритании в Ирландии, которая была осуждена Европейским судом по правам человека в 1978 году.

К изучению феномена неофашизма в последнее время часто обращаются ученые во многих странах мира. В интерпретации данного феномена главной исследовательской тенденцией является показ неофашизма как фундамента современного терроризма, а также стремление соединить неофашизм с фашизмом. Данной позиции придерживаются многие авторы, например, А. Белл, М. Риманелли, Р. Хилл [12; 16, с. 82, 249–296].

Реакционные силы маскировали лживую политику, которая несла угрозу существования мира и человечества, используя старый миф «коммунистической опасности». И чем больше было ограничение империализма для подчинения гегемонии других народов и стран, тем яростнее против этого выступала реакция неофашистских сил. Идеино-политическая поддержка неофашизма заключалась со стороны различных групп маоистов, террористов и троцкистов.

Также существовали не только историческая или классовая преемственность и связь, но и персональная тождественность между гитлеровским фашизмом и неофашизмом. Например, в Австрии после Второй мировой войны многие бывшие гитлеровцы занимали важные политические должности и посты, взаимодействовали и сотрудничали с неофашистскими партиями и организациями [2, с. 52]. Несмотря на то, что с чисто тактических соображений необходимо было отказаться от скомпрометировавшего себя гитлеровского фашизма, в своём большинстве они находились во главе руководства неофашистских организаций и партий.

Цель работы

Состоит в раскрытии теории и реабилитации деятельности подразделений «национального лагеря» в Австрии во второй половине XX века при помощи историко-сравнительного метода. Как известно, концепции австрийского неофашизма об аншлюсе 1938 года были также непосредственно связаны с реабилитацией гитлеризма. Поражение гитлеровского фашизма во Второй мировой войне не означало его окончательного уничтожения. В Австрии фашизм был отеснён, но не уничтожен, так как по-прежнему существовала породившая его социальная, политическая и экономическая база.

Материалы и методы исследования

Главным методом исследования является конкретно-исторический подход к анализу общественных явлений. Автор использует общенаучные методы: индукция и дедукция, анализ и синтез и восхождение от конкретного к абстрактному. В статье также применяются историко-генетический и хронологический методы. Главным материалом исследования послужила работа западногерманского историка Ф. Шейдла «История объявления Германии вне закона», а также материалы АТС и австрийской исторической публицистики, где представлены теоретические суждения и факты. Презентуется массовая реакция в Австрии на различные события, связанные со стремлением затушевать военные преступления фашизма и реабилитировать гитлеровский фашизм.

Результаты исследования и их обсуждение

Начиная с 1950-х до середины 1970-х гг. теории австрийских «националов» сводились к поиску доказательств следующих основных положений:

- стремление А. Гитлера к миру и его невиновность в развязывании Второй мировой войны;
- участники движения Сопrotивления гитлеровскому фашизму являлись предателями Родины, так как для Австрии война означала необходимость защиты своего Отечества;

- невозможно говорить о массовых преступлениях против человечества, хотя во время войны были допущены «определенные злоупотребления»;
- воля подавляющего большинства «немецких австрийцев» была выражена в осуществлении аншлюса в 1938 году.

В 1950-х годах австрийские «националы» довольно туманно выражали свои взгляды по отношению к гитлеровскому нацистскому режиму в целом, так как открытая и полная поддержка идей А. Гитлера была связана с риском для их политической и государственной лояльности, а осуждение – потерей престижа в собственном лагере. В соответствии с тогдашними теориями национал-социализм «представлял собой попытку совместить воедино друг с другом четыре основных элемента человеческого бытия: биологический (способ сохранения вида), экономический (способ обеспечения), политический (регулирование жизни общества) и религиозный (окончательное толкование смысла жизни)» [15, с. 2]. Подобная трактовка нацизма позволяла австрийским «националам» говорить о его «позитивных сторонах» [24, с. 67] и выглядела достойным образом. В этой связи в июле 1960 года австрийская газета «Montag» полагала: «Все компоненты национал-социализма должны быть сегодня еще предосудительным для нас. Однако этим мы лишь наказываем самих себя, ибо – это и не могло быть по-иному – национал-социализм прочно ставил на ноги само собой разумеющиеся естественные и жизненно важные вещи» [13, с.4]. Следовательно, австрийские «националы» не выступали открыто в качестве защитников режима А. Гитлера в связи с тем, что компоненты национал-социализма на тот момент были еще предосудительными для них.

Но когда речь шла о гитлеровских военных преступлениях и об аншлюсе, они чувствовали себя намного свободнее. По данным вопросам было создано много новых «теорий», которые излагались в СМИ и книгах.

В этом отношении интерес представляет работа Ф. Шейдла «История объявления Германии вне закона», опубликованная в 1968 году [25, с. 87]. Рассматривая победу нацизма в Германии, Ф. Шейдль полагал:

«Новый режим в Германии пришел к власти вовсе не благодаря его призывам к войне. Гораздо больше он апеллировал к стремлению немецкого народа к порядку, покою и миру. Его мирные лозунги собрали под его знамя не только членов партии. После достижения власти заявления нового имперского правительства исходили, прежде всего, из признания мира» [25, с. 67].

Своеобразно выглядело и оправдание Ф. Шейдлем войны, развязанной А. Гитлером: «Германия начала войну только против Польши и против большевиков; война против Польши должна была быть предпринята и любым другим немецким государственным руководителем, любым другим немецким правительством. Война против СССР соответствовала интересам всего цивилизованного мира, война против Польши была жизненно необходимой и неизбежной» [25, с. 91]. В данных словах в наиболее концентрированном виде выражалась сущность новых теорий австрийского фашизма за его ответственность в развязывании Второй мировой войны. Чтобы понять основную сущность австрийского фашизма с учетом его практической направленности, необходимо обратиться к анализу его теоретических концепций, которые, как правило, имели обтекаемый характер.

В Австрии существовала организация «Немецкое культурное творчество европейского духа», главная цель которой состояла в развитии этих теорий и их широкой пропаганде. Президентом данного общества был Герберт Беме, а его центр находился в Мюнхене. Г. Беме уже имел подобный руководящий опыт, так как в гитлеровской Германии он был президентом организации «Культурный круг СА». Энциклопедия К. Майера 1945 года характеризовала его как «страстного поборника идеалов Третьего рейха». Под его руководством в 1962 году состоялся съезд данного общества, где в качестве одной из главных задач было провозглашена необходимость «напряжения сил активистов немецкого народа в Австрии» [20, с. 5].

Известен факт, что без переплетения с милитаризмом в «чистом виде» фашизма не существует. Как следствие, закономерным итогом процесса возрождения в Австрии фашизма стало возникно-

вание «Австрийского товарищеского союза» (АТС). Он возник в 1949 году в качестве «Благотворительного союза», который в качестве своей основной цели провозгласил поддержку старой дружбы фронтовых солдат и защиту материальных интересов жертв войны. В 1952 году он был преобразован в «Австрийский товарищеский союз» и в первоизданном виде возродил многие воинские формирования бывшей гитлеровской армии, а в своих рядах объединил бывших военнослужащих гитлеровского вермахта. Сегодня при оценке деятельности АТС необходимо учитывать, что его руководители говорили о нем только как об объединении ветеранов, которые существуют во всем мире и категорически отрицали неофашистский характер организации.

Ловко используя обвинения их в неонацистской деятельности, руководители АТС утверждали, что подобные претензии основаны только на том, что члены АТС до сих пор подвергаются клевете и презрению за то, что в когда-то против своей воли служили в гитлеровской армии. Это позволяло им делать демагогические заявления о сохраняющейся по отношению к ним дискриминации и о несправедливости к жертвам войны [23, с. 57]. Чтобы понять подлинную суть данной организации, необходимо рассмотреть ее деятельность несколько подробнее.

В изданной в Вене в 1964 году в работе «Борцы сопротивления и солдаты», был дан ответ на основную идею, которыми оперировали руководители АТС. «Должен ли человек стыдиться уже только того, что он был солдатом во времена нацизма? Десятки тысяч австрийцев вынуждены были одеть чужую форму и участвовать в чужой войне. Эти бывшие солдаты стали сегодня отцами и дедами. Являются ли они плохими только потому, что носили форму немецкого вермахта? Является ли только поэтому человек плохим австрийцем или даже замаскированным милитаристом и нацистом?»

Австрийское движение Сопротивления ни разу не ставило вопрос таким образом. Однако, если сейчас делаются попытки представить борцов Сопротивления и узников концлагерей смертельными врагами бывших солдат, необходимо ответить на этот вопрос.

Австрийское движение сопротивления считает, что ни один австриец не должен стыдиться своего прошлого, например, такого, как, если он во времена нацизма был солдатом и принимал участие во Второй мировой войне. Для большинства австрийцев, которые тогда относились к числу военнообязанных, не было возможности избежать мобилизации в вермахт.

Не стыдно также, что многие молодые австрийцы стали тогда жертвами нацистской пропаганды и ошибочно считали, что в гитлеровской войне речь шла о защите Родины. Каждый молодой человек имеет право ошибаться. Речь шла лишь о том, чтобы он не повторил этих же ошибок в последующие годы.

О позоре можно говорить лишь в том случае, если бывший солдат вермахта еще и сегодня – после всего, что стало известно о массовых убийствах и других преступлениях нацизма – не изменил своего отношения к гитлеровской войне и гордо выставляет напоказ гитлеровские ордена.

Война стала для многих из тех австрийцев, которые вынуждены были вступить в нее совсем юными, политически неопытными людьми, школой, которая их многому научила. Многие лишь благодаря этой школе стали патриотами Австрии и убежденными борцами за мир.

В степях России и в джунглях Африки, в поражениях на полях сражений и в лагерях пленных они поняли, что такое война и что такое нацизм» [23, с. 3–4].

По отношению к бывшим солдатам вермахта в Австрии эта четкая позиция хорошо известна [6, с. 72]. На собственном опыте сотни тысяч австрийцев, которые в свое время были солдатами гитлеровской армии, убедились в подобном подходе к ним. И если руководство АТС говорило по отношению к солдатам вермахта о «подозрениях и клевете», то это было только маскировкой, за которой оно хотело скрыть истинную сущность своей организации, истинные причины, которые вызывали недовольство широкой австрийской общественности и ее фактическую деятельность.

Провозглашенная в Граце в мае 1956 года так называемая «программа требований» стала официальной основой деятельности АТС. Ее основные положения были следующие:

- возврат всех интернированных и военнопленных граждан;
- возврат имущества, которое в 1945 году было конфисковано у жертв войны;
- установление жертвам войны справедливых пособий;
- возмещение убытков военнопленным, а также оплата труда, который ими производился в лагерях для военнопленных;
- урегулирование права ношения наград, полученных во Второй мировой войне и признание полученных в германском вермахте воинских званий [27, с. 87].

Но здесь жертвами войны считались только военнослужащие гитлеровского вермахта, а не те, кто пали в борьбе против гитлеровского фашизма или пострадали от нацистского режима. Дело заключалось не только в этой трактовке, которую можно было бы оставить на совести руководителей АТС, а в том, что основной формой деятельности данной организации были слеты или солдатские встречи, которые проводились по самым различным поводам. Это установление мемориальных досок, похороны членов АТС, годовщины и памятные даты, открытие военных музеев, товарищеские вечера, балы, юбилеи, гражданские и религиозные праздники и т.д., которые проводились в масштабе отдельного населенного пункта, района, провинции, области и всей страны в целом. На крупные встречи АТС иногда съезжалось свыше десяти тысяч человек [4; с. 75].

И не «программа требований», а именно эти слеты и встречи позволили составить полное представление о характере АТС. Ранее мы говорили, что давая разрешения на проведение таких встреч, соответствующие австрийские органы выставяли целый ряд условий: «при выступлении с речами не делать заявлений, которые нацеливали бы на презрительное отношение к республике и демократии, или подвергали бы опасности отношения Австрии с другими государствами или были бы направлены против нейтралитета Австрии». О многом говорила сама по себе необходимость выстав-

лять подобные условия. Но даже они хотя и вынуждали ораторов смягчать выражения, не всегда оказывались действенными.

На встречах ни один оратор не упоминал, что Австрия была оккупированной страной, несмотря на то, что много и часто говорили о защите отечества и солдатском долге. На страницах газеты «Камерад» президент нижнеавстрийской организации АТС Ф. Когоут в октябре 1963 года писал: «Солдат в стальном шлеме Второй мировой войны в соответствии с данной им клятвой выполнял лишь свой долг, независимо от государственно-политической формы его народа... Солдат остается солдатом, независимо от того, какому знамени он служит» [18, с. 2]. Вспоминая о доблести солдат вермахта, один из руководящих функционеров АТС в сентябре 1963 года заявлял: «Мы горды тем, что продолжали сражаться еще пять минут после двенадцати» [14, с. 9]. И как о доблести говорилось о преступлениях гитлеровцев, а тон в этом отношении задавали бывшие эсэсовцы, которые имели собственное объединение – «Kameradschaft – IV». По мнению журнала «Kameradschaft»: «Солдаты, которые овладели почти всем миром ценою того, что до последнего вздоха шли к победе, не могут быть преступниками, грабителями или идиотами. Они – более чем твердые и убежденные люди. Ищи сегодняшнюю Европу там, где она уже однажды действительно создавалась в процессе восточной кампании» [11, с. 15]. В этих словах, сказанных в 1966 году, заключалась не только попытка изображения эсэсовцев как «более чем твердых и убежденных людей», а не только идея «новой Европы». Здесь предполагалось гораздо большее: «Новая Европа» должна была быть создана таким же образом, как ее хотел создать А. Гитлер «в процессе восточной кампании».

АТС имел и собственное мнение о военных преступниках и военных преступлениях. Для АТС военные преступники были борцами против гитлеровского фашизма, т.е. участниками движения Сопротивления. В 1962 году на съезде АТС было еще раз подчеркнуто, что борцы Сопротивления и уголовные преступники в АТС не могут быть приняты. Таким образом, съезд еще раз показал, что АТС выступает решительно против всех, кто из соображений конъюнктуры

или из трусости отрекались от знамени (знамени со свастикой – Н.К.), предали его, но теперь стали называть себя борцами сопротивления [26, с. 16]. В мае 1963 года на «товарищеской встрече» в Пурперсдорфе эта же мысль нашла свое выражение, так как ораторы членов АТС призывали «решительно бороться против того, чтобы предавшие свое знамя (по сути – борцы сопротивления – Н.К.) могли расцениваться как герои», так как «только солдаты до конца боролись за честь знамени и выполнили свой долг перед ним» [22, с.34]. Позиция всех «солдатских товариществ» в наиболее концентрированном виде по отношению к борцам Сопротивления была выражена в журнале «Kameradschaft», по мнению которого, «движение Сопротивления – это форма государственной измены, которая нанесла кинжальный удар в спину фронтовых солдат» [11, с. 15].

С таких же позиций АТС оценивал и военные преступления, так как не был согласен с трактовкой термина, которым при вынесении приговоров главным военным преступникам руководствовался Нюрнбергский процесс. В 1966 году по мнению журнала «Kameradschaft», «Нюрнбергский процесс представляет собой не просто фарс, но и величайший обман всемирной истории, так как солдаты на нем были осуждены только за то, что не отказались от выполнения своей присяги» [19, с. 7].

Выступая на очередной «солдатской встрече», один из функционеров АТС в этом отношении дал еще более четкое изложение позиции своей организации: «Так называемый «Нюрнбергский процесс» был направлен лишь на то, чтобы растоптать нашу честь. Однако уже сегодня мы очищаем ее от всей этой грязи. Мы хотим доказать этим «победителям», что мы сохранили свою собственную гордость, не поддались всей этой грязи и не упали духом» [8, с. 75].

Руководители АТС и его печатные органы, говоря об аншлюсе, постоянно утверждали, что аншлюс отражал волю большинства австрийского населения и соответствовал интересам Австрии. В этом отношении может служить примером мысль журнала «Kameradschaft»: «Аншлюс стал одновременно часом рождения Великогерманского Рейха Того Рейха, о котором в течение нескольких

поколений мечтали лишь великие немцы, которого после проигранной Первой мировой войны ждали уже все немцы, особенно те, что жили за пределами тогдашних границ рейха, и который был создан по воле Адольфа Гитлера» [11, с. 45].

Отличительной чертой фашистской пропаганды являлась самая беспардонная фальсификация как современности, так и исторического прошлого, которая вытекала из особенностей его идеологии.

Приведённое нами выше высказывание является свидетельством того факта, что неофашизм является наследником своего духовного предшественника.

Факт существования вооруженного вторжения в Австрию гитлеровского «плана Отто» был свидетельством тому, насколько австрийцы ждали Великогерманского Рейха. После осуществления данного плана, имперский министр внутренних дел в 1937 году В. Фрик издал распоряжение, в котором было указано, что при осуществлении репрессивных мер в отношении врагов режима и подавлении беспорядков в оккупированной Австрии в отношении врагов режима, эс-совцы и гестапо могут не соблюдать даже германских национал-социалистических законов. В этом распоряжении также указывалось, что «для охраны спокойствия и порядка рейхсфюрер СС и начальник германской полиции при министерстве внутренних дел может, помимо мер, предусмотренных в этих целях законом, принимать также любые меры, которые он сочтет необходимым» [15, с. 2].

Но если бы аншлюс 1938 года действительно был бы «осуществлением мечты всех немцев, которые жили за пределами тогдашних границ рейха», то вряд ли возникла необходимость применения подобных мер. И крайне сомнительно, что в этом случае в марте 1938 года в Австрии в результате первой волны арестов 75 тысяч австрийцев стали бы ее жертвами [7, с. 17].

Несмотря на урок истории 1938–1945 гг., цели АТС не претерпели каких-нибудь серьезных изменений. В своей речи: произнесенной в мае 1963 года на одном из солдатских праздников вице-президент нижнеавстрийского АТС В. Шуценхофер заявил: «Нам необходимо собрать 500.000 человек. Тогда мы сможем диктовать

свои условия и поступать так, как мы хотим. Мы должны вновь находиться в рейхе вместе с нашими немецкими братьями» [13, с. 19].

Как отмечалось ранее, «Австрийский товарищеский союз» был не маленькой нелегальной или полулегальной сектой, а большим легальным объединением, которое объединяло свыше четверти миллиона человек [3, с. 6-15]. Он «специализировался» на создании новых теорий о военном аспекте деятельности гитлеровского фашизма и относился к среднему слою австрийского «национального» лагеря. Газета «Neues Oesterreich» в конце 1950-х гг. сообщала, что все встречи и праздники, которые устраивал АТС, «преследуют цель реабилитации гитлеровского вермахта и создание новых легенд от ответственности за войну. Они хотят сделать из военных преступников невинных мучеников, прославляют СС как лучшую армию Европы и извращают историю в том смысле, что Гитлеру не оставалось ничего другого, как начать войну» [15, с. 67]. Авторы работы «Предостерегаем Австрию!» с тревогой спрашивали: «Как долго могут еще «товарищеские союзы» говорить от имени бывших солдат? Как долго могут они еще распространять нацистскую пропаганду? Или наша демократия ослепла?» [21, с. 32]

И с середины 1960-х гг. до 1975 г. официальные институты австрийской демократии, действительно, не замечали или делали вид, что не замечают, многих подобных тревожных фактов [1, с. 74]. Солдатские праздники и встречи, которые проводились в Австрии, часто организовывались в Западной Германии. На данных встречах в качестве почетных гостей присутствовали бывшие гитлеровские генералы, которые устраивали в Австрии как бы своеобразные смотры своих бывших воинских подразделений. На них озвучивались приветствия отдельных гитлеровских офицеров и генералов, которые в свое время командовали различными воинскими формированиями вермахта, а также руководства западногерманских солдатских союзов.

С начала 1950-х до 1970-х гг. ежегодно публиковался «Немецкий солдатский календарь», куда без любых оговорок АТС был включен в список западногерманских солдатских союзов. Также указывались и их филиалы, которые находились в Австрии при указании в списке других западногерманских союзов [5, с. 75].

На австрийской земле АТС чувствовал себя достаточно уверенно, так как со стороны своей «национальной» элиты – Австрийской партии свободы был обеспечен надежной поддержкой. Во всех организациях «Товарищеского союза» члены АПС занимали руководящие посты, координировали и направляли его деятельность. АПС также сама непосредственно считала необходимым публично высказываться и оценивать те вопросы, которые относились к «компетенции» АТС. Их смысл был полностью идентичным с «теориями» «Товарищеского союза».

Функционер этой партии Ганс Радер в Каринтийском ежегоднике АПС от 1961 года писал: «С 1945 года инфекционная порча всего немецкого народа происходила в такой прогрессирующей мере, что породила законные сомнения: найдет ли немецкое тело еще раз нужное количество сил, чтобы преодолеть этот яд разложения. И это – результат сознательных действий так называемых «победителей». Они пришли совсем не для того, чтобы освободить народ от руководства, которое казалось им (и миру) порочным, а лишь для того, чтобы уничтожить немецкий народ вне зависимости от его правительства и системы» [10, с. 33].

По мнению «национальной» печати Гитлер не стремился и к экспансии чужих территорий и государств. Уже упоминавшийся нами Ф. Шейдль в этой связи писал: «Его намерением было достичь Востока, чтобы создать жизненное пространство для немецкого народа. Однако Гитлер ни в коей мере, и в первую очередь в Европе, не имел каких-либо завоевательных устремлений» [25, с. 147].

У печати борцов Сопrotивления были также аналогичные оценки. В 1958 году газета «Die neue Front», которая являлась центральным СМИ АПС, предположила: «Если бы бывшие узники концлагерей могли поступать в соответствии со своими желаниями, они покрыли бы всю Австрию памятниками об этих узниках и заполнили бы нашу страну надписями, прославляющими их.

Этих господ устраивает, если наша молодежь будет отравлена их нездоровым духом и вдолбленными ей представлениями, которые ни в коей степени не дают объективной картины подлинных исторических событий. Нужно положить конец тому, чтобы в Австрии

до сих пор писались и распространялись такие книги. Необходимо, наконец, спросить, как долго еще нездоровый дух концентрационных лагерей будет испытывать терпение порядочных австрийцев» [9, с. 8].

Движение Сопротивления Ф. Шейдль характеризовал следующим образом: «Якобы организованное против Гитлера движение сопротивления является в моих глазах не более, чем исторической ложью, так называемое «движение сопротивления» организовалось лишь в дни вступления союзных войск, в первую очередь русских. Только когда из всех дыр и углов вдруг высунулись так называемые «герои движения сопротивления». ... Так называемые «герои сопротивления», вдруг овладевшие положением и превратившиеся в весьма громких крикунов, были в своем подавляющем большинстве совершенно обычными конъюнктурщиками, извлекающими выгоду из катастрофы. Они были гиенами катастрофы» [25, с. 139]. По его мнению, также более 80% узников концлагерей были просто уголовными преступниками [25, с. 35–36].

В третьем томе своей «работы» Ф. Шейдль снова рассматривает данную тему. По его мнению, «концентрационные лагеря были благодатными учреждениями», так как было совершенно необходимо изолировать «врагов социального порядка, создающих угрозу общественной безопасности и всему обществу». [25; 75] Пополняя собственную аргументацию в защиту концлагерей, Ф. Шейдль еще раз возвращается к этой теме, но оперирует уже только практической аргументацией: «Цель состояла не в уничтожении, а в обеспечении рабочей силой. Не уничтожение заключенных было целью и намерением немецкого правительства, а лишь использование бесплатной рабочей силы» [24, с. 274].

Ф. Шейдль не обходил внимание также и «европейскую идею». В этом отношении он спокойно проводил параллели между «старыми» и «новыми» планами. Цель этих планов была следующей: «обеспечить порядок и мир, безопасность и благосостояние этого континента». Ф. Шейдль также полагал, что если бы не военное поражение в 1945 году, то эта цель была бы уже достигнута. Он писал: «Если бы Германия выиграла войну на Востоке (только на Востоке – Н.К.), сегодняшний мир, несомненно, выглядел бы по-иному и гораздо луч-

ше. Германия выиграла бы для Запада Россию. Тем самым свободен был бы не только Восток вплоть до Китайского моря: по всей Европе господствовал бы сегодня мир, порядок, безопасность, не существовало бы больше мировой угрозы коммунизма, опасности атомных и водородных бомб и угрозы войны» [25, с. 149].

И предполагаемая Ф. Шейдемом картина аншлюса 1938 года выглядела следующим образом: «Минимум 90% населения Австрии желали тогда аншлюса. Вступившие немецкие войска были осыпаны цветами. Из самых дальних альпийских местечек страны пришли крестьяне, чтобы приветствовать их. По всей стране царил радость и воодушевление... Утверждение, что в 1938 году Гитлер напал на Австрию и присоединил ее к Германии против ее воли – историческая ложь. Аншлюс Австрии к Германии соответствовал желанию и воле минимум 90% австрийского населения, практически воле и желанию всего населения Австрии» [25, с. 119].

Стремление австрийцев к возрождению своего независимого и самостоятельного государства и послевоенная политика Австрии, по мнению Ф. Шейдла, выглядела следующим образом: «В 1945 году официальной политикой была принята такая точка зрения: Австрия в 1938 году подверглась насильственному нападению Гитлера и против ее воли была оккупирована: Австрия стала первой страной, «подвергшейся нападению» со стороны Гитлера.

Такая точка зрения была необходимой и практически оправданной перед заключением в 1955 году Государственного договора в качестве основной предпосылки, обусловившей возможность этого договора. Это фиктивное утверждение оградило Австрию от многих трудностей и бед, однако, оно не соответствует исторической действительности». [25;131]

Но если провести анализ «исторической действительности», о которой упоминал Ф. Шейдль, то необходимо будет вспомнить несколько цифр, которые характеризовали реальную ситуацию результата гитлеровского господства в Австрии. В бомбардировках и гитлеровских застенках, а также концлагерях было уничтожено 157 тысяч австрийцев, а на фронтах Второй мировой войны погибло 280 тысяч.

В находившихся на территории Австрии концлагерях было уничтожено несколько миллионов граждан многих государств Европы [24, с. 35]. Но этих данных нет в работе Ф. Шейдля, несмотря на то, что именно они открывают историческую реальность той Австрии, которая была тогда «восточной маркой «Великого тысячелетнего Рейха».

Заключение

Именно таким образом выглядели концепции австрийских «националов» в XX веке об одном из самых главных периодов истории страны. Стремление затушевать военные преступления фашизма, оценивание борцов сопротивления как предателей родины, стремление к реабилитации гитлеровского фашизма, т.е. всевозможное извращение в угоду старому фашизму истории разоблачало «националов» как приверженцев и последователей фашизма и, следовательно, неофашизма. В силу своей мимикрии неофашизм в XX веке в Австрии приобрёл ряд новых общих для него особенностей. Их можно систематизировать следующим образом:

1. Неофашистские партии выступали открыто, а в период избирательных кампаний отказывались от большинства скомпрометированных атрибутов прошлого своего движения. Неофашисты старались представить свои идеи в качестве демократических, предполагалось наведение конституционного порядка, только «улучшенного» и старательно избегали любых намеков на образ врага.

2. В отличие от нацистов в 1920–1930-х годах неофашистская пропаганда термин «социализм» употребляла редко, так как имелись опасения в реальном социализме и его притягательной силе.

3. Прокламировался повышенный интерес к культуре, идеологии и личности. Были предприняты попытки представить идеологию австрийского фашизма как самостоятельный феномен, который якобы не был связан со своим политическим содержанием и был от него независим. Возникновение фашизма выводилось из глубин метафизического человеческого духа и в этой связи в структуре неофашистской идеологии демагогически выдвигались на передний план проблемы «культуры».

Список литературы

1. Вакулинчук Н. Неофашизм: преемственность, политическая система. Киев, 2002. 127 с.
2. Ватлин А.Ю. Австрия в XX веке. М.: Дрофа, 2006. 222 с.
3. Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. 1995. №2. С. 6–15.
4. Галкин А.А. Фашизм как болезнь общества: тени прошлого и современность. // Дорога к свободе. М.: ЛЕНАНД, 2013. 407 с.
5. Голберг Дж. Либеральный фашизм. М.: Рид Групп, 2012. 512 с.
6. Неймарк Н.М. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. М., 2005. 320 с.
7. Штайнер Г. «Приговорен к смерти. Австрийцы против Гитлера». М.: «Прогресс», 1968. 248 с.
8. Der Volksbote. 1959. 7 Februar.
9. Die neue Front. 1958. 19 April.
10. Grenzenjahrbuch 1961. Wien, 1961. 33 s.
11. Kameradschaft, 1966. №. 8-9.
12. Koon T.H. Believe, obey, fight: political socialization of youth in fascist Italy. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 1985. 115 p.
13. Kurier. 1963. 28 Semptember.
14. Montag. 1960. 18 Juni.
15. Neues Oesterreich. 1957. 25 August.
16. Rimanelli M. Italian terrorism and Society, 1940's-1980's: Roots, Ideologies, Evolution and International Connections // Terrorism. 1989. Vol. 12 (43). 450 p.
17. Volksstime. 1967. 1 Dezember.
18. Volksstime. 1963. 1 Oktober.
19. Volksstime. 1964. 22 April.
20. Volksstime. 1964. 6 Marz.
21. Warnung an Oesterreich. Neonazismus: die Vergangenheit bedreht die Zukunft. Europa-Verlag, Wien, 1966, 190 s.
22. Weg und Ziel. 1961. № 4. 75 s.
23. Widerstandskampfer und Soldaten, Wien, 1964. 57 s.

24. Franz J. Scheidl. Geschichte der Verfemung Deutschland. Scheidl-Verlag, Wien, 1968. 363 s.
25. Benz W., Distel B. (Hrsg.). Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. 9 Bände, C.H. Beck, München, 2005–2009. 400 s.
26. Hindels J. «Hitler war kein Zufall». Wien, 1962. 109 s.
27. Horak K. Die Ersten oder die Letzten? Verlag Jungbrunnen, Wien, 1965. 120 s.

References

1. Vakulinchuk N. *Neofashizm: preemstvennost', politicheskaja sistema* [Neo-fascism: continuity, political system]. Kiev, 2002, 127 p.
2. Vatlin A. Yu. *Avstrija v XX veke* [Austria in the twentieth century]. M.: Drofa, 2006. 222 p.
3. Galkin A. A. O fashizme – ego sushhnosti, kornjah, priznakah i formah projavlenija [On fascism, its nature, roots, signs and forms]. *Polis*. 1995. №2, pp. 6–15.
4. Galkin A.A. *Doroga k svobode* [The road to freedom]. M.: LENAND, 2013. 407 p.
5. Golberg J. *Liberal'nyj fashizm* [Liberal fascism]. M., Reed Group. 2012, 512 p.
6. Neymark N. M. *Plamja nenavisti: jetnicheskie chistki v Evrope XX veka* [The flame of hatred: ethnic cleansing in Europe of the twentieth century]. M., 2005. 320 p.
7. Steiner G. *Prigovoren k smerti. Avstrijcy protiv Gitlera* [Sentenced to death. Austrians against Hitler]. M.: «Progress», 1968. 248 p.
8. Der Volksbote. 1959. 7 Februar.
9. Die neue Front. 1958. 19 April.
10. Grenzenjahrbuch 1961. Wien, 1961. 33 s.
11. Kameradschaft, 1966. №. 8–9.
12. Koon T.H. Believe, obey, fight: political socialization of youth in fascist Italy. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 1985. 115 p.
13. Kurier. 1963. 28 Sempتمبر.
14. Montag. 1960. 18 Juni.
15. Neues Oesterreich. 1957. 25 August.

16. Rimanelli M. Italian terrorism and Society, 1940–1980's: Roots, Ideologies, Evolution and International Connections // Terrorism. 1989. V. 12 (43). 450 p.
17. Volksstime. 1967. 1 Dezember.
18. Volksstime. 1963. 1 Oktober.
19. Volksstime. 1964. 22 April.
20. Volksstime. 1964. 6 Marz.
21. Warnung an Oesterreich. Neonazismus: die Vergangenheit bedreht die Zukunft. Europa-Verlag, Wien, 1966, 190 s.
22. Weg und Ziel. 1961. № 4. 75 s.
23. Widerstandskampfer und Soldaten, Wien, 1964. 57 s.
24. Franz J. Scheidl. Geschichte der Verfemung Deutschland. Scheidl-Verlag, Wien, 1968. 363 s.
25. Benz W., Distel B. (Hrsg.). Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. 9 Bände, C. H. Beck, München, 2005–2009. 400 s.
26. Hindels J. «Hitler war kein Zufall». Wien, 1962. 109 s.
27. Horak K. Die Ersten oder die Letzten? Verlag Jungbrunnen, Wien, 1965. 120 s.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Козьякова Наталия Сергеевна, доцент кафедры Политологии и права, кандидат политических наук
*Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10А, г. Москва, 105005, Российская Федерация
nkozyakowa@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kozyakova Nataliya Sergeevna, Associate Professor of Political Science and Law, Candidate of Political Sciences
*Moscow state regional University
10A, Radio Str., Moscow, 105005, Russian Federation
nkozyakowa@yandex.ru
SPIN-code: 6808-9485
ORCID: 0000-0002-3271-8215
ResearcherID: F-9878-2018*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-139-151

УДК 908

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ
В г. КРАСНОЯРСКЕ В 1921–1926 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ
ГАЗЕТЫ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ»)**

Бершадская С.В., Айснер Л.Ю.

Цель. Статья посвящена развитию системы образования и просвещения в России в условиях перехода к новой системе социально-экономических отношений (НЭП). Предметом анализа выступает реализация государственной образовательной политики на территории города Красноярска Енисейской губернии в период с 1921 по 1926 годы. Авторы статьи ставят целью охарактеризовать особенности развития системы просвещения на материалах региональной прессы и нормативно-правовых актов указанного периода.

Методология проведения работы. Основу источниковой базы исследования составила региональная пресса – газета «Красноярский рабочий», изданная в г. Красноярске в период 1921–1926 гг. Методологическую основу исследования составили традиционные для исследований подобного рода принципы историзма и объективности.

Результаты. Материалы данного периодического печатного издания имели очевидную социальную нацеленность публикуемых материалов: кроме публичного освещения проблем образования и просвещения, законодательных инициатив органов центральной власти, деятельности местных органов власти, ключевой целью подобных публикаций явилось привлечение общественного и государственного внимания к актуализовавшимся проблемам социокультурной сферы, в части организации работы с детьми и молодежью, решения «женского вопроса» и повседневной жизни жителей города, также роли педагогов в социокультурной динамике городского сообщества.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены на занятиях в высших учебных заведениях по таким дисциплинам, как Отечественная история, краеведение, история педагогики и др.

Ключевые слова: система образования; образовательная политика; социальное развитие; новая экономическая политика; Енисейская губерния; средства массовой информации; газета «Красноярский рабочий».

DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL SYSTEM IN KRASNOYARSK BASED ON TEXTUAL EVIDENCE OF “KRASNOYARSK WORKER” NEWSPAPER (1921–1926)

Bershadskaya S. V., Aisner L. Yu.

Development of educational system in NEP Russia has been at the core of attention recently. The findings of this study seek to contribute to a more complete understanding of the processes at work during NEP from the regional perspective of Siberia during the period 1921–1926. Using publications of the local newspaper “Krasnoyarsk Worker” and legal sources, authors offer new insights into several largely uncharted features of the system in these years.

Methodology. *The sources the authors have primarily relied upon are local newspaper publications of “Krasnoyarsk Worker” during the period 1921–1926. The authors have applied historical, objective and broadly chronological approaches.*

Results. *The authors have concluded that the textual evidence presented in the local newspaper “Krasnoyarsk Worker” were socially oriented. The publications were aimed to encourage governmental and public support of the urgent problems of social and cultural spheres.*

Scope and Application. *The “Development of Educational System in Krasnoyarsk Based on Textual Evidence of “Krasnoyarsk Worker” Newspaper (1921–1926)” could be read by specialists and students of Russian history, regional studies, history of education, with special reference to the economic and social history and regional policy under the NEP.*

Keywords: *educational system; educational governmental initiatives; social development; new economic policy; Yenissei Gubernia; mass media; newspaper “Krasnoyarsk Worker”.*

Введение

Вопросы истории развития системы просвещения в России всегда находились в поле зрения отечественных и зарубежных историков. В этой связи обращение к изучению процесса реализации образовательной политики в условиях перехода к новой системе социально-экономических отношений обладает не только научной ценностью, но и приобретает практическую актуальность. Государственная политика в указанный период была обусловлена необходимостью усиления позиций советской власти через правовое закрепление и обеспечение новых социальных отношений, посредством развития системы образования, а также необходимостью вовлечения людей в орбиту социально-экономических отношений.

Прошедший в марте 1921 года X съезд ВКП(б) в качестве одного из приоритетных направлений обозначил необходимость пропаганды нового курса и разъяснение его основных задач в средствах массовой информации. Однако невысокий профессиональный уровень и слабая материально-техническая база приводили к тому, что страницы газет были заполнены многочисленными официальными документами и агитационными статьями. Тем не менее, газета стала «орудием просвещения масс и обучения их жить...»

Город Красноярск Енисейской губернии в период с 1921 по 1926 годов относился к числу провинциальных городов развитие и формирование социокультурного пространства которых были обусловлены трансформациями в сфере общественно-политических отношений в общероссийском пространстве. Местную периодическую печать следует рассматривать как один из важных источников информации о развитии системы образования и просвещения на территории региона, реализации государственной образовательной политики, а также повседневной жизни жителей губернии.

Целью данного исследования является аналитическая реконструкция опыта организации системы просвещения на территории города Красноярска Енисейской губернии в период с 1921 по 1926 годы.

Материалы и методы исследования

Основу источниковой базы исследования составила газета «Красноярский рабочий» и нормативно-правовые акты того времени.

В качестве ключевых исторических источников использовались газетные публикации, посвященные вопросам развития системы образования. Среди них официальные документы, внутренние обозрения, агитационные статьи, статьи публицистического цикла, авторы которых выражали свою точку зрения относительно перспектив дальнейшего развития системы образования и просвещения или же критиковали органы власти или своих коллег за то или иное действие /бездействие.

Некоторые аспекты формирования развития системы просвещения на территории Енисейской губернии в период с 1921 по 1926 годы рассматривались российскими и зарубежными исследователями преимущественного в связи с вопросами развития социокультурной сферы Сибири и России. Хотя в целом обращение к истории отдельных институтов системы образования, а также деятельности Советского государства в области образования и просвещения являются востребованными темами [14; 16; 17; 18; 19; 20], региональный аспект исследования позволяет охарактеризовать особенности развития системы развития народного образования и просвещения в условиях территориальной удаленности от центра, слабо развитой транспортной инфраструктуры, малочисленности населения и уровня его культурного развития.

Методологическую основу исследования составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма и объективности. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов – именно конкретизация и детализация исторических событий позволяют смоделировать целостную картину происходивших процессов.

Результаты исследования и их обсуждение

Первые годы установления нового Советского государства были периодом обширных кодификационных работ; задача кодификации

исходила от органов центральной власти, так как новые условия существования государства требовали правового закрепления новых социальных отношений. Через правовые акты, регулирующие сферу просвещения, центральная власть предоставляла «всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны». 26 декабря 1919 года Советом Народных Комиссаров РСФСР публикуется декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», согласно которому «Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте...» [11]. 21 января 1920 года по решению коллегии Народного комиссариата просвещения выпускается специальная инструкция, разъясняющая отдельные статьи этого декрета [15]. Для выполнения основных положений декрета 1919 года, Декретом Совнаркома от 19 июля 1920 года была образована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по ликвидации неграмотности, ставшая специальной организацией, руководившей обучением неграмотных и малограмотных. Народному комиссариату просвещения и его местным органам предоставлялось право «привлекать к обучению неграмотных в порядке трудовой повинности все грамотное население страны, не призванное в войска, с оплатой их труда по нормам работников просвещения» [12]. Под контролем Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации неграмотности оказались организация курсов ликбеза, открытие изб-читален, подготовка учителей и издание учебной литературы.

Одним из наиболее авторитетных печатных изданий, выходивших на территории Енисейской губернии, являлась газета «Красноярский рабочий», основанная в 1905 году и являвшаяся органом Красноярского окружка ВКП(б). Анализ публикаций периода с 1921 по 1926 годы позволил выявить, что одной из решающих предпосылок трансформаций в сфере общественно-политических отношений с первых лет установления новой власти стала деятельность, направленная на формирование социокультурного пространства. В соответствии с указанными выше нормативно-правовыми актами на территории губернии был образован Губернский отдел

народного образования и губернские комиссии по ликвидации безграмотности [13]. Аналогичные органы были созданы в уездах Енисейской губернии, которые руководствовались в своей деятельности распоряжениями Губернского отдела народного образования и указаниями центральной власти. Газета «Красноярский рабочий» информировала жителей о законодательных инициативах центральной власти и деятельности местных органов власти на территории губернии, например, газета сообщала о создании Губернским окрисполкомом 31 пункта по ликвидации неграмотности на территории Енисейской губернии [9].

Отражая общую ситуацию в стране в 1921 году, на страницах газеты «Красноярский рабочий» активно публикуются статьи и заметки о сборе средств для нуждающихся, распределении продовольствия, общественного и детского питания, предметов первой необходимости, а также о проведении заседаний Красноярского горсовета, посвященные решению данных проблем. Газетой публикуется ряд агитационных статей под общим лозунгом «Дети – основа социалистического общества». По сведениям Губстатбюро в г. Красноярске в 1921 году было зарегистрировано детей и подростков в возрасте от 8 до 17 лет включительно 13 660 человек, школьных работников – 1000 человек. Власть через местное печатное издание сообщала читателям, «всем строителям нового социалистического общества», о проведении «Недели ребенка» и напоминала о том, что «Все для детей! ...в этих словах смысл всей нашей революции», а также о том, что «В их сознании мы должны посеять идеи коммунизма». В июне в газете была опубликована статья, подписанная В. Федоровой, «Работа с детьми летом», акцентировавшая внимание жителей г. Красноярска на необходимости организации работ с детьми «на природе» с целью уберечь их «от развращающего влияния улиц...». Автор пишет: «...природу с ее богатствами и нужно использовать, как фактор образования умственного, эстетического и нравственного...» С другой стороны, по мнению автора статьи «посевы идей коммунизма» могли дать и вполне материальные результаты не только для объектов воспитательного процесса,

но и для повседневной жизни горожан: «...устроив огороды, дадим возможность нашим детям прокормиться зимой, обсадив город деревьями, сделаем его более благоустроенным, и т. п.» В. Федорова демонстрирует твердую уверенность в том, что для объединения обучения и жизни и организации подобного мероприятия существуют «реальные возможности», так как 1000 чел. школьных работников «вполне достаточно, чтобы обслужить детей и подростков». Не остается без внимания автора статьи и то, как подобная инициатива отразится на повседневной жизни педагогов: «Для педагогов же непосильного тут ничего не предлагается. ... все педагоги за лето смогут отдохнуть по месяцу и больше...» [1].

Однако уже с 1922 года темы-лидеры публикаций меняются: происходит переход к появлению, например, объявлений о начале приема учащихся в музыкальные и общеобразовательные классы Красноярской народной консерватории, в которых обращает на себя внимание перечень приемных испытаний: «по классам рояля..., скрипке и духовым инструментам...» [2]. Тогда же в 1922 году редакция газеты поднимает вопрос о необходимости организации работы «среди женщин» и предлагает привлекать к занятиям «товарищей, которые бы всегда умели давать ясные и толковые ответы на всю ту массу вопросов, которые волнуют работницу и крестьянку». На страницах газеты предлагалась четкая программа действий [3]. В связи с необходимостью продолжения разработки новых учебных пособий Наркомпрос объявил о проведении в стране очередного конкурса на лучший букварь для рабочих и крестьян, о чем редакция газеты незамедлительно проинформировала своих читателей [10].

Регулярно на страницах газеты сообщалось об отдельных проблемах «на местах». Так, в декабрьском номере газеты за 1923 год сообщалось о пожароопасном состоянии деревянной постройки учебной мастерской [4]. Однако, одной из наиболее серьезных проблем, по мнению ряда авторов, было несовершенство организации образовательной и воспитательной работы. В статье о проведении конференции учкомов газета сообщала, что на конференции пла-

нировалось подвести итоги работы комитетов; кроме того газета привлекала внимание городского сообщества к необходимости проанализировать работу в школах в целом в связи с тем, что «вся обстановка в школах изменилась» [7]. В статье «Не видели шефа» встречаются критика в адрес бездействия предприятия «Хлебопродукт», формально осуществлявшего шефство над детьми из детдома: «Дети говорили: «Мы не видели никогда своих шефов». Вероятно, «Хлебопродукт» забыл, что шефствует над этим детдомом» [7]. В статье, вышедшей под заголовком «Навряд ли!», сообщалось о серьезных упущениях в работе ячейки Осавиахима красноярской школы № 1, где «уже три месяца, как она не ведет никакой работы» [8].

Редакция газеты пропагандировала и поддерживала разнообразные социально-ориентированные инициативы горожан Красноярска. В сентябрьском номере газеты сообщалось об образовании инициативной группы, в задачу которой входило открытие кооперативной, «в смысле ее материального содержания и состава учащихся» школы Губсоюза; о разработке программы, количестве учащихся («в школе будет 9 групп с количеством учащихся по 500 чел.»), о стоимости обучения («платное по 4 курсовых рубля в месяц»), а также об утверждении штата педагогического персонала, для которого было установлено «вполне приличное содержание» [3]. Информировав об открытии в декабре 1926 года пункта ликбеза при местном отделении службы пути ст. Красноярск, автор заметки уделил особое внимание организационно-бытовой стороне инициативы: «Для занятий приглашена учительница... Местком отвел для занятий комнату» [8].

Отражая общероссийские тенденции газета освещала вопросы работы с молодежью. Газета публикует агитационные статьи о проведении очередного «Международного Юношеского Дня», «когда рабочая молодежь всех стран организует повсюду свои демонстрации». В августе 1922 года «Красноярский рабочий» сообщал: «У нас в России... массовой организацией рабочей молодежи является организация, которая воспитывает молодёжь в коммунистическом духе» [3]. В г.Красноярске праздник проходил под эгидой Енисей-

ской Губернской Комиссии. Для широкого освещения значения этого дня перед молодежью, Енисейская Губернская Комиссия при содействии администрации учреждений и предприятий предполагала организовать собрания с докладами на тему: «Международный Юношеский День». В январском номере 1924 года, «популяризируя и развивая идеи физвоспитания», газета опубликовала объявление об организации курсов для подготовки инструкторов по физкультуре [5]. В октябрьском номере 1925 года в заметке за подписью Нелина сообщалось об успехах неоднократно участвовавшей в состязаниях футбольной команды общественно-кооперативной школы, а также указывалось на необходимость направить «дело физического развития в школах в надлежащее русло» [6]. Для молодежи из рабочих и крестьян открывались новые возможности. Облегченные условия поступления в вузы и военные училища, служба в армии, поступление в комсомол и партию, участие в работе «школ агитаторов» и «школ политграмоты» [9] позволяли изменить условия и образ жизни, приобщиться к новой советской элите. На страницах газеты печатались критерии отбора для поступления в военную школу, основными требованиями было хорошее здоровье и преданность советской власти [7; 9].

Заключение

Становление и развитие системы образования и просвещения в Енисейской губернии, безусловно, проходило в русле общероссийских тенденций. Роль центральной власти при проведении мероприятий в данной сфере сводилась, в основном, к законодательной функции; практическое осуществление было возложено на местные органы власти. Освещение деятельности как первых, так и вторых проводилось, главным образом, на страницах средств массовой информации, в частности в газете «Красноярский рабочий», воспринимавшей и транслировавшей образ Енисейской губернии как специфической, но тем не менее, неотъемлемой и органичной части России. Информирование читателей о жизни в стране и регионе являлось не только средством привлечения вни-

мания общественности к потребностям губернии, но и способом противодействия насущным социальным проблемам. Результаты изучения публикаций газеты «Красноярский рабочий» за 1921–1926 годы позволяют сделать следующие выводы: изучалась потребность в расширении мер развития системы образования и просвещения; обращалось внимание на проблемы организации системы образования и просвещения и анализировались их причины на региональном уровне. Очевидна социальная нацеленность данных материалов: кроме публичного освещения проблем образования, ключевой целью подобных публикаций явилось привлечение внимания к актуализовавшимся проблемам социокультурной сферы.

Список литературы

1. Газета «Красноярский рабочий». № 125 от 12 июня 1921 года.
2. Газета «Красноярский рабочий». № 193 от 27 августа 1922 года.
3. Газета «Красноярский рабочий». № 194 от 30 августа 1922 года.
4. Газета «Красноярский рабочий». № 290 от 28 декабря 1923 года.
5. Газета «Красноярский рабочий». № 4 от 5 января 1924 года.
6. Газета «Красноярский рабочий». № 248 от 29 октября 1925 года.
7. Газета «Красноярский рабочий». № 291 от 19 декабря 1926 года.
8. Газета «Красноярский рабочий». № 294 от 23 декабря 1926 года.
9. Газета «Красноярский рабочий». № 299 от 31 декабря 1926 года.
10. Газета «Красноярский рабочий». № 300 от 31 декабря 1926 года.
11. Декрет СНК № 592 «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26.12.1919. URL: <http://istmat.info/node/38891> (дата обращения 26.07.2018).
12. Декрет СНК «Об учреждении всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности» от 19.07.1920 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_727.htm (дата обращения 26.07.2018).
13. КГКУ «ГАКК». Ф.Р-93. Оп.1. Д.39. Л.71.
14. Митина Т.С. Специфика государственной образовательной политики эпохи становления советской власти // Образование личности. 2017. № 4. С. 35–44.

15. Постановление Народного Комиссариата Просвещения «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» (Инструкция) URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38091#043299252934478094>
16. Хаминов Д.В. Реформа гуманитарного образования в РСФСР в 1920-е гг. (на примере сибирских университетов) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 2 (53). С. 165–172.
17. Филоненко Л.В. Система допризывной подготовки России в 1920-е гг.: историко-педагогический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1 (17). С. 45–48.
18. Hartley J. M. *Siberia. A History of the People*. Yale University Press, New Haven and London, 2014, pages 323.
19. Hughes J. *Stalin, Siberia and the crisis of the New Economic Policy*. Cambridge, United Kingdom, 2003, pages 279.
20. Wood A. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. Bodmin, Cornwall. 2011, pages 289. URL: www.bloomsburyacademic.com (дата обращения 26.07.2018).

References

1. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 125 ot 12 iyunya 1921 goda.
2. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 193 ot 27 avgusta 1922 goda.
3. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 194 ot 30 avgusta 1922 goda.
4. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 290 ot 28 dekabrya 1923 goda.
5. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 4 ot 5 yanvarya 1924 goda.
6. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 248 ot 29 oktyabrya 1925 goda.
7. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 291 ot 19 dekabrya 1926 goda.

8. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 294 ot 23 dekabrya 1926 goda.
9. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 299 ot 31 dekabrya 1926 goda.
10. *Gazeta «Krasnoyarskij rabochij»* [The newspaper “Krasnoyarsk worker”]. № 300 ot 31 dekabrya 1926 goda.
11. *Dekret SNK № 592 «O likvidacii bezgramotnosti sredi naseleniya RSFSR» ot 26.12.1919* [Decree of SNK No. 592 “On the elimination of illiteracy among the population of the RSFSR” of 12/26/1919]. <http://istmat.info/node/38891>
12. *Dekret SNK «Ob uchrezhdenii vsrossijskoj chrezvychajnoj komissii po likvidacii bezgramotnosti» ot 19.07.1920 g.* [Decree of the Council of People’s Commissars “On the establishment of the All-Russian Emergency Commission on the Elimination of Illiteracy” dated July 19, 1920]. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_727.htm
13. KGKU «GAKK». F.R-93. Op.1. D.39. L.71.
14. Mitina T.S. *Obrazovanie lichnosti*. 2017. № 4, pp. 35–44.
15. *Postanovlenie Narodnogo Komissariata Prosveshcheniya «O likvidacii bezgramotnosti sredi naseleniya RSFSR» (Instrukciya)* [Resolution of the People’s Commissariat of Education “On the elimination of illiteracy among the population of the RSFSR” (Instructions)]. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38091#043299252934478094>
16. Haminov D.V. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 2 (53), pp. 165–172.
17. Filonenko L.V. *Istoricheskaya i social’no-obrazovatel’naya mysl’*. 2013. № 1 (17), pp. 45–48.
18. Hartley J. M. *Siberia. A History of the People*. Yale University Press, New Haven and London, 2014, pages 323.
19. Hughes J. *Stalin, Siberia and the crisis of the New Economic Policy*. Cambridge, United Kingdom, 2003, pages 279.
20. Wood A. *Russia’s Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. Bodmin, Cornwall. 2011, pages 289. www.bloomsburyacademic.com

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бершадская Светлана Вячеславовна, старший преподаватель, аспирант кафедры «Истории и политологии»
*Красноярский государственный аграрный университет
пр. Мира, 90, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
bsv97@yandex.ru*

Айснер Лариса Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой «Иностранных языков и профессиональной коммуникации»
*Красноярский государственный аграрный университет
пр. Мира, 90, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
larisa-ajsner@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bershadskaia Svetlana Vyacheslavovna, Senior Lecturer, Post-graduate Student of the Department of “History and Political Science”
*Krasnoyarsk State Agrarian University
90, Mira Ave., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
bsv97@yandex.ru
SPIN-code: 2650-3297*

Aisner Larisa Yurievna, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of “Foreign Languages and Professional Communication” of *Krasnoyarsk State Agrarian University*
*90, Mira Ave., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
larisa-ajsner@yandex.ru
SPIN-code: 2963-1654*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-152-162

УДК 94 (571.1) + 351.74

**ЛИЧНЫЙ СОСТАВ
КЛАССНЫХ ЧИНОВ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ
В СИБИРИ (ПО СПИСКАМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ЗА 1914-1916 ГОДЫ)**

Храмцов А.Б.

***Цель.** Статья посвящена исследованию социально-профессионального состава классных чинов уездных полицейских управлений в Сибири (на примере списков полицейских Томской губернии за 1914–1916 гг.).*

***Метод или методология проведения работы.** В работе применялся комплекс методов научного познания, среди них: анализ документов, логический, обобщения и историко-сравнительный. Для избежания описательности и необоснованных выводов использовались статистические методы, а также системный подход к выявлению ключевых вопросов данной темы.*

***Результаты.** По спискам установлено, что должностной и количественный состав полицейского управления зависел от площади подведомственной ему территории уезда, количества в нем населения и соответственно от «нарезки» станом. Чиновники полиции в основном имели гражданские чины. На классные должности могли назначаться лица без чинов, со средним или домашним образованием. В списках, наряду с положительными характеристиками службы полицейских, встречаются отрицательные заключения о соответствии должности, по таким причинам как: неопытность, малоподвижность, неуравновешенность, преклонность лет и другие. «Сибирская среда» как основной источник пополнения кадрового состава местной полиции в условиях войны, не могла обеспечить правильную организацию полицейской службы.*

***Область применения результатов.** Исследование обширных и многогранных данных о личном составе полицейских управлений*

в Сибири позволяет выявить источники комплектования административного аппарата управления, численность, состав, социальные характеристики, особенности прохождения службы чиновников и в целом оценить кадровую политику правительства в имперскую эпоху. Научно-практическая ценность работы состоит в том, что впервые вводимые в научный оборот архивные документы могут быть использованы для изучения различных аспектов истории правоохранительной системы России в целом и Сибири в частности.

Ключевые слова: *списки классных чинов; уездный исправник; помощник уездного исправника; полицейский надзиратель.*

STAFF OF COOL RANKS OF POLICE DEPARTMENTS IN SIBERIA (ACCORDING TO LISTS OF THE TOMSK PROVINCE FOR 1914–1916)

Khramtsov A.B.

Aim. *Article is devoted to a research of social and professional structure of cool ranks of district police departments in Siberia (on the example of lists of police officers of the Tomsk province for 1914–1916).*

Methodology. *In work the complex of methods of scientific knowledge, among them was applied: analysis of documents, logical, generalizations and historical and comparative. For avoidance of an opisatelnost and unreasonable conclusions statistical methods and also system approach to identification of key questions of this subject were used.*

Results. *According to lists it is established that the official and quantitative structure of police department depended on the area of the territory of the county subordinated to him, the number in him of the population and respectively on “cutting” of camps. Officials of police generally had civil ranks. Persons without ranks, with secondary and house education could be appointed to cool positions. The negative conclusions about compliance of a position, for such reasons as occur in lists along with positive characteristics of service of police officers: inexperience,*

low-mobility, imbalance, decay of years and others. "The Siberian environment" as the main source of replenishment of personnel structure of local police in the conditions of war, couldn't provide the correct organization of police service.

Practical application. *The research of extensive and many-sided data on staff of police departments in Siberia allows to reveal sources of completing of administrative facilities of management, number, structure, social characteristics, features of service of officials and in general to estimate personnel policy of the government at an imperial era. The scientific and practical value of work consists that for the first time the archival documents introduced for scientific use can be used for studying of various aspects of history of law-enforcement system of Russia in general, and Siberia in particular.*

Keywords: *lists of cool ranks; district police officer; assistant to the district police officer; police supervisor.*

Введение

Исследование кадрового состава полицейских управлений как органов административной власти на местном уровне, обладавших всей полнотой власти и ответственных перед губернатором за обеспечение правопорядка во вверенных им районах, дает возможность установить особенности кадровой политики, методы подбора и ротации служащих. Анализ личного состава полицейских чиновников позволяет «изнутри» понять те трудности, с которыми сталкивалась местная полиция.

Материалы и методы

При анализе списков как массовых источников используются различные методы обработки информации, раскрывающие закономерные связи и зависимости между отдельными явлениями и процессами. Наилучший эффект в данном случае дает метод контент-анализа содержания однотипных документов. К тому же такие свойства списков, как типовая структура, неизменность формы на протяжении всего периода их использования, позволяют про-

следить все изменения в составе должностных лиц полицейских управлений в регионе по единой методике. Для выявления общего и особенного применялись методы группировки, аналогии и историко-сравнительного анализа. Историко-системный анализ позволил определить общие черты, присущие чинам полицейских управлений в Сибири.

К сожалению, современная историография мало уделяет внимания изучению социально-профессионального состава полицейских управлений в Сибири. В общих трудах по истории городов и региона можно обнаружить ряд персональных данных об уездных исправниках [1, с. 631–642]. Специальных работ крайне мало. Лишь в статье П.А. Сунгурова представлена краткая характеристика компетенций глав уездной полиции в Тобольской губернии [2, с. 93].

При изучении системы полицейского управления и осмыслении факторов неблагополучного состояния полицейской службы в досоветской России неопределимую помощь исследователю могут оказать такие исторические источники как списки классных чинов, которые представлялись уездными исправниками в губернскую администрацию. Информационную основу данной работы составили списки классных чинов уездных полицейских управлений Томской губернии, составленные в 1914–1916 гг. и хранящиеся в фондах Государственного архива Томской области (ГАТО).

Результаты и обсуждение

Список классных чинов как источник содержит персональные сведения о служащих полицейского управления, имеет табличную форму, в которую заносятся данные о должности, чине, фамилии, имени, отчестве и возрасте лица, сроке его службы, образовании, поведении, образе жизни, служебных способностях и физических недостатках. При этом форма списков не была унифицированной. При сравнении списков исследуемых полицейских управлений можно обнаружить небольшие расхождения по составу табличных граф. К тому же списки представлены как в печатном, так и рукописном виде.

К классным чинам в системе полицейского управления относились: уездный исправник (полицмейстер), помощник исправника (помощник полицмейстера), становые приставы, полицейские надзиратели, секретари, столоначальники и журналисты. Список уездный исправник (полицмейстер) представлял только на своих подчиненных, не указывая информацию о себе.

Сведения списков позволяют сразу решить несколько исследовательских задач, скажем, выявить состав и состояние источников, их информационный потенциал, установить количественные и качественные характеристики классных чинов в полицейских управлениях региона (на последнее и сделан главный акцент в данной работе). Всего в 6-ти уездных полицейских управлениях Томской губернии на службе состояло около 90 чинов. Интересно, что численного и должностного единообразия не наблюдалось, за исключением должности помощника уездного исправника – в каждом управлении по одному помощнику (см. табл. 1 и 2).

Численный и должностной состав полицейского управления зависел от площади подведомственной ему территории уезда, количества в нем населения и соответственно от «нарезки» станов. Самым крупным, согласно спискам, являлось Барнаульское уездное полицейское управление. При этом в списках Бийского, Каинского и Мариинского уездных управлений не указаны секретари, столоначальники и журналисты. Можно предположить, что из-за финансовых трудностей эти должности в условиях войны были сокращены, либо их просто «забыли» внести в эти списки (см. табл. 1).

Наряду с этим, в списках представлены данные о «вторых» лицах в местной полиции – помощниках уездных исправников. На помощника возлагался надзор за делопроизводством, он выполнял личные поручения исправника, а также замещал последнего в случае его командировки, болезни, отпуска или ухода в отставку. В этой связи помощники подчас становились ключевыми фигурами в полицейском управлении.

Таблица 1.

**Численный состав классов чинов уездных полицейских управлений
 Томской губернии. 1914–1916 гг. [3, л. 3–6, 8–13, 24–27, 343–5, 37–41, 44–51, 53–54]**

№	Полицейское управление	Помощников исправников	Становых приставов	Полицейских надзирателей	Других классов чинов
1	Томское уездное	1	5	2	секретарь – 1
2	Барнаульское уездное	1	26	8	секретарь – 1 столоничальник – 2
3	Бийское уездное	1	5	4	не указано
4	Каинское уездное	1	8	3	не указано
5	Кузнецкое уездное	1	6	1	секретарь – 1 столоничальник – 1 журналист – 1
6	Мариинское уездное	1	6	3	не указано
	Всего	6	56	21	7

По исследуемым спискам установлено, что состав помощников был старше среднего возраста (45–50 лет), имел необходимый опыт работы и среднее образование. Они отличались хорошим поведением, вели скромный образ жизни, в полной мере соответствовали занимаемой должности (см. табл. 2).

Таблица 2.

**Личный состав помощников исправников в Томской губернии. 1915 г.
 [3, л. 3 об., 8 об., 34, 37 об., 53]**

№	ФИО	Чин	Возраст	Срок службы	Образование	Поведение и образ жизни
1	Васильев Павел Иванович, помощник Барнаульского уездного исправника	не имеет чина	49 лет	9 лет	окончил Тобольскую ветеринарно-фельдшерскую школу	хорошее, развитой, способный
2	Лопатин Григорий Михайлович, помощник Кузнецкого уездного исправника	не имеет чина	34 года	9 лет	окончил Стерлитамакское городское приходское училище	хорошее, трезвый, спокойного характера

Окончание табл. 2.

3	Вьюков Василий Семенович, помощник Мариинского уездного исправника	надворный советник	56 лет	34 года	окончил Барнаульское окружное училище	хорошее, скромный, уживчивый, добросовестный
4	Вишневыский Степан Иванович, помощник Томского уездного исправника	коллежский асессор	49 лет	28 лет	не окончил Тобольскую духовную семинарию	хорошее, скромный, трудолюбивый
5	Плотников Петр Мартемьянович, помощник Бийского уездного исправника	губернский секретарь	51 год	28 лет	окончил Барнаульское горное училище	хорошее, скромный, способный
6	Бухвостов Полиевкт Н., помощник Каинского уездного исправника	надворный советник	46 лет	29 лет	окончил Каинское уездное училище	хорошее, скромный, трезвый, трудолюбивый

С другой стороны, уездные исправники, подбиравшие себе помощников, не стали бы давать своим «замам» отрицательных характеристик. Интересно, что двое из шести помощников не имели чинов. Очевидно, что в условиях войны кадровый состав местной полиции заметно «ослабел». В результате на должности помощников стали назначаться лица, не имеющие соответствующих чинов, чего в прежние годы практически не встречалось. Тем не менее, это допускалось «Уставом о службе по определению от Правительства» [4, с. 99].

В полиции как гражданском ведомстве чиновники в основном имели гражданские чины. Довольно редки были случаи, когда в руководстве полиции состояли военные чины (подполковники, капитаны, ротмистры, поручики и др.), которые после выхода в отставку отдавали предпочтение службе в жандармских управлениях. Также отметим, что если ранее в среде полицейских начальников преобладали люди, родившиеся в губерниях Европейской части страны, то в начале XX века начали появляться уроженцы Сибирского региона.

Сведения списков о штрафах и возбуждении против чиновников следствия и привлечения их к суду свидетельствуют, что исправники и их помощники, как государственные служащие, получали

внушения, замечания и выговоры, подвергались штрафным санкциям. Хотя в большей части списков указано на отсутствие таких наказаний [5, p. 207].

Кроме этого, в списках содержатся данные о полицейских надзирателях, которые вели службу преимущественно в городах (исключение – Анжерские каменно-угольные копия Томского уезда). Более того, в малых городах надзиратели действовали на правах заведующих полицейской частью (гг. Боготол, Камень, Тайга, Татарск). В отличие от помощников уездных исправников, в составе полицейских надзирателей преобладали лица «без чинов», среднего возраста, с небольшим опытом службы (исключение – полицейский надзиратель г. Кузнецка) и домашним образованием (см. табл. 3).

Таблица 3.

Состав полицейских надзирателей в Томской губернии. 1915 г.
[3, л. 5 об., 13, 25 об., 35, 40 об., 54]

№	Полицейское управление	Численность			Средний возраст	Средний срок службы	Образование	
		всего	с чином	без чина			среднее	домашнее
1	Барнаульское уездное	8	0	8	39,5 лет	6 лет 6 месяцев	2	6
2	Кузнецкое уездное	1	0	1	62 года	17 лет	0	1
3	Мариинское уездное	3	0	3	26 лет	4 года 6 месяцев	3	0
4	Томское уездное	2	1	1	33,5 года	6 лет 6 месяцев	1	1
5	Бийское уездное	4	2	2	30 лет	5 лет	3	1
6	Каинское уездное	3	0	3	37,5 лет	1 год	0	3

По мнению ряда исследователей, формулировка «домашнее образование» означала абсолютное отсутствие такового: «Обычно чиновники без образования стремились использовать другую более «благозвучную» формулировку – обучение на дому или при родителях» [6]. Следует признать высокую степень вероятности этих суждений. Некоторые лица при поступлении на службу не представили документы об образовании, что и отмечено в списках

классных чинов [3, л. 6, 38]. На должности полицейских надзирателей подбирались лица по вольному найму. Ведь главным считались политическая благонадежность, трезвый и скромный образ жизни и отсутствие физических недостатков. Поэтому такое требование к кандидатам как грамотность оставалось лишь пожеланием.

В большинстве списков представлены положительные оценки о службе классных чинов, такие как: исполнительный, способный, достаточно развит, трудолюбивый, служебные обязанности исполняет аккуратно. Тем не менее, на отдельных служащих даны и отрицательные характеристики. Согласно списку, пристав 5 стана Барнаульского уезда, не имеющий чина Л.Д. Александров, «ввиду неопытности не является даже и заурядным чиновником исполнительной полиции»; пристав 13 стана того же уезда, коллежский секретарь М.И. фон-Крузе «не обладает ни достаточной опытностью, ни тактом, крайне неуравновешенный, грубый, дерзкий по отношению к населению»; пристав 3 стана Кузнецкого уезда, не имеющий чина А.И. Путеный, по заключению уездного исправника, имел расшатанную нервную систему, «по службе проглядывает не внимательное отношение к делу и малоподвижность»; полицейский надзиратель г. Кузнецка, не имеющий чина Г.В. Запевалов, 62-х лет, также удостоился нелестной оценки: «характер старческий, раздражительный... проглядывает склонность к сутяжничеству и кляузничеству... ввиду преклонности лет для занимаемой должности не пригоден» [3, л. 25, 25 об. 26, 39, 40].

Среди классных чинов всех исследуемых полицейских управлений Г.В. Запевалов стал рекордсменом как по сроку нахождения в должности, так и предельному возрасту. При этом минимальный возраст лиц, замещавших классные чины, согласно спискам, составил 20 лет [3, л. 26 об.].

В целом, по спискам установлено, что в Барнаульской уездной полиции из 38 чинов – 3 (7,9%) имели отрицательные заключения о своей службе, а 6 (15,8%) указаны без оценки, «ввиду краткости службы»; в Кузнецкой уездной полиции из 11 чинов – 3 (27,2%), по заключению местного исправника, не соответствовали своей должности; в Томской уездной полиции из 9 чинов – 1 (11%) – «допускает служеб-

ные дефекты вследствие своей слабой грамотности»; в Мариинской уездной полиции все 10 чинов охарактеризованы положительно. Интересно, что последний список «за отсутствием уездного исправника в отпуске» представил его помощник. Тем самым, помощник нарушил процедуру составления и подачи списка, на что губернская администрация сделала соответствующее замечание [3, л. 53].

Заключение

Исследованные списки классных чинов содержат многогранные, оценочные сведения о социальном составе полицейских управлений Томской губернии в 1914–1916 гг. Их данные свидетельствуют о «неполном служебном соответствии» ряда чинов, по преимуществу полицейских надзирателей. Работа в полиции привлекала лиц без должного образования, чинов и званий, то есть тех, кто, зачастую, не мог заниматься другой профессиональной деятельностью. Следовательно, полицейским мог стать любой физически пригодный мужчина, вне зависимости от своего происхождения и уровня образования, что на практике приводило к текучести кадров, их слабой подготовленности к службе, а следовательно, к трудностям по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в регионе. Исходя из сведений исследованных списков, сибирская среда, из которой в условиях войны в основном пополнялся кадровый состав местной полиции, не могла обеспечить правильную организацию полицейской службы.

Список литературы

1. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. / А.Н. Ермолаев; под ред. В. А. Волчека. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 743 с.
2. Сунгуров П.А. Уездные исправники Тобольской губернии (нач. XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 93–95.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. оп. 70. д. 1523.
4. Устав о службе по определению от Правительства. СПб., 1896. 346 с.
5. Khramtsov A.B. District Police Officers in the Siberian Region: to the Social Portrait // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 43, Is. 1, pp. 200–208.

6. Козельчук Т.В. Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX века как социальный слой: Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002. С. 91.

References

1. Ermolaev A.N. *Uezdnyi Mariinsk. 1856–1917 gg.* [District Mariinsk. 1856–1917.] / A. N. Ermolaev; pod red. V.A. Volcheka. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. 743 p.
2. Sungurov P.A. Uezdnye ispravniki Tobol'skoi gubernii (nachalo XX v.) [District police officers of the Tobolsk province (beginning of the 20th century)]. *Theory and practice of social development*, 2015, no 4, pp. 93–95.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO)* [State archive of the Tomsk region]. f. 3, op. 70, d. 1523.
4. *Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot Pravitel'stva* [The charter about service by definition from the Government]. SPb., 1896. 346 p.
5. Khramtsov A.B. District Police Officers in the Siberian Region: to the Social Portrait. *Bylye Gody*, 2017, Vol. 43, Is. 1, pp. 200–208.
6. Kozel'chuk T.V. *Chinovnichestvo Tobol'skoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka kak sotsial'nyi sloi* [Officials of the Tobolsk province in the second half of XIX – the beginning of the 20th century as a social group]: Dis. ... kand. ist. nauk. Kurgan, 2002, p. 91.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Храмцов Александр Борисович, кандидат исторических наук,
доцент
*Тюменский индустриальный университет
Луначарского, 8, г. Тюмень, Российская Федерация
khramtsov_ab@bk.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Khramtsov Alexander Borisovich, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
*Tyumen Industrial University
8, Lunacharsky Str., Tyumen, Russian Federation
khramtsov_ab@bk.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-163-183

УДК 351/354+93/94(470.6)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Кринко Е. Ф.

Цель. *Статья посвящена национальной политике и государственным преобразованиям на Северном Кавказе в период Революции и Гражданской войны.*

Методология. *Автор использовал принципы историзма, системного анализа и институциональный подход.*

Результаты. *Свержение монархии вызывало подъем национальных движений на Северном Кавказе. Распад прежних государственных структур сопровождался кардинальным переформатированием политико-правового пространства региона. Наряду с созданием новых форм организации власти происходило восстановление традиционных политических институтов. С приходом к власти большевиков в Петрограде на Северном Кавказе усилились сепаратистские настроения. В прежних губерниях и областях провозглашались республики. При этом первоначально часть из них не выступала за выход из состава России. Однако поиск новых национально-государственных форм осложняли Гражданская война и иностранная интервенция. Руководители Белого движения выступали за сохранение единой России. Это стало одной из причин их поражения на юге страны. Победа большевиков, декларировавших право наций на самоопределение, означала новый этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в исторической науке и образовании.*

Ключевые слова: *Гражданская война в России; Горская республика; Северо-Кавказская советская республика; национально-государственное строительство; Северный Кавказ.*

NATIONAL POLICIES AND STATE TRANSFORMATIONS IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR

Krinko E.F.

Purpose. *The article studies the national-state transformations in the North Caucasus during the Revolution and Civil War.*

Methodology. *The author used the scientific principles of historicism, systems analysis and institutional approach.*

Results. *The overthrow of the monarchy caused the rise of national movements in the North Caucasus. The collapse of the former state structures was accompanied by a radical reformatting of the political and legal space of the region. At the same time the creation of new forms of organization of power, the restoration of traditional political institutions took place. With the Bolsheviks coming to power in Petrograd, separatist sentiments intensified in the North Caucasus. In former provinces and regions there were proclaimed republics. Initially, some of them did not support the withdrawal from Russia. However, the search for new national-state forms was complicated by the Civil War and foreign intervention. The leaders of the White Movement advocated the preservation of the united Russia. It was one of the reasons for their defeat in the south of the country. The victory of the Bolsheviks, who declared the right of nations to self-determination, marked a new stage of national-state construction in the North Caucasus.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in historical science and education.*

Keywords: *Civil war in Russia; Mountainous Republic; North Caucasian Soviet Republic; National Building; North Caucasus.*

Введение

Распад Российской империи сопровождался кардинальными преобразованиями, поиском новых форм национально-государственного и административно-территориального устройства населявших ее

народов. Однако эти процессы осложнялись политическим и идеологическим противостоянием Гражданской войны, приобретшим особенно острый характер на Северном Кавказе. В советское время изучение национально-государственных преобразований в первые пореволюционные десятилетия относилось к одному из наиболее широко разрабатываемых направлений исследований, вызвав появление специальных историографических трудов [6; 16; 29 и др.]. Они позволяют не останавливаться подробно на историографии проблемы, долгое время находившейся под влиянием идеологии. Прежде всего, оно выражалось в апологии первых советских республик и негативном отношении или замалчивании истории противников большевиков. Считалось, что они отстаивали реакционные цели и были обречены на поражение [1; 2; 4; 7; 18; 31; 33 и др.]. В значительной степени эта позиция опиралась на использование соответствующего комплекса исторических источников. В зарубежной историографии изучение национально-государственных преобразований долго оставалась периферийным направлением исследований, находя своей отражение лишь в отдельных трудах [34 и др.]. Современные исследователи, которым стали доступны новые документальные материалы, предлагают более взвешенные подходы к изучаемой проблеме [5; 8; 11; 12; 13; 15; 17; 19; 24; 28; 32 и др.]. Появились специальные исследования о несоветских государственных образованиях, национальной политике белых на юге страны [14; 21; 25; 26 и др.]. Однако порой смена оценок на противоположные ведет к отрицанию уже советского опыта нациестроительства. Цель данной статьи – осмысление в комплексе национально-государственных преобразований на Северном Кавказе как полиэтничном и поликонфессиональном регионе в 1917 – начале 1921 гг.

Материалы и методы

Статья написана на основе архивных и опубликованных источников, обобщая ранее накопленный опыт исследования проблемы национально-государственного строительства в первые пореволюционные годы. Автор опирался на принципы историзма и системно-

го анализа, рассматривая национальную политику и государственные преобразования на Северном Кавказе как взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы в их динамике и в контексте определенного исторического периода, ограниченного хронологически рамками 1917 – начала 1921 гг. Институциональный подход позволил акцентировать внимание на трансформации органов власти в регионе в период Революции и Гражданской войны как государственных структур.

Результаты и обсуждение

Вхождение Северного Кавказа в состав Российской империи окончательно завершилось в середине 1860-х гг. с прекращением Кавказской войны. К началу рассматриваемых событий прошло чуть более половины века. Интеграционные процессы на протяжении всего этого периода шли противоречиво, их векторы неоднократно менялись под воздействием взаимоисключающих тенденций к общеимперской унификации и учету региональной специфики, различных исторических обстоятельств и личностей [20; 23 и др.]. Здесь сочетались гражданская (губернская), военно-казачья и военно-народная (в горских округах) системы управления, как следствие различных способов включения отдельных территорий и народов в состав России. Важным фактором закрепления региона стало создание казачьих войск. Активные колонизационные процессы привели к формированию в составе населения, наряду с местными северокавказскими народами, значительной доли русских и малороссов (украинцев). Различия в правовом и экономическом положении отдельных групп (прежде всего, между горцами и казаками, казаками и иногородними), острые земельные противоречия порождали социальное недовольство. Но вплоть до революции 1917 г. северокавказские национальные движения и их лидеры не ставили перед собой сепаратистских целей и задач, связанных с отделением от России и созданием собственных государств.

В 1917 г. Северный Кавказ входил в состав двух губерний – Ставропольской и Черноморской, двух казачьих областей – Кубанской и

Терской, а также Дагестанской области, Закатальского и Сухумского округов. Почти вся территория, кроме Ставропольской губернии, входила в состав Кавказского наместничества. Ставропольская губерния включала, помимо 5 уездов (Александровского, Медвежинского, Благодарненского, Ставропольского, Святокрестовского) территории кочующих народов. Черноморская губерния делилась на 3 округа (Новороссийский, Сочинский и Туапсинский). Дагестанская область – на 9 округов (Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский, Темир-Хан-Шуринский). Приравненные к губерниям, Закатальский и Сухумский округа разделялись на 4 участка каждый. Кубанская область делилась на 7 отделов (Баталпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Кавказский, Лабинский, Майкопский и Таманский). Терская область – на 4 отдела (Кизлярский, Моздокский, Пятигорский, Сунженский), 6 округов (Нальчикский, Веденский, Владикавказский, Грозненский, Хасавюртовский, Назрановский) и приставство.

Анализируя административную карту Терской области, А. Цуциев расходится с авторами, говорящими о «произвольном определении административных границ империи». По его мнению, администрирование Терской области в начале XX в. представляет собой «один из примеров (моделей) предельно возможного совмещения административных границ с этническими» [30, с. 42]. Во Владикавказском округе преобладали осетины, в Назрановском – ингуши, в Веденском и Грозненском – чеченцы, в приставстве – калмыки и ногайцы. В то же время эта система имела исключения: так, в Нальчикский округ наряду с кабардинцами были включены балкарские общества. В Хасавюртовском округе самыми крупными общностями были кумыки, чеченцы (ауховцы) и аварцы, но здесь проживали и другие народы. Следует согласиться с тем, что использование этнического принципа в управлении неизбежно ограничивалось «учетом хозяйственно-экономических, ландшафтных, военно-стратегических и иных характеристик территории» [30, с. 43].

Указанные обстоятельства нашли отражение и в разграничении ряда других регионов и народов Северного Кавказа. Аварцы жили

преимущественно в Аварском, Андийском и Гунибском округах, даргинцы – в Даргинском, кумыки – в Темир-Хан-Шурином, лакцы – в Казикумухском, лезгины – в Кюринском и Самурском округах Дагестанской области. Кайтаго-Табасаранский округ имел смешанный состав с преобладанием даргинцев, кайтагцев, табасаранов, кумыков и азербайджанцев. Калмыки, ногайцы и туркмены населяли Большедербетовский улус, находившийся в ведении Медвежинского уезда Ставропольской губернии. Небольшие по численности этносы Северо-Западного Кавказа были включены в более крупные административные образования. Западные адыги (черкесы) жили в основном в Баталпашинском, Екатеринодарском и Майкопском отделах Кубанской области, шапсуги – в Туапсинском округе Черноморской губернии, абхазы – в Сухумском округе. Карачаевцы и абазины – в Баталпашинском отделе.

Свержение самодержавия сломало прежнюю систему управления. Последний наместник, великий князь Николай Николаевич (младший) подал в отставку, а само наместничество было упразднено. Взамен 9 марта Временное правительство создало в Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси) Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ) из 5 бывших членов IV Государственной думы во главе с депутатом от Области Войска Донского, кадетом В.А. Харламовым. Считалось, что юрисдикция ОЗАКОМ распространялась на всю территорию Кавказского наместничества, но в его составе не было представителей Северного Кавказа. Поэтому ОЗАКОМ ограничился назначением своих представителей в Дагестан, тесно связанный с Закавказьем.

Большинство губернаторов и начальников областей на Северном Кавказе в начале марта 1917 г. были отстранены от своих должностей (в Дагестанской области – в апреле), а в ряде мест и арестованы. Временное правительство назначило своих комиссаров в губернии и области, в основном, из бывших депутатов Государственной думы либеральной ориентации, сформировало временные губернские и областные гражданские комитеты, исполкомы. Комиссаром Кубанской области стал К.Л. Бардиж, Терской – М.А. Караулов, Дагестан-

ской области с Закатальским округом – М.М. Далгат, Черноморской губернии – Н.Н. Николаев. Комиссаром Старопольской губернии стал А.И. Кухтин, которого менее чем через неделю заменил Д.Д. Сторлычанов. В Сухуме 10 марта 1917 г. был сформирован Комитет общественной безопасности под председательством абхазского князя А.К. Шервашидзе (Чачба).

Одновременно формировались советы рабочих, солдатских (в казачьих областях – казачьих) депутатов, которые повели борьбу за власть с областными комитетами и исполкомами. Так, Новороссийский совет в мае 1917 г. вынес решение о недоверии комиссару Временного правительства, вынудив Н.Н. Николаева покинуть город. Но Временное правительство назначило нового комиссара – эсера Н.И. Долгополова.

Ослабление центральной власти вызвало подъем национальных движений на Северном Кавказе. В основном, их требования выражались в расширении прав и возможностей, в предоставлении автономии в рамках Российской федеративной республики, причем предоставляемой всему региону, а не отдельным народам. 5–6 марта 1917 г. был сформирован Временный центральный комитет объединенных горцев (председатель – Б.А. Шаханов) – общественный орган, представлявший интересы горских народов Терской области [21, с. 15–18]. По его инициативе в марте-апреле в округах сформировались национальные по своей сути органы: Ингушский национальный совет, Владикавказский (Осетинский) и Нальчикский окружные гражданские комитеты, Чеченский национальный комитет. Подобные процессы шли и в Дагестане [19, с.87]

1 мая открылся I горский съезд, одобрявший создание Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Главную роль в его организации и деятельности играли представители национальной интеллигенции и примыкавшей к ней горской аристократии [21, с. 79]. Съезд утвердил конституцию, избрал Центральный комитет (далее – ЦК) и Духовный совет, власть которых распространялась на Дагестанскую область, горские округа и Ногайский участок Терской области, Кубанские горские областные комитет и совет, испол-

нительные комитеты ногайцев и караногайцев Ставропольской губернии. Председателем ЦК стал крупный чеченский землевладелец и нефтепромышленник Т.А. (А.–М.) Чермоев. В сентябре 1917 г. на Втором горском съезде в состав Союза вошла Абхазия. В результате он был переименован в Союз объединенных горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии.

Вскоре активизировалось и мусульманское духовенство. В Дагестане возник ряд религиозных обществ, выступавших за введение шариата. Наиболее активным было созданное в апреле 1917 г. общество исламистов (Джамиат-уль-Исламия). В сентябре в Темир-Хан-Шуре (в настоящее время – Буйнакск) на его основе возник Дагестанский мусульманский комитет. Такие же комитеты были созданы в Дербенте и Порт-Петровске (в настоящее время – Махачкала). В августе на внеочередном съезде в Анди шейх Узун-Хаджи Салтинский поставил вопрос об избрании имамом Северного Кавказа Н. Гоцинского. Однако этому воспротивились другие шейхи, и Гоцинский был избран муфтием мусульман Северного Кавказа. Это решение было утверждено на II съезде в сентябре 1917 г. Попытка создать имамат как теократическое государство не удалась [19, с. 101–102].

В казачьих областях восстанавливались традиционные казачьи органы управления – войсковые круги, возобновлялись выборы атаманов [25]. 27 марта 1917 г. атаманом Терского казачьего войска был избран М.А. Караулов, сложивший с себя полномочия комиссара Временного правительства в Терской области. В апреле 1917 г. была создана Кубанская войсковая рада, а 12 октября атаманом Кубанского казачьего войска был избран А.П. Филимонов.

Преобразования в системе управления кочевыми народами сводились к наделению их теми правами, которыми уже обладали другие территории. Так, 1 июля 1917 г. Временное правительство издало постановление о введении земских учреждений на инородческой территории Ставропольской губернии и упразднении управления кочевыми инородцами [10].

Приход к власти большевиков в Петрограде стимулировал национально-государственные преобразования. Первоначально горские

и казачьи лидеры стремились консолидировать свои усилия в борьбе с большевиками. 21 октября 1917 г. во Владикавказе был создан Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Он включал Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска, Союз объединенных горцев и представителей калмыков [21, с. 258]. 31 октября присоединилось Уральское казачье войско. Председателем Союза был избран атаман Войска Донского А.М. Каледин, главой объединенного правительства, разместившегося в Екатеринодаре (в настоящее время – Краснодар) – В.А. Харламов.

С целью урегулировать нараставшие противоречия между горцами и казаками Войсковое правительство Терского казачьего войска и ЦК Союза объединенных горцев договорились о создании 1 декабря Временного Терско-Дагестанского правительства во главе с Карауловым. Одновременно ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии был преобразован в Горское правительство. Но уже на следующий день, 2 декабря его глава Чермоев подал в отставку. Председателем правительства Горской республики стал кумыкский князь Р.Х. Капланов. Власть Горского правительства должна была охватывать территорию Дагестанской области, шесть национальных округов (Владикавказский, Грозненский, Веденский, Назрановский, Нальчикский и Хасавюртовский) и Караногайский участок Терской области, а также территории ногайцев и туркмен Ставропольской губернии (в сентябре присоединившихся к Караногайскому участку). Вопрос о распространении власти Горского или Закавказского правительств в Абхазии и Закавказском округе передавался на разрешение созданным в ноябре Абхазскому и Закавказскому народным советам [21, с. 308–310]. Но Терско-Дагестанское правительство, во главе которого после гибели Караулова встал Капланов, не могло остановить волну межнациональных и социальных конфликтов, заполохавших на Северном Кавказе [19, с. 146].

Другим центром формирования казачьей государственности стал Екатеринодар, где в ноябре 1917 г. состоялась I сессия Законодатель-

ной рады, сформировавшей, вместо прежнего войскового правительства, Кубанское краевое правительство (председатель – Л.Л. Быч). 28 января 1918 г. Законодательная рада провозгласила создание Кубанской народной республики в составе России. Но уже 16 февраля она провозгласила независимость.

Однако с конца 1917 г. власть на Северном Кавказе переходит к советам, а в них – к большевикам. В январе – марте 1918 г. были провозглашены Ставропольская, Терская, Черноморская и Кубанская советские республики в составе РСФСР. 28–30 мая 1918 г. III Чрезвычайный съезд Советов Кубани и Черноморья принял решение об объединении Кубанской и Черноморской советских республик в Кубано-Черноморскую советскую республику (председатель ЦИК – А.И. Рубин).

Терско-Дагестанское и Горское правительства уже в начале 1918 г. практически утратили власть, по словам секретаря Горского обкома РКП(б) К.С. Бутаева, распространявшуюся всего на две улицы Владикавказа [8, с. 385]. Тем не менее, официально они просуществовали до марта 1918 г., когда большая часть их членов бежала в Грузию. Вскоре прекратил свое существование и Юго-Восточный союз.

Но уже летом 1918 г. территории советских республик стали стремительно сокращаться под натиском белых. В этих условиях 7 июля 1918 г. Кубано-Черноморская и Ставропольская республики объединились в Северо-Кавказскую советскую республику (председатель ЦИК – Рубин). Центром стал Екатеринодар, а после его захвата белыми – Пятигорск. К концу 1918 г. Северо-Кавказская, а за ней и Терская советские республики фактически, а в начале 1919 г. и официально прекратили свое существование.

В настоящее время государственно-правовой статус первых советских республик переосмысливается. Н.Ф. Бугай отмечает, что название «республик» закрепилось за ними благодаря советской историографии, тем более что «правовые акты, провозглашавшие бы Кубанскую, Терскую области, Черноморскую и Ставропольскую губернии республиками, отсутствуют». По его словам, республика противопоставлялось свергнутой монархии, выступала «как синоним понятий “область”, “край”, “губерния”, где установлена власть советов». При

этом его использование вовсе не означало суверенитета данных образований, напротив, все они заявляли о том, что являются частями Советской России [22, с. 46–47].

Победа Добровольческой армии А.И. Деникина (после ее объединения в январе 1919 г. с армией Всевеликого Войска Донского – Вооруженных сил Юга России (ВСЮР)) привела к восстановлению прежнего административно-территориального устройства с разделением на губернии, уезды и волости. Первоначально белые рассчитывали использовать горцев и казаков в борьбе с большевиками [9]. Но их политика, направленная на воссоздание «единой и неделимой» России, стала вызывать недовольство региональных властей, стремившихся к самостоятельности. Одним из центров противостояния стала Кубань, власти которой еще в 1918 г. обсуждали проекты объединения с Донской республикой и Украинской державой. Прибывшая на Парижскую мирную конференцию самостоятельная делегация Кубани осенью 1919 г. подписала договор с представителями Горской республики [27]. Тогда Деникин приказал предать полемому суду подписавших договор кубанских делегатов, а также разогнал Законодательную раду.

5 января 1920 г. в Екатеринодаре начал работу Верховный круг Дона, Кубани и Терека в качестве межрегионального, южнороссийского парламента. Он разрабатывал «Временное положение о союзном государстве Дон – Кубань – Терек (Юго-Восточном союзе России)», а 22 января принял «Положение о Южнорусской власти», утвержденное Деникиным. Но конфликты с командованием ВСЮР, а затем военное поражение антибольшевистских сил так и не позволили завершить политическое объединение казачьих областей.

Национальная политика белых вызвала серьезное противодействие на Северо-Восточном Кавказе [26, с. 199]. С весны 1918 г. в Дагестане шла перманентная борьба между местными советами, которые возглавляли социалисты, и мусульманским правительством Гоцинского. Вторжение армии генерала Л.Ф. Бичерахова привело к свержению советской власти. 25 сентября он заключил соглашение с военным министром Горского правительства князем Н.–Б. Тарков-

ским о разделе сфер влияния в Дагестане [3, с. 111]. Впрочем, военная диктатура Тарковского продержалась недолго: в октябре в Дагестан вторглись германские и турецкие войска, которых в декабре сменили английские. Вернувшееся при турецкой помощи в Дагестан Горское правительство возглавил П.Т. Коцев. Но Деникин назначил временным правителем Дагестана генерал-майора М.М. Халилова. После этого Горское правительство вторично эвакуировалось в Тифлис.

Летом 1919 г. в Дагестане и Чечне вспыхнуло восстание во главе с шейхом Узун-Хаджи Салтинским. В сентябре Узун-Хаджи провозгласил Северо-Кавказский эмират с центром в селении Ведено по образцу имамата Шамиля – шариатскую монархию под протекторатом турецкого султана. Справиться с движением Узун-Хаджи белым так и не удалось. А весной 1920 г. части Красной армии разгромили белых и установили окончательный контроль над Югом России. Национальные лидеры Северного Кавказа, не принявшие советской власти, отправились в эмиграцию.

Необходимо отметить, что формировавшиеся первоначально под демократическими лозунгами национальные государственные образования при наличии возможностей выражали претензии на расширение своих территорий, обнаруживая имперские устремления. Так, Закатальский округ стал спорной территорией, на которую претендовали соседние Азербайджан, Грузия и Дагестан. В конце июня 1918 г. он вошел в состав Азербайджанской Демократической Республики (АДР) на правах губернии. АДР также поднимала вопрос о присоединении Дагестана [17, с. 42]. Пользуясь поддержкой Германии, грузинские войска весной 1918 г. захватили Абхазию, а летом – Сочи и Туапсе. К февралю 1919 г. войска ВСЮР отбросили их до реки Бзыбь, но Гагринский уезд так и оставался под грузинским контролем вплоть до прихода Красной армии.

Весной 1920 г. части Красной армии разгромили белых и установили окончательный контроль над Северным Кавказом. Казачьи войска были упразднены. Кубань вместе с Черноморьем вошла в состав РСФСР как Кубано-Черноморская область. 13 ноября 1920 г. Чрезвычайный съезд народов Дагестана провозгласил декларацию о советской

автономии Дагестана. Через четыре дня, на съезде народов Терской области была провозглашена Горская Автономная Социалистическая Советская Республика. 20 января 1921 г. ВЦИК утвердил создание Горской и Дагестанской АССР. После установления советской власти на территории бывшего Сухумского округа 31 марта 1921 г. была провозглашена Советская Социалистическая Республика Абхазия. 21 мая ревком Советской Социалистической Республики Грузии признал ее независимость. Но 16 декабря ССР Абхазия и ССР Грузия подписали союзный договор об объединении на федеративных принципах.

Заключение

Таким образом, на протяжении сравнительно короткого, но чрезвычайно насыщенного военно-политическими событиями периода 1917–1921 гг. на Северном Кавказе неоднократно менялось национально-государственное устройство. Распад Российской империи и ослабление центральной власти запустили центробежные процессы, со временем набравшие обороты. Первоначально главные требования национальных и региональных движений, во главе которых, как правило, стояли представители либерально-демократической национальной интеллигенции, заключались в реализации прав народов Северного Кавказа в составе Российской федеративной республики. Лишь в условиях прихода к власти большевиков они выступили за создание автономии на принципах объединения казаков и горцев в одно государственное образование, фактически, включавшее весь Северный Кавказ.

В условиях распада прежних властных структур и обострения межэтнических и межклассовых противоречий наряду с возникновением новых форм организации власти стали возрождаться традиционные институты, происходила радикализация общественного сознания. Весной 1918 г. на Северном Кавказе была установлена советская власть в форме республик, признававших верховенство РСФСР. В свою очередь, они прекратили свое существование под натиском Белого движения. Но национальная политика белых, направленная на воссоздание дореволюционных порядков, стала одной из причин их краха. Не имела успеха и попытка построить гор-

скую государственность на мусульманской основе. Окончательная победа большевиков стала началом нового этапа в истории национально-государственных преобразований на Северном Кавказе.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

Список литературы

1. Абулова Е.А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа, 1917–1937. Ростов-на-Дону. Издательство Ростовского университета, 1984. 162 с.
2. Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. Орджоникидзе: Ир, 1973. 255 с.
3. Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2011. 348 с.
4. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1930. Т. 1. Краткая история республик. 271 с. Т. 2. Краткая история республик. 271 с.
5. Боров, А.Х., Думанов, Х.М., Кажаров, В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.
6. Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. Историко-географический обзор // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. Сборник статей. Вып. II. М.: [Б.и.], 1978. С. 127–150.
7. Бугай Н.Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. 1919–1920 гг. Нальчик: Эльбрус, 1977. 156 с.
8. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М.: РОССПЭН, 2011. 1094 с.

9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 29. Л. 3–5об.
10. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 2. Д. 8340. Л. 1.
11. Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 376 с.
12. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917–1924 г. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. 222 с.
13. Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.): (начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). – Владикавказ: СОГУ, 2003. – 210 с.
14. Жанситов О.А. Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917–1920 гг.). Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и КБНЦ РАН, 2009. 149 с.
15. Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа: 1918 – первая половина 1920-х гг. Дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. 210 с.
16. Камалдинов Е.С. Советская национальная государственность на территории Северного Кавказа в 1917–1924 годы в отечественной историко-юридической науке. Пятигорск – Минеральные Воды: ПГЛУ – МВФ МОСА, 2011. 165 с.
17. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 400 с.
18. Кониев Ю.И. Автономия народов Северного Кавказа: О зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. Орджоникидзе: Ир, 1973. 255 с.
19. Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х гг. СПб: Владимир Даль, 2017. 483 с.

20. Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону: ООО «Омега Паблицер», 2012. 560 с.
21. Музаев Т. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М.: Патрия, 2007. 518 с.
22. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп: Меоты, 1995. 285 с.
23. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
24. Орешин С.А. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе, 1917–1921 гг. дисс... канд. ист. наук. М., 2015. 279 с.
25. Остапенко П.И. Казачьи государственные образования на юге России (февраль 1917 – начало 1920 г.) (Историко-правовой анализ): Дисс... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2004. 443 с.
26. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина. СПб.: Полторак, 2012. 338 с.
27. Ратушняк О.В. Политические искания донского и кубанского казачества в годы Гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // Белая гвардия. Альманах. № 8. Казачество России в Белом движении. М.: Посев, 2005. С. 17–23.
28. Суханова Н.И. Институциональная политика советской власти и белого движения на Северном Кавказе в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2004. 202 с.
29. Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: Издательство МГОУ, 2003. 268 с.
30. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.
31. Чистяков О.И. Национально-государственное строительство в РСФСР в годы гражданской войны (1918–1920). М.: Издательство Московского университета, 1964. 92 с.
32. Шнайдер В.Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир: АГПУ, 2007. 416 с.

33. Эбзеева С.Э. Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М.: Юридическая лит-ра, 1976. 135 с.
34. Pipes R. The formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917–1923. Cambridge: Harvard university press, 1954. 355 p.

References

1. Abulova E.A. *Partiya vo glave nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva narodov Severnogo Kavkaza, 1917–1937* [The Party at the head of the National-state Building of the North Caucasus peoples, 1917–1937]. Rostov-on-Don: Rostov University Publishers, 1984. 162 p.
2. *Avtonomiya narodov Severnogo Kavkaza: o zarozhdenii, stanovlenii i razvitiiform sovetskoj nacional'noj gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze* [The Autonomy of the North Caucasus peoples: the birth, formation and development of the forms of the Soviet national statehood in the North Caucasus]. Ordzhonikidze: Ir, 1973. 255 p.
3. Bezugol'nyy A.Y. *General Bicherahov i ego Kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranicy istorii Grazhdanskoj vojny i intervencii na Kavkaze. 1917–1919* [General Bicherahov and his Caucasian army. Unknown pages of the history of the Civil War and the intervention in the Caucasus. 1917–1919]. Moscow: JSCs “Tsentrpoligraf”, 2011. 348 p.
4. Borisenko I. *Sovetskie respubliki na Severnom Kavkaze v 1918 godu* [Soviet republics in the North Caucasus in 1918]. Rostov-on-Don: Severnyj Kavkaz, 1930. Vol. 1. *Kratkaya istoriya respublik* [The brief history of the republics]. 271 p. Vol. 2. *Kratkaya istoriya respublik* [The brief history of the republics]. 271 p.
5. Borov A.K., Dumanov K.M., Kazharov V.K. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, ways of formation, problems]. Nalchik: El'-Fa, 1999. 184 p.
6. Bugaev A.M. *Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya natsional'noy gosudarstvennosti narodov Severnogo Kavkaza. 1917–1936 gg. Istoriograficheskiy obzor* [The main stages of the formation and development of the national statehood of the North Caucasus peoples. 1917–1936 Historiographical review]. *Iz istorii sotsialisticheskogo i kommunisticheskogo*

- ogo stroitel'stva v SSSR* [From the history of Socialist and Communist Building in the USSR]. Collection of papers. Issue II. Moscow: [s.n.], 1978. P. 127–150.
7. Bugay N.F. *Revkomy v natsional'nykh okrugakh Severnogo Kavkaza. 1919–1920 gg.* [Revkoms in the national districts of the North Caucasus. 1919–1920] Nalchik: Elbrus, 1977. 156 p.
 8. *Vaynakhi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrenney politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.)* [Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR (early XIX – middle of the twentieth century)]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 1094 p.
 9. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. F. R-446. Op. 2. D. 29. L. 3–5ob.
 10. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archive of the Stavropol Territory]. F. 68. Op. 2. D. 8340. L. 1.
 11. *Gosudarstvo natsiy. Imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina* [State of Nations. Empire and National Buildings in the era of Lenin and Stalin]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 376 p.
 12. Daudov A.K., Meskhidze D.I. *Natsional'naya gosudarstvennost' gorskiykh narodov Severnogo Kavkaza. 1917–1924 g.* [The national statehood of the mountain peoples of the North Caucasus. 1917–1924]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishers, 2009. 222 p.
 13. Dzidzoev V.D. *Ot Soyuzha ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana do Gorskoy ASSR (1917–1924 gg.): (nachal'nyy etap natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva narodov Severnogo Kavkaza v XX veke)* [From the Union of United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan to the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic (1917–1924): (the initial stage of the nation-building of the North Caucasus peoples in the twentieth century)]. Vladikavkaz: North-Ossetian State University, 2003. 210 p.
 14. Zhansitov O.A. *Antibol'shevistskoe dvizhenie i denikinskiy rezhim v Kabarde i Balkarii (1917–1920 gg.)* [The Anti-Bolshevik movement and the Denikin regime in Kabarda and Balkaria (1917–1920)]. Nalchik: Institute of Humanitarian Researches of Government of KBR and KBSC RAS, 2009. 149 p.

15. Kazharov A.G. *Kabarda i Balkariya v protsesse administrativno-territorial'nogo pereustroystva Severnogo Kavkaza: 1918 – pervaya polovina 1920-kh gg.* [Kabarda and Balkaria in the process of administrative-territorial reorganization of the North Caucasus: 1918 – the first half of the 1920s]. PhD Thesis in History. Nalchik, 2001. 210 p.
16. Kamaldinov E.S. *Sovetskaya natsional'naya gosudarstvennost' na territorii Severnogo Kavkaza v 1917–1924 gody v otechestvennoy istoriko-yuridicheskoy nauke* [Soviet national statehood on the territory of the North Caucasus in 1917–1924 in the Russian historical-legal science]. Pyatigorsk – Mineralnye Vody: PSLU – MVF MOSA, 2011. 165 p.
17. Karpov Y.Y. *Natsional'naya politika sovetского gosudarstva na severo-kavkazskoy periferii v 20–30-e gg. XX v.: evolyutsiya problem i resheniy* [The national policy of the Soviet state on the North Caucasus periphery in the 20–30s XX century: the evolution of problems and solutions]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017. 400 p.
18. Koniev Y.I. *Avtonomiya narodov Severnogo Kavkaza: O zarozhdenii, stanovlenii i razviti form sovetской natsional'noy gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze* [The Autonomy of the North Caucasus peoples: On the origin, formation and development of the forms of the Soviet national statehood in the North Caucasus]. Ordzhonikidze: Ir, 1973. 255 p.
19. Lobanov V.B. *Terek i Dagestan v ogne Grazhdanskoy voyny. Religioznoe, voenno-politicheskoe i ideologicheskoe protivostoyanie v 1917–1920-kh gg.* [Terek and Dagestan in the fire of the Civil War. Religious, military-political and ideological opposition in the 1917–1920s]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2017. 483 p.
20. Matveev V.A. *Rossiyskaya universalistskaya transformatsiya i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russian universalist transformation and separatism in the North Caucasus (second half of the XIX century – 1917)]. 2nd ed. Rostov-on-Don: LLC “Omega Publisher”, 2012. 560 p.
21. Muzaev T. *Soyuz gortsev. Russkaya revolyutsiya i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 g.* [Union of the Highlanders. The Russian Revolution and the Peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]. Moscow: Patrya, 2007. 518 p.

22. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossiyskoy Federatsii: Severnyy Kavkaz (1917–1941 gg.)* [National-state Buildings in the Russian Federation: North Caucasus (1917–1941)]. Maykop: Meoty, 1995. 285 p.
23. *Natsional'nye okrainy Rossiyskoy imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya* [National outskirts of the Russian Empire: the formation and development of the management system]. Moscow: Slavyanskiy dialog, 1998. 416 p.
24. Oreshin S.A. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Severnom Kavkaze, 1917–1921 gg.* [National State Building in the North Caucasus, 1917–1921]. PhD Thesis in History. Moscow, 2015. 279 p.
25. Ostapenko P.I. *Kazach'i gosudarstvennye obrazovaniya na yuge Rossii (fevral' 1917 – nachalo 1920 g.) (Istoriko-pravovoy analiz)* [Cossack state formations in the South of Russia (February 1917 – beginning of 1920) (Historical and legal analysis)]. Dr Thesis in Law. Krasnodar, 2004. 443 p.
26. Puchenkov A.S. *Natsional'naya politika generala Denikina* [The national policy of General Denikin]. St. Petersburg: Poltorak, 2012. 338 p.
27. Ratushnyak O.V. *Politicheskie iskanija donskogo i kubanskogo kazachestva v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii (1918–1920 gg.)* [Political searches of the Don and Kuban Cossacks during the Civil War in Russia (1918–1920)]. *Belaya gvardiya* [White Guard]. Almanac № 8. *Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii* [Cossacks of Russia in the White movement]. Moscow: Posev, 2005. P. 17–23.
28. Sukhanova N.I. *Institutsional'naya politika sovetской vlasti i belogo dvizheniya na Severnom Kavkaze v gody Grazhdanskoj vojny (1917–1920 gg.)* [The institutional policy of the Soviet government and the White movement in the North Caucasus during the years of the Civil War (1917–1920)]. Stavropol: Stavropol State University Publishers, 2004. 202 p.
29. Khlynina T.P. *Stanovlenie sovetской natsional'noy gosudarstvennosti u narodov Severnogo Kavkaza. 1917–1937 gg.: problemy istoriografii* [The formation of the Soviet national statehood among the peoples of the North Caucasus. 1917–1937: problems of historiography]. Moscow: MSTU Publishers, 2003. 268 p.

30. Tsutsiev A. *Atlas etnopoliticheskoy istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow: Evropa, 2006. 128 p.
31. Chistyakov O.I. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v RSFSR v gody grazhdanskoj vojny (1918–1920)* [National State Building in the RSFSR during the Civil War (1918–1920)]. Moscow: Moscow University Publishers, 1964. 92 p.
32. Shnayder V.G. *Sovetskoe natsiistroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950 kh gg.): zakonomernosti i protivorechiya* [Soviet Nation-Building in the North Caucasus (1917 – the end of the 1950s): laws and contradictions]. Armavir: ASPU, 2007. 416 p.
33. Ebzeeva S.E. *Stanovlenie sovetskoy natsional'noy gosudarstvennosti narodov Severnogo Kavkaza* [The formation of the Soviet national statehood of the North Caucasus peoples]. Moscow: Yuridicheskaya lit-ra, 1976. 135 p.
34. Pipes R. *The formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard university press, 1954. 355 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кринко Евгений Федорович, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук
Калмыцкий научный центр РАН
ул. им. И.К. Илишкина, 8, г. Элиста, Республика Калмыкия,
358000, Российская Федерация
krinkoeff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Krinko Evgeny Fedorovich, Leading Researcher, Doctor (History)
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
8, I.K. Ilishkin's str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russian Federation
krinkoeff@gmail.com
SPIN-code: 3491-6663
ORCID: 0000-0003-3008-5626
ResearcherID: R-2891-2016
Scopus Author ID: 56206451900

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-184-202

УДК 641.5

**ОБРЯДЫ, ПРАЗДНИКИ И ИГРЫ ЗИМНЕГО ЦИКЛА
ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)****Рамазанова З.Б.**

Статья написана на полевом этнографическом материале, собранном автором по исследуемой проблеме. Обряды, праздники и игры зимнего цикла горцев Дагестана как компонент духовной культуры представляют большой интерес на современном этапе, так как отчасти входят в состав современного календаря, достаточно полно отражают экологические представления этносов и характеризуют разные области этнической культуры – приготовление и раздачу ритуальной пищи, ряжение, игры, песни, пляски и т.д. Целью данной статьи является выявление и рассмотрение (исследование) обрядов и праздников горцев Дагестана зимнего цикла, в связи с наметившимся в последнее время повышенным интересом к национальным истокам современной культуры, в частности, к духовной культуре. При написании статьи были использованы общенаучные методы (анализ, синтез), позволяющие рассматривать роль и место обрядов и праздников зимнего цикла горцев Дагестана в этнокультуре, показать общее и особенное в связи с различными условиями (социально-экономическими, этнографическими, экологическими), развитие отдельных регионов нагорного Дагестана. Вместе с общенаучными в статье использованы частные методы исследования: выявление конкретного, описательный метод и др. В статье мы пришли к следующим результатам. Рассматриваемые обряды и праздники зимнего цикла делятся на несколько групп. Первая группа связана с началом зимы и календарного года; вторая включает праздники середины зимы, которые содержали в себе идею пробуждения природы от зимнего сна и подготовки ее к весне. Значительное место в жизни народа занимали – зимние

игры и развлечения. В заключении нашего исследования показано, что зима была временем отдыха после напряженного года. Помимо праздников чисто календарного характера (начало, середины зимы), в этнической культуре горцев Дагестана имелись различные формы традиционного досуга, создававшие праздничную ситуацию.

Ключевые слова: *Дагестан; обряд; праздник; символика; адаптация; этническая экология; жизнеобеспечение.*

rites, holidays and games of the winter cycle of the mountaineers of daghestan at the end of the XIX-beginning of the XX century (ethno-ecological aspect)

Ramazanova Z.B.

The paper is written on the field ethnographic material, which the author has collected on this topic. Rites, holidays and games of the winter cycle of the mountaineers of Daghestan, as a component of spiritual culture, are of great interest at the present stage. These ceremonies and holidays are part of the calendar and seasonal folk entertainment, which includes the onset of winter; the holidays were accompanied by the preparation and distribution of ritual food, dressing, games, songs, dances, etc. The purpose of this article is to identify and examine (study) the rites and festivals of the mountaineers of the Daghestan winter cycle, in connection with the recently emerging heightened interest in the national origins of modern culture, in particular, in spiritual culture. When writing the article, such scientific methods as analysis and synthesis were used. They allow us to consider the role and place of the rites and holidays of the winter cycle of the mountaineers of Daghestan in ethnoculture. Methods show to us the general and particular development of individual regions of upland Dagestan, which may differ due to different conditions (socio-economic, ethnographic, ecological). Together with general scientific methods, the article used particular research methods, such as identifying a specific, descriptive method, etc.

In the article we came to the following results: the rites and holidays of the winter cycle in question are divided into several groups. Group 1 – holidays associated with the beginning of the winter and calendar year; Group 2 – the mid-winter holidays, which contained the idea of awakening nature from winter sleep and preparing it for spring; Group 3 – rituals and entertainment of winter leisure. In conclusion, our study showed that winter was a time of rest after a busy year. In addition to purely calendar holidays (beginning, mid-winter), it was rich in various forms of traditional leisure that created a festive situation.

Keywords: *Daghestan; ceremony; holiday; symbolic; adaptation; ethnic ecology; life support.*

В этнической экологии существует проблема психологической адаптации человека и человеческого общества, которая выделяется в качестве отдельной важной темы. К окружающей природной среде люди адаптируются не только в физическом, но и в психологическом отношении. Несомненно, что если группа людей живет в одних и тех же условиях не одно столетие, то такая психологическая адаптация не проходит бесследно; известно о существовании некоторых связей между психологическим складом, темпераментом и природными условиями, хотя причинно-следственные закономерности здесь не всегда четко прослеживаются. В целом механизмы психологической адаптации более гибки и действенны, чем физические, и такая адаптация идет быстрее, но и она требует времени. Люди привыкают к определенному ландшафту, считают его родным. Если часть этноса переселяется в иное географическое пространство, как это произошло, в частности, с лакцами Новолакского района (переселенных с гор на плоскость), она все равно остается частью данного этноса, даже не имея под собой родной, в полном смысле этого слова, почвы. Таким образом, нельзя поставить знак равенства между адаптацией к среде индивида и адаптацией общества.

Значительное место в процессах адаптации к условиям жизни в окружающей среде и для сохранения здоровья горцев Дагестана занимали обряды и праздники. Обряды всегда существовали как

элемент системы традиционной этнокультуры. Говоря о функционировании обряда, нужно отметить его связь с необрядовыми действиями, так что обряд представляется элементом более широких систем, комплекса человеческих действий.

Экологический аспект обрядовой сферы жизнедеятельности населения Нагорного Дагестана был известен народу с давних пор. Люди замечали целебные свойства солнца, воздуха, воды при организации различной деятельности, в частности, народных игр на природе. На природе достигается высокая степень гармонии личности, когда человек как бы сливается с природой. Богатство природы незримо входит в природу тела. Народные игры развивали у детей выносливость, сопротивляемость к простудным и другим заболеваниям. Сельские дети имели бодрый и здоровый вид, отличались хорошей работоспособностью. С другой стороны, игры учили детей адаптироваться к климатическим условиям, воспитывали уважительное отношение и любовь к окружающему миру.

Обряд нужно рассматривать как информационную систему [1, с. 4]. На первый план выдвигается его символическая, знаковая, сигнальная роль [2, с. 11; 3, с. 69; 4, с. 5; 5, с. 11; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Информация вызывает какие-либо последствия и вообще существует только в том случае, если воспринимается и вызывает реакцию. Реакция и есть ее результат. Поэтому, говоря о функциях обряда, необходимо сосредоточить внимание на вызываемой им поведенческой реакции. Сюда входят как действия, к которым побуждает обряд, так и его восприятие [12, с. 85]. Но обряд по-разному воспринимался «знающим» (в магическом смысле) исполнителем и непосвященными, но, так или иначе, в нем заинтересованными носителями традиции [13, с. 134; 14, с. 47, 55].

Обряд мог включать один символ или множество, это зависело от ситуации: обряд всегда предшествовал определенному отрезку практической деятельности и, больше того, мысленно связывался именно с этим конкретным отрезком, поскольку направлен на его успех.

Хотя зима была относительно спокойным и более или менее свободным для горца временем, считалось, что зимняя стужа несла с

собой опасности, связанные с холодом, простудой. Считалось, что зима – время разгула болезней и нечистой силы, с чем была связана серия магических действий, носящих иррациональный характер [15, с. 98].

В первый зимний день в некоторых аварских и лакских селениях в каждой семье готовили тонкие пресные лепешки и раздавали их. А лакцы еще готовили кашу из злаков (панспермию) «хьхьахьхьари» и разносили ее по домам. У жителей сел. Гигатли в этот день дибир читал над водой соответствующие молитвы и с этой «освященной» водой отправлял мужчин, чтобы они обрызгивали ею все выходы из селения для магического ограждения от неприятностей, которые несла с собой зима. А жители сел. Нижний Гаквари готовили в этот день на костре общесельский «гъод» – злаково-бобовую кашу. Продукты для данной каши собирали со всего селения (по 1 саху – 2,5 кг) зерна, гороха, фасоли, все это варили в большом котле с добавлением овечьего жира. Топливо для костра тоже собирали у жителей селения. Готовое блюдо женщины раздавали в каждом доме из расчета: 1 черпак на 1 человека. Оставшийся бульон разливали на четырех крышах домов четырех сельских окраин, чтобы оградить село от болезней, а в будущем обеспечить урожайный год. Чамалинцы приписывали своему ритуальному «гъоду» не только магическую силу оберега, но и исцеляющую силу [15, с. 99]. Обычай разжигать костры в день зимнего солнцестояния характерен и для других народов Евразии [16, 17].

Вообще-то общая идея жертвоприношений и дарений – это желание с помощью производственной магии добиться плодородия земли и плодovitости скота. Дары и жертвы, вносимые в дом, должны были способствовать процветанию хозяйства общины или семьи, обеспечить будущий урожай. Магический характер жертв и даров в виде невареных и варенных зерен и бобовых, фруктов и ягод, муки выражен ясно при взаимном обсыпании ими лиц, участвовавших в календарных праздниках, при обсыпании домов, очагов, скота [18, с. 182]. Тот же магический характер носит наделение участников обряда панспермией (каша из цельных злаков).

Отмечая наступление зимы, А.Г. Булатова пишет, что «В первую ночь зимы во многих лакских селениях обильно накрывали семейные столы, старались уставить их лучшими блюдами горской кухни: пловом, пельменями с яичной начинкой, сладостями, такими, как финики, изюм и т.п. Обязательно ставили на стол посуду с бузой. Дома обходили уважаемые старики селения. Визит этих людей считался очень желательным, они заходили в каждый дом, пропуск какого-нибудь из них вызывал обиды его хозяев, поэтому, чтобы удовлетворить всех сельчан, обход совершался группами поквартально. Посетив каждую семью, визитеры произносили благопожелания всем членам семьи, упоминая имя каждого, в них содержались заклинания о здоровье, удаче, исполнении желаний в наступающем году. Пришедшие осыпали каждого мукой, которой были полны их карманы. Осыпание мукой, зерном, золой... в обрядах народов Дагестана было связано с пожеланием плодородия. После всех этих действий их усаживали за стол и угощали. Этот лакский обряд напоминал обычай посещения дома первым «счастливым» визитером в первый день нового года, существовавший у некоторых народов Кавказа, а также за его пределами, связанный с «магией первого дня». Правда, здесь обход совершался вечером, а не утром нового года, вероятно потому, что у горцев Дагестана новые сутки начинались после захода солнца» [15, с. 101]. Подобное обильное угощение в день зимнего солнцестояния по сей день сохраняется у народов юго-восточной Азии [19].

Наступление зимы сопровождается ряжением, играми, песнями, плясками и т.п. В этот вечер ряженные начинали ходить с длинными палками, их сопровождала целая толпа ребятишек, просивших для них продукты и топливо для костра, который они потом разжигали на сельской площади. Хозяева благодарили их чем-нибудь из съестного. В этот же вечер ходили по домам группы ряженных в вывернутых наизнанку шубах, в масках из овчины, иногда надевалась рогатая маска из войлока, изображавшая козла [15, с. 101].

Особо отмечали зимний праздник у ахвахцев (жители нынешнего Ахвахского района Республики Дагестан) Западного Дагестана.

Например, у некоторых сельских обществ, в частности у ахвахцев, новый год и соответствующие ему ритуалы падали на дни зимнего солнцестояния – 22–23 декабря. Народный праздник «*Ууиру чIЧелабралъя*» (время прихода зимы), знаменовавший собой наступление нового года, проводился раньше по всему Ахваху. Однако под влиянием ислама многие элементы праздника были забыты, разумеется, память народа сохранила лишь отдельные вехи, действия, эпизоды, которые можно с трудом уложить в единую композицию. Следует отметить, что в основе этого праздника, прежде всего, лежала трудовая деятельность людей.

На начало нового года в доме всего должно быть вдоволь, и все заготовленное олицетворяло собой достаток в течение всего года. На этом празднике ритуальным блюдом являлось пшеничная каша. В первый день праздника готовили пироги (чуду) с сыром, мясом, с субпродуктами и др., они должны были быть по одному на каждого члена семьи. Во время приготовления каши и пирогов присутствие посторонних не допускалось, угощать кого бы ни было этими пирогами не было принято. Данного момента придерживаются и другие народы [20, с. 60–61], т.е. новогодним пирогом, испеченным только для членов семьи, было нельзя делиться.

В дни праздника в селениях и хуторах жгли костры. Молодые люди – парни и девушки – прыгали через них, а детей и пожилых людей старались перенести через них: придерживались мнения о действенности огня новогодних костров как средства очищения от болезней. Для общественного угощения на общие средства покупали 2–3 баранов, специально откормленных. Отборным животным на шею подвязывалась выструганная палочка, чтобы их можно было отличить. Обращаться с ними грубо категорически запрещалось. При убое этой скотины соблюдалось непреложное правило: резали в одном месте, шкуру снимали в другом месте, разделявали тушу на новом месте. Это же правило соблюдалось народами Северного Кавказа и Закавказья при убое жертвенных животных [21].

Данный праздник – Новый год – праздновался ахвахцами в советское время до 40-х и даже до 50-х годов XX в. Например, в

сел. Ратлуб жгли костры и прыгали через них. На кострах варили пшеницу и раздавали ее, присыпав измельченной брынзой, резали баранов. Позже, кое-где в селениях Северного Ахваха, молодежь и детвора в эти дни жли костры, прыгали через них; но все эти моменты носили увеселительный, развлекательный характер. Таким образом, в зимнем празднике Нового года ахвахцев наблюдались элементы домонотеистических представлений. В основе ритуальных действий лежали различные приемы, призванные обеспечить крестьянам хороший урожай и обилие скота.

Следующим зимним праздником, отмечаемый цезами (дидойцами) (жители нынешнего Цунтинского района Республики Дагестан) являлся общинный праздник – *Игби*. Данный праздник достаточно подробно описан Ю.Ю. Карповым [22, с. 114–119]. И поскольку он сообщает нам некоторые подробности, которые ныне трудно выявить, мы приводим здесь значительный отрывок из его статьи. «... Днем игби у шайтлинцев считается 5 февраля – середина зимы. В празднике принимают участие юноши и молодые мужчины, как правило, в возрасте 14–25 лет... Персонажи праздника являются волки («*боци*» – ед. ч.), лесные люди («*цикесжеклу*» – ед. ч.), шайтаны, скелет, врач, спекулянты, туристы, милиционер, военный и «*квидили*» (*хъвидили*) – центральная фигура праздника. И вот наступает утро праздника. 5 февраля солнце впервые должно осветить расположенную напротив Шайтли местность Хора. Шайтлинцы говорят, что когда это происходит, значит, половина зимы прожито и в природе происходит поворот к весне – скоро наступит весна. В этот день дети поднимаются раньше обычного. К 7 часам утра на улицах уже много детворы, которая с сумочками собираясь группами начинает обходить селение и собирать специально приготовленные для них в каждом доме маленькие *иги*. Скоро их сумочки наполняются *игами* и они уносят их в свои дома. «*Боци*» в сопровождении группы мальчиков и двух мужчин, несущих «*гири*» (пятиметровый шест), на который будут нанизывать *иги*. Отказаться от этого поручения никто не может, потому что уклоняющихся ждет наказание от «*боци*» – удар деревянным мечом или может окунуть в прорубь.

Шайтлинский *игби*, безусловно, принадлежит к весеннему циклу календарной обрядности. Хозяйственная направленность *игби* достаточно очевидна. *Игби* выпекаются цезами и в другие праздники, в частности в День первой борозды, но именно в *игби* отводится роль организующего начала. Приурочивание изготовления *игов* ко дню середины зимы, а фактически встречи весны подчеркивает их значение как соляных признаков...

Действительно, в празднике *игби* многое сближает его с празднованием масленицы у грузин («*берикаоба-кееноба*») [23, с. 26]. Прежде всего это образ главного персонажа: грузинского Берика и шайтлинского «*квидили*», его «умерщвление» и «оживление» водой.

Таким образом, праздники и обряды зимнего цикла сельскохозяйственного календаря можно разделить на две группы:

1. На обряды, связанные с началом зимы;
2. Праздники и обряды середины зимы, которые содержали в себе идею пробуждения природы и подготовки ее к весне.

В далеком прошлом в этом празднике принимали участие и взрослые. Очевидно, что шумовые обряды были направлены на отпугивание всякой нечисти, бродившей, по представлениям народа, по земле перед возрождением нового солнца.

Зимними вечерами по соседскому или родственному принципу собирались на посиделки по отдельности пожилые мужчины и женщины, здесь мужчины обменивались новостями, вспоминали прошлое. Здесь же для коллективной трапезы варили злаковую (лакцы, аварцы) или мучную (даргинцы) кашу.

Таким же образом проводили перерыв для отдыха и приглашенные на помочи в какой-нибудь дом. В зимнее время помочи устраивались для очистки и чесания шерсти, изготовления пряжи, тканья сукон (аварцы, лакцы, даргинцы), валения бурок (андийцы). Работали в основном девушки, а мужчины их развлекали шутками, угощали орехами, сухофруктами и т.д. [24, с. 108].

Во время посиделок были очень распространены театрализованные народные игры. Одну из них описывал в середине XIX в. П. Пржецлавский: «Тароватые кавалеру угощают дам купленными

на свой счет орехами, конфетами, изюмом. Разговор бывает в следующем роде:

Кавалер. Ай девушка!

Дама. Ай что?

Кавалер. Любишь ли меня?

Дама. Люблю.

Кавалер. Хочешь ли, я на тебе женюсь?

Дама. Разумеется, хочу.

Кавалер. Прекрасно! Иди же сюда!

Затем он занимает место около избранной им дамы. При окончании «былхки» кавалер в заключение шутки приглашает свою названную жену в спальню и при отказе обыкновенно продолжает так:

Кавалер. Эй девушка!

Дама. Что?

Кавалер. Ты недобрая супруга!

Дама. Что же делать?

Кавалер. Я развожусь с тобой.

Дама. Почему? и т.п.» [24, с. 270–271].

Возможно, что подобные игры проводились для того, чтобы преодолеть естественную скованность молодых людей, вступивших в брачный возраст.

Обязательным компонентом зимних посиделок было пение особых песен, которые исполнялись только мужчинами. В некоторых аварских селениях (Карата, Гергебиль, Ругуджа и др.) устраивали праздники песен, куда съезжались известные певцы во всей Аварии.

В связи с поверьями о приходе мифических гостей существовал обычай принимать в первые дни нового года любого пришедшего в дом, как особу священную, и одаривать его праздничной пищей, предназначенной для духов. По первому посетителю гадали об удаче или неудаче в жизни и хозяйстве. Как священные гости и посланники с неба воспринимались и участники колядных обходов. Колядующие ходили по домам в вечернее время и ночью специально для того, чтобы получить от хозяев обрядовую пищу и высказать им соответствующие пожелания в форме колядных песен и приго-

воров. Известные у всех представления о том, что благосостояние семьи в текущем году находится в прямой зависимости от одаривания колядующих, определяли характер взаимоотношений между ними и хозяевами посещаемых домов.

Незримое присутствие духов среди живых людей обеспечивало, по народным воззрениям, возможность заглянуть в будущее, чем и объясняются многочисленные гадания. Наиболее массовыми и многообразными можно считать гадания о браке, совершавшиеся преимущественно девушками. При этом стремились узнать имя будущего супруга, его внешний вид, возраст, характер, профессию, материальное положение, кто в семье будет иметь первенство, сколько будет детей. В основе многообразных способов гадания лежали универсальные верования в то, что при соблюдении определенных условий (выбор времени и места, использование особых гадательных предметов и т.п.) с помощью духов можно получить «знаки» своей судьбы. Такими «знаками» могли быть: сновиденья, случайно доносящиеся звуки, произнесенные кем-то слова, отражение на гладкой поверхности, очертания тени, формы растопленного воска, олова, вылитого в воду белка, поведение животных или насекомых и т.п. Очень распространенным было гадание на вещах.

Однако гадания имеют двойное значение: после подобных процедур психология человека может настроиться на ожидание приятных событий или, наоборот, гадание может дать нежелательный эффект для здоровья гадающего. Все же обряды и действия первых дней зимы проводились с установкой на увеличение плодородия, семейного здоровья и счастья.

Под Новый год для горского населения Дагестана были характерны различные очистительные обряды. К ним относятся: ритуальное подметание в доме и выбрасывание мусора в пустынные места подальше от дома, окуривание или окропление водой хозяйственных построек или целых кварталов.

Различные природные, исторические и экономические условия определили многие особенности хозяйства и бытового уклада, что оказало влияние на народные игры. В культурно-историческом раз-

витии народов игра являлась важным фактором воспитания в процессе первоначальной подготовки людей к жизни. В основе этой подготовки, прежде всего, лежали особенности взаимоотношения с окружающей средой.

Для большинства игр народов Нагорного Дагестана характерна простота, общедоступность, широкая распространенность среди других народов. Это сочетается с ярко выраженным национальным своеобразием характера игр и тех форм, в которых эти игры бытуют среди самих народов Нагорного Дагестана. Игры горцев Дагестана, как составная часть их культуры, явились своеобразной формой отражения этого труда с помощью специального изобразительного языка. Сюда входили пантомима, воспроизводящая производственную деятельность, ритмические песни, сопровождающие хозяйственные работы, драматический диалог, борьба за достижение желаемого. Такие игры были широко распространены как среди детей, так и среди молодежи. Детская игра отличалась от молодежной своей непосредственностью и простотой. Ребенок в игровой форме изображал труд взрослых, связанный, прежде всего, с природными объектами: посев сельскохозяйственных культур, выпас скота и т.д.

Большое место в играх занимали образы животных: птиц и зверей. Подобные детские игры, как правило, сопровождались драматизированным или вокальным диалогом, с помощью которого раскрывалось основное содержание производимых действий: сев, уборка урожая.

Более подробно и обстоятельно сельскохозяйственные работы и действия по изготовлению предметов ручного труда воспроизводились в молодежных играх. Так, во время зимнего праздника «Кьедаба» (середина чего-либо), приуроченного к середине зимы, существовали праздничные сборы при участии помимо взрослых – и детей (у тиндинцев, хваршин). На «кьедаба» часто имитировалась свадьба, и данное шествие с музыкой и песнями обходило селение.

Своеобразную форму принимают у молодежи и игры, в которых изображается изготовление предметов ручного труда или возделывание земли. У детей же игры с таким сюжетом отражались в хороводах с вокально-драматизированными эпизодами. Подобные

игры с малых лет прививали детям чувство уважения к труду земледельца. Игры способствовали не только физическому развитию, но и духовному совершенствованию играющих людей. Значительная часть дагестанских игр и «потех» была тесно связана с языческими календарными и семейно-бытовыми обрядами и праздниками (в честь середины зимы).

Тесная этнокультурная связь народов Нагорного Дагестана и другими народами, естественно, влияла на общность содержания игр. Порой очень нелегко точно определить их подлинную «национальность». Такие игры бытуют как в разных селах республики. Они имеют много общего с теми играми, которые имеют давнюю историю, однако в них заметнее отражено влияние современных видов спорта.

Народные игры, несмотря на огромное разнообразие, связанное с этническими и другими особенностями, так или иначе, отражают такие общие характерные черты, присущие этой форме деятельности, как взаимоотношение играющих с окружающей средой и познание реальной действительности.

Целенаправленность и целесообразность поведения при достижении намеченной цели, связано с внезапно возникающими и постоянно изменяющимися условиями окружающей среды, потребностью широкого выбора действий, требуют проявления творческих способностей, активности, инициативы. Такая широта использования возможностей, выражающаяся в самостоятельности и относительной свободе действий, сочетающихся с выполнением добровольно принятых или установленных условностей при подчинении личных интересов общим, связана с ярким проявлением эмоций. Все это характеризует игру как многоплановое, комплексное по воздействию, народное средство воспитания. Комплексность выражается в формировании двигательных навыков, развитии и совершенствовании жизненно важных физических, умственных и морально-волевых качеств.

Праздничные игры и веселья являются непременным атрибутом обрядовой деятельности народов Нагорного Дагестана. Игра

является биологической потребностью организма, физической тренировкой и средством психологической подготовки к новым жизненным ситуациям. Поэтому особое место в начале и середине зимы занимали игры ряженых. Наиболее распространенными при этом были маски зверей, особенно – волчи. Большей частью наряжались парни и мужчины. Мужчины надевали на себя вывороченные шубы, маски, иногда просто мазали лицо сажей, пугали людей, заходили в дома и просили угощение у хозяев. Очевидно, маскируясь, люди расслаблялись, освобождались от обычных норм поведения, т.е. давали психологическую разгрузку организму. Этому же способствовали и различные игры, которые, как правило, были подвижные, носили театрализованный характер. Использование игр в праздниках было очень важно для здоровья, так как они являются биологической потребностью организма, а также игра является не только физической тренировкой, но средством психологической подготовки к будущим жизненным ситуациям. В перерывах между играми исполнялись песни любовного содержания.

Таким образом, происхождение обрядов и праздников уходит своими корнями в древнюю историю. Праздники были временем отклонения от обычного порядка и повседневной жизни, и сопровождались разными обычаями, укоренившимися в домашней жизни. Многие праздники остались почти не затронутыми влиянием ислама и справлялись как языческие. Ритуал каждого праздника прочно держался в народном быту. Праздники были общественные, в том числе религиозные, т.е. устраивались всем селом, когда имелись в виду интересы всего общества, семейные, когда имелись в виду интересы отдельной семьи. В прошлом однообразная, нелегкая работа крестьян прерывалась только днями отдыха и праздниками. Разумное сочетание труда и отдыха способствовало хорошему настроению, шло на пользу и здоровью людей.

Возникновение и существование обрядов связано, прежде всего, с хозяйственной деятельностью народа, периодичностью и повторяемостью основных видов занятий. Они составляли целостный

календарный цикл. В праздниках народов Нагорного Дагестана прослеживается их связь с хозяйственной деятельностью и, прежде всего, с земледелием. Цикл обрядов и праздников начинался зимой, в то время, когда дни становились заметно длиннее, когда солнце поворачивало на лето. Праздники начинаясь в декабре, а заканчиваясь осенью, с завершением уборки урожая, у народов Нагорного Дагестана составляли целостный календарный цикл. Большинство из них проводились не только дома, но и на открытом зимнем воздухе, с элементами подвижных игр и гуляний. Все это служило своеобразными средствами закаливания организма, как детей, так и взрослых, способствовало тем самым крепкому здоровью народа в целом. Их цель – обеспечить здоровье людям, лад в семье, богатство и в целом – благополучие.

Список литературы

1. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М., 1979.
2. Бромлей Ю.В. Новая обрядность – важный компонент советского образа жизни // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981.
3. Сумцов Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885.
4. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837. Вып. 1.
5. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
6. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Зимние праздники. М., 1973.
7. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1973.
8. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Летне-осенние праздники. М., 1979.
9. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.
10. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Новый год. М., 1985.

11. Гаджиева С.Ш. Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. Махачкала, 1979.
12. Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга. Л., 1977.
13. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
14. Суханов В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976.
15. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX–XX века. Л., 1988.
16. Price M. Iran's Diverse Peoples: A Reference Sourcebook (Ethnic Diversity Within Nations). Santa Barbara, Calif. ; Denver, Colo. : ABC-CLIO, 2005. P.369.
17. Heinberg R/ Celebrate the Solstice: Honoring the Earth's Seasonal Rhythms through Festival and Ceremony. Quest Books, 2014. P. 199.
18. Рикман Э.А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие событий. М., 1983.
19. Lim L. Winter solstice in CHINA is a TIME for FAMILY, harmony and lavish meals // Post Magazine 22.12.2017 / URL:<https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/article/2125269/winter-solstice-china-time-family-harmony-and-lavish-meals> (дата обращения 22.04.2018).
20. Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.
21. Лугуев С.А. Традиционные производственно-бытовые обряды в быту ахвахцев // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984.
22. Карпов Ю.Ю. Общинный зимний праздник у цезов // Советская этнография. 1983. № 3.
23. Рухадзе Дж. Грузинский народный праздник. Тбилиси, 1966.
24. Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. №4.

References

1. Sokolova V.K. *Vesenne-letnie kalendarnye obryady russkih, ukra-incev i belorusov. XIX – nachalo XX v.* [Spring-summer calendar rites of Rus-

- sians, Ukrainians and Belarusians. XIX – early XX century] Moscow, 1979.
2. Bromlej YU.V. The new ritual is an important component of the Soviet way of life. *Tradicionnyye i novye obryady v bytu narodov SSSR* [Traditional and New Rituals in the Life of the Peoples of the USSR]. Moscow, 1981.
 3. Sumcov N.F. *Hleb v obryadah i pesnyah* [Bread in rites and songs]. Kharkov, 1885.
 4. Snegirev I.M. *Russkie prostonarodnye prazdniki i suevernye obryady* [Russian folk holidays and superstitious ceremonies]. Moscow, 1837. Issue. 1.
 5. Propp V.YA. *Russkie agrarnye prazdniki* [Russian agrarian holidays]. Leningrad, 1963.
 6. *Kalendarnye obychai i obryady v stranah Zarubezhnoj Evropy: Zimnie prazdniki* [Calendar customs and ceremonies in the countries of Europe: Winter Holidays]. Moscow, 1973.
 7. *Kalendarnye obychai i obryady v stranah Zarubezhnoj Evropy: Ve-sennie prazdniki* [Calendar customs and ceremonies in the countries of Europe: Spring holidays]. Moscow, 1973.
 8. *Kalendarnye obychai i obryady v stranah Zarubezhnoj Evropy: Letne-osennie prazdniki* [Calendar customs and ceremonies in the countries of Europe: Summer and autumn holidays]. Moscow, 1979.
 9. *Kalendarnye obychai i obryady v stranah Zarubezhnoj Evropy: Is-toricheskie korni i razvitie obychaev* [Calendar customs and ceremonies in the countries of Europe Abroad: Historical roots and development of customs]. Moscow, 1983.
 10. *Kalendarnye obychai i obryady narodov Vostochnoj Azii: Novyj god* [Calendar customs and ceremonies of the peoples of East Asia: New Year]. Moscow, 1985.
 11. Gadzhieva S.Sh. *Formirovanie i razvitie novej obryadnosti v Dagestane* [Formation and development of new rituals in Daghestan]. Makhachkala, 1979.
 12. Sokolov EH.V. *Svobodnoe vremya i kul'tura dosuga* [Free time and culture of leisure]. Leningrad, 1977.

13. Bromlej Yu.V. *Ocherki teorii ehtnosa* [Free time and culture of leisure]. Moscow, 1983.
14. Suhanov V. *Obychai, tradicii i preemstvennost' pokolenij* [Customs, traditions and continuity of generations]. Moscow, 1976.
15. Bulatova A.G. *Tradicionnyye prazdniki i obryady narodov gornogo Dagestana v XIX–XX veka* [Traditional holidays and ceremonies of the peoples of mountainous Dagestan in the XIX–XX century]. Leningrad, 1988.
16. Price M. *Iran's Diverse Peoples: A Reference Sourcebook (Ethnic Diversity Within Nations)*. Santa Barbara, Calif. ; Denver, Colo.: ABC-CLIO, 2005.
17. Heinberg R. *Celebrate the Solstice: Honoring the Earth's Seasonal Rhythms through Festival and Ceremony*. Quest Books, 2014
18. Chibirov L.A. *Narodnyj zemledel'cheskij kalendar' osetin* [National agricultural calendar of Osetians]. Tskhinvali, 1976.
19. Lim L. Winter solstice in CHINA is a TIME for FAMILY, harmony and lavish meals. *Post Magazine* 22.12.2017. <https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/article/2125269/winter-solstice-china-time-family-harmony-and-lavish-meals>
20. Luguev S.A. Traditional industrial-household ceremonies in the life of Akhvaktsev. *Sovremennye kul'turno-bytovye processy v Dagestane* [Modern cultural and everyday processes in Dagestan]. Makhachkala, 1984.
21. Sm.: Karpov Yu.Yu. Communal winter holiday at the Cses. *Sovetskaya ehtnografiya* [Soviet ethnography]. 1983. № 3.
22. Ruhadze Dzh. *Gruzinskij narodnyj prazdnik* [Georgian folk festival]. Tbilisi, 1966.
23. Przheclavskij P. Manners and customs in Dagestan. *Voennyj sbornik* [Military collection]. 1860. №4.
24. Rikman Eh.A. The place of gifts and sacrifices in calendar rites. *Kalendarnye obychai i obryady v stranah zarubezhnoj Evropy Istoričeskie korni i razvitie sobytij* [Calendar customs and rites in countries of foreign Europe. Historical roots and developments]. Moscow, 1983.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Рамазанова Зоя Буттаевна, д.и.н., ведущий научный сотрудник
отдела этнографии
*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
научного центра РАН*
ул. М. Ярагского, 75г, г. Махачкала, 367030, Российская Фе-
дерация
zoya.ram@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ramazanova Zoya Buttaevna, Doctor of History, Leading Researcher
of the Department of Ethnography
*The Institute of History, Archeology and Ethnography, Daghestan
Scientific Centre of RAS*
75, M. Yaragsky Str., Makhachkala, Republic of Daghestan,
367030, Russian Federation
zoya.ram@mail.ru
SPIN-code: 4829-3891
SCOPUS Author ID: 53564480600
Researcher ID: N-3851-2018
ORCID: 0000-0002-5806-5822

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-203-217

УДК 930.85+392

КУЛЬТ ПРИРОДЫ В ОБРЯДАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА НАРОДА МАРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ В МАРИЙСКУЮ АССР В 1930–50-Е ГГ.)

Лепешкина Л.Ю.

Целью статьи является анализ символических воплощений природы в обрядах жизненного цикла мари по материалам этнографических экспедиций в Марийскую АССР в 1930–50-е гг. Актуальность темы исследования обусловлена экологическим кризисом, инициированным ростом индустриализации, и усилением антагонизма между человеком и природой. Обращение к историческому опыту мари позволяет выявить положительные примеры экоориентированного отношения к природной среде через обрядовые формы.

Методология проведения работы. В основу исследования положен принцип историзма, дающий возможность проанализировать марийскую традиционную обрядность в условиях социокультурных перемен. Рассмотрение процесса взаимодействия между человеком и природой в обрядах жизненного цикла осуществляется посредством системного подхода, способствующего определению культурного потенциала марийских традиций. Также в статье применяются следующие методологические приемы: сравнительно-исторический, логический, ретроспективный, методы научного описания, обобщения, интерпретации неопубликованных источников, наблюдения и опроса при сборе автором полевых материалов.

Источниками для изучения стали отчеты и полевые дневники советских этнографов, находящиеся в российских научных архивах.

Результаты. Отчеты и полевые дневники советских этнографов, посетивших Марийскую АССР в 1930–50-е гг., рассмотрены с точки зрения отражения экологических представлений мари в обрядах жизненного цикла. Выявлено, что природа служила конструирующим элементом традиционной обрядности. Показано, что

природная среда воспринималась в мариийской культуре как мать, божество и член родовой общины. Согласно представлениям мари, одним из основных способов укрепления связи между человеком и природой было жертвоприношение. Воспоминание о природе при осуществлении обрядов жизненного цикла позволяло реализовывать следующие функции: предохранение от влияния злых сил, защита от небытия, формирование чувства солидарности.

Область применения результатов – в образовательной и научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: мари; природа; обряды жизненного цикла; свадьба; похоронно-поминальные обряды; жертвоприношение; священная роща.

THE CULT OF NATURE IN THE LIFE CYCLE RITES OF THE MARI (BY THE MATERIALS OF EXPEDITIONS TO THE MARI ASSR IN THE 1930–50S)

Lepeshkina L. Yu.

The purpose of the article is to analyze the symbolic presentations of nature in the Mari life cycle rites that is based on the materials of ethnographic expeditions to the Mari ASSR in the 1930–50s. The relevance of the research topic is caused by the environmental crisis, which has been initiated by the growth of industrialization, and increased feud between man and nature. Reference to the historical experience of the Mari allows to reveal positive examples of eco-oriented attitude to the natural environment through ritual forms.

Methodology. *The study is based on the principle of historicism, which makes it possible to analyze the Mari traditional ritualism in the context of sociocultural changes. The consideration of the process of interaction between man and nature in the life cycle rites is carried out by means of the systematic approach that contributes to the definition of the cultural potential of the Mari traditions. In addition, the following methodological procedures are used in the paper: comparative-histor-*

ical, logical, retrospective, the methods of scientific description, generalization, interpretation of unpublished sources, observation and survey in the collection of field researches by the author. The sources for the study were the reports and field diaries of Soviet ethnographers that are located in Russian scientific archives.

Results. *The reports and field diaries of Soviet ethnographers who had visited the Mari ASSR in the 1930–50s were considered from the point of view of reflecting the environmental ideas of the Mari in the life cycle rites. It is revealed that the nature served as a constructive element of traditional rituals. It is shown that the natural environment was perceived in the Mari culture as a mother, deity and a member of the tribal community. According to the Mari, one of the main ways to strengthen the connection between man and nature was sacrifice. The recollection of nature in the life cycle rites made it possible to realize the following functions: the preservation from the influence of sinister forces, the protection from non-existence, the formation of sense of solidarity.*

Practical applications – *in educational and research activities.*

Keywords: *Mari; nature; life cycle rites; wedding; funeral rites; sacrifice; sacred grove.*

Введение

Актуальность темы исследования определяется духовным потенциалом традиционной культуры, в том числе обрядов жизненного цикла. В условиях индустриализации и, как следствие, возникновения экологического кризиса важным видится обращение к опыту предыдущих поколений по взаимодействию с природной средой. Зачастую подобное взаимодействие порождало особые традиции, проникавшие в разнообразные повседневные практики и делавшими саму культуру того или иного этноса экоориентированной. В традиционных обрядах жизненного цикла связь с природой ярко выражена, поскольку последняя воспринимается как проводник в мир предков. В научной литературе данные обряды называют переходными, переломными и отождествляют с изменением социально-

го статуса человека в результате рождения, инициации, вступления в брак и смерти [3; 17; 19].

На обряды жизненного цикла народов Поволжья (русские, мордва, мари, удмурты, чувашаи, татары, башкиры и немцы) в XX столетии оказала существенное влияние национальная и культурная политика СССР, ставившая своей целью распространение антирелигиозного настроения среди населения региона. Это предполагало отказ не только от православных канонов, но и дохристианских традиций, столь востребованных в течение долгого времени в Поволжье. Результаты советизации общества проявились в различных сферах бытия. Обряды жизненного цикла населения региона в этом случае не стали исключением: они превратились в события светского характера, где проявление традиционности интерпретировалось в качестве пережитка. Тем не менее, часть традиций окончательно ликвидировать не удалось, как демонстрируют примеры из марийской обрядности. В обрядах жизненного цикла мари, особенно в свадебных и похоронно-поминальных, сохранился ряд элементов, показывающих неразрывность отношений между человеком и природой. В традиционном сознании природа соотносилась с матерью, покровительницей рода [7], превращаясь в источник всевозможных поверий, мифов и ритуалов.

Объектом исследования выступают обряды жизненного цикла народа мари в 1930–50-е гг., предметом – этнические представления о природе и их влияние на традиционную обрядность по материалам советских этнографов, посетивших Марийскую АССР в указанный исторический период. Выбранные хронологические рамки интересны своей противоречивостью с точки зрения устремленности советского государства к новым социалистическим ценностям в условиях существования прежних идеалов среди населения республики.

Целью данной статьи является анализ символических воплощений природы в обрядах жизненного цикла мари по материалам этнографических экспедиций в Марийскую АССР в 1930–50-е гг. Новизна исследования характеризуется тем, что изучение тради-

ций марийского народа позволяет создать представление о месте природной среды в жизненном пространстве этноса, в преодолении страха при встрече с конкретным событием – рождением, инициацией, женитьбой и смертью человека. В практическом смысле подобные традиции служат теми положительными примерами, которые необходимы в настоящее время российскому государству для построения грамотной политики в области рационального природопользования.

Научная литература, посвященная народам Поволжья, отличается своим разнообразием с точки зрения полноты описания региональных традиций и обрядов. Немаловажное значение здесь имеют публикации отечественных и зарубежных историков, этнографов, археологов, философов и филологов XIX–XXI вв. В исследованиях XIX века, например, В.А. Сбоева, В.К. Магницкого, Н.В. Никольского, И.Н. Смирнова, акцентировалось внимание на верованиях народов региона, на воздействии потусторонних сил (Турá, Шайтан, Кереметь и прочие божества) на обрядовые практики местного населения. В XX веке традиции волжан стали подвергаться критике под влиянием советской идеологии, что можно встретить в публикациях П.В. Денисова, Г.Е. Кудряшова, К.И. Козловой, Д.М. Макарова. Начиная с 1990-х гг. традиционная культура народов Поволжья получает новое осмысление, в частности, в работах А.К. Салмина, Е.А. Ягафовой, Т.И. Ведерниковой и др., как позитивный опыт взаимоотношений различных поколений, как фундамент этнокультурной идентичности.

Среди современных исследований, затрагивающих экологический аспект в культуре народов Поволжья, целесообразно назвать труды Н.Ф. Беляевой [2], А.К. Салмина [16], Р.П. Четкаревой [18], Г.А. Корнишиной [5], А.Ф. Илимбетовой и Ф.Ф. Илимбетова [4]. В своих произведениях упомянутые авторы опираются на этнографические материалы, собранные в Поволжье в XIX–XX вв., и преимущественно описывают обряды в честь природных явлений и объектов.

В отличие от предыдущих исследований в данной статье акцент делается на взаимоотношениях человека и природы на при-

мере марийских обрядов жизненного цикла 1930–50-х гг. Предполагается, что природный фактор был одним из ключевых в формировании указанных обрядов, привнося в них особую поэтику и символизм.

Материалы и методы

Теоретическую базу статьи составили полевые дневники и отчеты этнографов, хранящиеся в научных архивах Чувашского государственного института гуманитарных наук, Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российского этнографического музея. Ценная информация о марийских обрядах 1930–50-х гг. собрана Т.А. Крюковой, подробно описавшей народные традиции на фоне активной пропаганды социалистических ценностей.

Цель исследования, связанная с анализом марийских обрядов жизненного цикла и выявлением в них образов природы, предполагает применение системного подхода, посредством которого удается определить наиболее устойчивые элементы обрядности.

Методы исследования, используемые автором, основываются на принципе историзма, что позволяет проанализировать существование традиционной обрядности в условиях социокультурных перемен. При характеристике тех или иных компонентов марийских обрядов жизненного цикла применялся метод научного описания. Также создание статьи потребовало привлечения следующих историографических методов: сравнительно-исторического, помогающего рассмотреть обряды мари с учетом особенностей конкретного периода истории; логического для раскрытия своеобразия изучаемого явления; ретроспективного для реконструкции событий прошлого через обращение к современным научным данным. Эмпирические исследования основаны на методах обобщений, интерпретации неопубликованных источников, наблюдения и опроса, осуществленных автором в процессе сбора полевых материалов.

Результаты и обсуждение

Во многих отчетах советского времени об этнографических экспедициях в Поволжье указывалось, что традиционные обряды и верования были уделом стариков, молодое поколение их отрицало [1, 13]. К примеру, в отчете Л.А. Иванова содержатся критические высказывания о языческой религии чувашей, которую следует воспринимать как пережиток, находящийся на конечной стадии своего существования [8, л. 13].

Советские этнографы, посещавшие Марийскую АССР в 1930–50-е гг., в так называемый период бурной социалистической стройки, обращали внимание на сохранение родовых пережитков в обрядах жизненного цикла мари (горные, луговые и восточные). Прежде всего, это находило отражение в родильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядности.

В обрядах, связанных с рождением ребенка, важное место занимал процесс имянаречения. Имя обеспечивало благополучное существование и защиту от потусторонних сил. Если младенец умирал сразу после своего рождения, то ему все равно давали имя во избежание его превращения в лешего [6, л. 26].

Для защиты ребенка от злых духов, обитавших нередко за рекой или каким-либо другим водоемом, мари прибегали к различным приемам: привязывали к его руке нитку с ракушкой, называемой «змеиной головой»; на его рубашку или шапочку нашивали и вешали к колыбели бусы, бисер «от дурного глаза» [6, л. 26; 10]. Для предохранения от порчи мать брала один из железных предметов и обводила им вокруг головы ребенка. После этого железный предмет оставляли у изголовья колыбели [6, л. 26].

При описании исследователями свадебных обрядов мари было обращено внимание на ряд специфических ритуальных действий. Так, невеста, приходя в дом мужа, трогала матицу, фактически приглашая на торжество умерших предков. Согласно собранным данным, мари играли свадьбы в священных семейных рощах – «сурт ото», которые имели огромное значение для народа в восприятии различных событий, в предотвращении несчастий, в благодарении

добрых духов [15, л. 14]. По другим сведениям, для получения поддержки со стороны потусторонних существ во дворе, где праздновалась свадьба, перед столом жениха и невесты ставилась березка, которая символизировала место для умерших предков [6, л. 30].

Некоторые предметы из свадебной обрядности мари употреблялись в конце 1950-х гг., что представлялось этнографам удивительным, поскольку советская культурная политика должна была создать совершенно иной образ жизни людей, ориентированный на коммунистические идеалы. Так, согласно отчету Т.А. Крюковой об этнографической экспедиции в 1959 году, для покрывания невесты использовалось особое покрывало, которое ткалось из волокон крапивы. Крапива для свадебного покрывала собиралась в глухом лесу, вдали от деревни, так, «чтобы петухов не было слышно» [12, л. 17]. По-видимому, в этом действии выражалось стремление защитить невесту от воздействия враждебных сил.

Похоронно-поминальные обряды по своей сути оказались более устойчивыми в советское время, чем другие. Причем исследователи отмечали, что они сохранились в архаических формах, в которых подчеркивалась связь с природой и умершими предками. На марийских кладбищах, на могилах советских людей, где в качестве памятников ставили столбики со звездой (пятиконечной), этнографы наблюдали, как подле погребения высаживалось дерево (липа, дуб, рябина). Исследователями такое явление интерпретировалось в качестве пережитка, связанного с культом деревьев у народов Поволжья. Примечательным являлось то, что дерево сажалось исключительно указанной породы [15, л. 18]. Кроме того, среди луговых мари почиталась мать-земля. Как следствие, на кладбищах строго запрещалось косить траву, ломать ветки или рубить деревья [6, л. 29].

Украшение лошади, везущей гроб, зеленью (ветками деревьев) также апеллирует к природе. Делалось это для того, чтобы покойники из рода человека, который умер, не вредили живым. Им необходимо было определить в похоронном поезде место – оно, как правило, располагалось на ветках деревьев [15, л. 18].

Этнографы заключали, что большая устойчивость похоронных обрядов в 1930–50-е гг. по сравнению, например, со свадебными объяснялась следующим образом: умирали зачастую старые люди, из которых многие еще трепетно относились к прежним обычаям и верованиям, тогда как в брак вступала молодежь, воспитанная в духе атеизма [15, л. 15].

Обряд, связанный с поминками на 40-й день, был зафиксирован этнографами целиком. Он включал архаические по своей сути элементы, порожденные культом природы. В частности, интерес вызвало моление в священной роще, совместное употребление ритуальной пищи из общих чашек [15, л. 14]. В Горно-Марийском районе сохранялся обычай, где представители каждой семьи или рода приходили на общественное моление с особой резной посудой, на которой изображались кони или птицы. По этому поводу этнографы поясняли, что они имели «дело с пережиточной формой очень давнего явления», связанного при своем возникновении с тотемическим представлением [6, л. 29].

В целом священные рощи мари подразделялись на общественные, предназначенные для принесения жертв всей деревней, и родовые, где совершались обряды лицами, принадлежавшие к одному роду [6, л. 28]. Массовые жертвоприношения животных по случаю поминок в священной роще уже не встречались, и сами рощи могли подвергаться уничтожению. К примеру, в начале 1930-х гг. священные рощи в Купран-Солге частично были вырублены по инициативе самих колхозников, лес пошел на подправку школы. Праздники, связанные в прошлом с жертвоприношением в рощах, уже коллективно не отмечались. Переломным периодом в этом отношении стали 1930–1931 гг. (начало коллективизации), когда происходила борьба между традиционными элементами культуры и новыми социалистическими ценностями [15, л. 15].

Вместе с тем ритуалы жертвоприношения, как локальное явление среди определенных групп населения, продолжали существовать. Seriously заинтересовали советских этнографов традиции жертвоприношения во время поминок нехристианской секты «Ку-

гу-Сорта» («большая свеча»), которая возникла в конце XVIII века и прекратила существование в 1940-е гг. [15, л. 15].

Члены «Кугу-Сорта» почитали единого Бога, регулярно посвящая ему индивидуальные и общественные моления. «Кугу-сортинцы» избегали кровавых жертвоприношений и тяготели к аскетическому образу жизни [11, л. 1]. Как писала в своем отчете о командировке в Марийскую АССР в 1939 году Т.А. Крюкова, объектами жертвоприношения у сектантов являлись продукты земледелия и пчеловодства, при этом вино, табак, сахар, соль, мясо и овощи оказывались под запретом [9, с. 241].

Необходимо отметить, что при совершении жертвоприношения кугусортинцы использовали предметы, сделанные из следующих семи материалов: береза, липа, вертел, ржаная и овсяная солома, конопля и травы. В течение года предусматривалось семь молений, в которых употреблялись все указанные материалы. После чтения молитвы в роще стол с утварью и продуктами жертвоприношения поджигали «огнем живым», т.е. добытым из «сырорастущего» дерева [15, л. 8].

От современных информаторов автором были получены сведения, что в настоящее время луговые мари могут искупить свои грехи, попросить о помощи и милости у главного бога Ош Поро Кугу Юмо («Светлый Добрый Великий Бог») посредством принесения ему в жертву быков и баранов. В священной роще организуется коллективная трапеза по употреблению приготовленного мяса, после чего сжигаются на костре шкура и кости жертвенного животного [10]. В 1930–50-е гг. подобные жертвоприношения не могли носить массовый характер, но, как заключали советские этнографы, говорить об окончательной ликвидации марийских верований было преждевременно, поскольку на их сохранение серьезное влияние оказывали семья или род. В священных рощах, которые посетили исследователи, приходилось встречать иногда свежие следы от костров, что свидетельствовало об индивидуальных жертвоприношениях. Как отмечала Т.А. Крюкова, огонь, использовавшийся для принесения жертвы, связывал богов и людей. Он забирал дар, превращая его в дым, и таким способом отправлял к богам «вместе с

мольбами людей» [14, л. 36]. В зависимости от направления дыма жертвователи судили о принятии жертвы божеством, об искуплении своих грехов.

Заключение

Анализ опыта взаимодействия человека и природы через обрядовую деятельность позволяет выделить следующие функции марийских обрядов жизненного цикла: предохранение от влияния злых сил, защита от небытия, формирование чувства солидарности. Первая функция четко разграничивала потусторонний мир между добрыми и враждебными духами, поэтому людям необходимо было избегать встречи с последними. Вторая функция выражала стремление человека к вечной жизни, третья – способствовала объединению людей во время совершения обряда на уровне семьи, рода, этнической общности.

Материалы советских этнографов показывают, что языческие элементы, связанные с природой, находили отражение в обрядах жизненного цикла народа мари на протяжении 1930–50-х гг. Устойчивость этих элементов предопределялась спецификой человеческой психики. Они не требовали от человека принятия каких-либо догм, подобно христианству или исламу, а организовывали жизнь людей согласно их коллективным представлениям и потребностям быть частью природы.

Благодарности

Исследование выполнено на средства гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых в рамках научно-исследовательского проекта № МК-3253.2017.6 «Эколого-правовая культура Поволжья: прошлое и настоящее».

Список литературы

1. Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Ф. 47. Оп. 12. Д. 2103.

2. Беляева Н.Ф. Место природной среды в системе этнической идентичности у мордвы. URL: <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/3001/belyaeva-mesto.pdf> (дата обращения: 14.09.2017).
3. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
4. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных у башкир: история и современность. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 306 с.
5. Корнишина Г.А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 156 с.
6. Научный архив ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН). Ф. К-1. Оп. 1. Д. 391.
7. МАЭ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 18.
8. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. III. Д. 2229.
9. Овсянников В.П., Лепешкина Л.Ю. Культурная динамика традиции жертвоприношения народов России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 239-243.
10. Полевые материалы автора – тема исследования «Обычаи, верования и обряды мари», Мишкинский район Республики Башкортостан, август 2013 г.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523.
12. Российский этнографический музей (РЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1343.
13. РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 319; Оп. 1. Д. 1853; Д. 1631.
14. РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 146.
15. РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4.
16. Салмин А.К. Жертвоприношение в традиционной жизни чувашей // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С. 143-151. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-202-9/> (дата обращения: 28.05.2014).
17. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
18. Четкарева Р.П. Природа, здоровье и табу народа мари. Йошкар-Ола: Изд-во «Периодика Марий Эл», 1999. 86 с.

19. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с франц., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

References

1. *Arkhiv Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya Rossiyskoy akademii nauk. F. 47. Op. 12. D. 2103* [Archive of N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Fund 47. Inventory 12. File 2103].
2. Belyaeva N.F. *Mesto prirodnoy sredy v sisteme etnicheskoy identichnosti u mordvy* [The place of the environment in the system of ethnic identity among the Mordovians]. <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/3001/belyaeva-mesto.pdf> (accessed September 14, 2017).
3. Gennep A., van. *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [The Rites of Passage. Systematic studying of ceremonies]. Moscow: Izdat. firma "Vostochnaya literatura" RAN, 1999. 198 p.
4. Ilimbetova A.F., Ilimbetov F.F. *Kul't zhivotnykh u bashkir: istoriya i sovremennost'* [The cult of animals among the Bashkirs: history and contemporaneity]. Ufa: IYAL UNTs RAN, 2009. 306 p.
5. Kornishina G.A. *Ekologicheskoe vozzrenie mordvy (religiozno-obryadovyi aspekt): monografiya* [The ecological view of the Mordovians (a religious and ceremonial aspect): monograph]. Saransk: Mordovia University Publ., 2008. 156 p.
6. *Nauchnyi arkhiv FGBUN Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN (MAE RAN). F. K-1. Op. 1. D. 391* [Scientific archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences. Fund K-1. Inventory 1. File 391].
7. *MAE RAN. F. 4. Op. 1. D. 18* [Fund 4. Inventory 1. File 18].
8. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otd. III. D. 2229* [Scientific archive of Chuvash State Institute of the Humanities. Section III. File 2229].
9. Ovsyannikov V.P., Lepeshkina L.Yu. Kul'turnaya dinamika traditsii zhertvoprinosheniya narodov Rossii [The cultural dynamics of the sacrifice tradition of the peoples of Russia]. *Theory and practice of social development*, 2015, no. 21, pp. 239–243.

10. *Polevye materialy avtora* – tema issledovaniya “Obychai, verovaniya i obryady mari”, *Mishkinskiy rayon Respubliki Bashkortostan, avgust 2013 g.* [Field researches of the author – the research topic “Customs, beliefs and rites of the Mari”, Mishkinsky District of the Republic of Bashkortostan, August 2013].
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 797. Op. 74. D. 523* [Russian State Historical Archive. Fund 797. Inventory 74. File 523].
12. *Rossiyskiy etnograficheskiy muzei (REM). F. 2. Op. 1. D. 1343* [The Russian Museum of Ethnography. Fund 2. Inventory 1. File 1343].
13. *REM. F. 2. Op. 2. D. 319; Op. 1. D. 1853; D. 1631* [Fund 2. Inventory 2. File 319; Inventory 1. File 1853; File 1631].
14. *REM. F. 18. Op. 1. D. 146* [Fund 18. Inventory 1. File 146].
15. *REM. F. 18. Op. 1. D. 4* [Fund 18. Inventory 1. File 4].
16. Salmin A.K. *Zhertvoprinoshenie v tradicionnoy zhizni chuvashej* [A sacrifice in traditional life of the Chuvashes]. *Elektronnaya biblioteka Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [Electronic library of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences], pp. 143-151. <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-202-9/> (accessed May 28, 2014).
17. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 277 p.
18. Chetkareva R.P. *Priroda, zdorov'ye i tabu naroda mari* [The nature, health and taboos of the Mari people]. Yoshkar-Ola: “Periodika Mariy EI” Publ., 1999. 86 p.
19. Eliade M. *Svyashhennoe i mirskoe* [The Sacred and the profane. Trans. from French, the preface and comments of N.K. Garbovsky]. Moscow: MGU Publ., 1994. 144 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лепешкина Лариса Юрьевна, доцент кафедры «Гостеприимство и межкультурные коммуникации», старший научный сотрудник управления научных исследований, кандидат исторических наук

*Поволжский государственный университет сервиса
ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, Самарская область, 445017,
Российская Федерация
lara_yura@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lepeshkina Larisa Yurevna, Associate professor, Hospitality and Cross-cultural Communications Department, Senior Fellow, Science and Research Department, Ph. D. in History
*Volga Region State University of Service
4, Gagarin Str., Togliatti, Samara Region, 445017, Russian Federation
lara_yura@list.ru
SPIN-code: 2872-6854
ORCID: 0000-0001-8989-5987
ResearcherID: C-1282-2015
Scopus AuthorID: 56020952900*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-218-232

УДК 94(470.55/.58)

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ КИНОФИКАЦИИ В ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-Е ГГ.

Кукаева Д.К.

Цель. Целью статьи является характеристика системы кинофикации Чкаловской области в 1930-е гг.

Метод и методология проведения работы. В качестве методов были применены проблемно-хронологический, историко-сравнительный и историко-системный методы, а также метод исторического анализа.

Результаты. В статье рассмотрены основные этапы зарождения, формирования и развития системы кинофикации в Чкаловской области в 1930-е годы, осуществляющихся по следующим направлениям: организация системы управления процессом кинофикации региона, создание материальной базы, обеспечение кадровым составом, осуществление контроля в области репертуарной политики и работа со зрителем, в особенности, с детьми. Выявлены причины возникновения трудностей в работе и продвижении киноискусства в массы: непродуманные шаги местных и республиканских отраслевых органов власти, связанные с этим перебои в оснащении киноаппаратурой, поставке кинолент, их качестве, проблемы, связанные с кадровым составом. Сделаны основные выводы о деятельности областной киносети в период 1934–1940 гг.

Область применения результатов. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности при рассмотрении вопросов культурного строительства в 30-е гг.

Ключевые слова: Южный Урал; культурная революция; кино; кинофикация; кинотеатр; кинопередвижка; курсы киномехаников; репертуар.

FORMATION OF THE CINEMA SYSTEM IN THE CHKALOV REGION IN THE 1930S

Kukaeva D.K.

Purpose. *The purpose of the article is to characterize the cinema system of the Chkalov region in the 1930s.*

Methodology. *The methods used were the problem-chronological, historical-comparative and historical-systemic methods, as well as the method of historical analysis.*

Results. *The article describes the main stages of the birth, formation and development of the cinema system in the Chkalov region in the 1930s, which are carried out in the following areas: organization of the cinema control system in the region, building the material base, staffing, exercising control over the viewer, especially with children. Revealed the causes of difficulties in the work and promotion of cinema to the masses: ill-considered steps of local and republican sectoral authorities, associated with this disruption in the equipment of cinematographic equipment, the delivery of films, their quality, problems associated with personnel. The main conclusions about the activities of the regional cinema in the period 1934–1940.*

The scope of the results. *The main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and practical activities when considering issues of cultural construction in the 30s.*

Keywords: *South Ural; cultural revolution; movie; cinema cinema; film shifting; filmmaker courses; repertoire.*

Введение

Обладая несравнимым просветительским, пропагандистским, воспитательным, эстетическим, информационным потенциалом, кино является одним из важнейших факторов, определяющим духовное и нравственное развитие общества во все времена.

Построение социализма в стране сделало кино одним из важнейших направлений культурного строительства, рациональным

средством внедрения культуры в массы, воспитания нового сознания, в итоге являвшейся главной задачей провозглашенной партией культурной революции. По мнению В.И. Ленина, кино было самым важным из всех искусств. Для обслуживания населения на огромной протяженности территорий кино было более доступным, чем все иные виды искусства, так как все зависело только от кинемеханики и аппаратуры, перемещение которых было возможно в короткий срок и в самые отдаленные места.

Поэтому детальный анализ недостаточно изученного опыта кинообслуживания населения Южного Урала в 1930-е годы определяет актуальность исследования данной темы.

Изучение темы в границах Южного Урала в основном сводилось к упоминанию отдельных фактов, относящихся к периоду войны на страницах документальных и краеведческих изданий. Анализ имеющейся историографии показывает, что, несмотря на большую работу, проведенную историками Урала в послевоенный период, многие аспекты становления кинофикации не получили должного освещения.

В этой связи особую актуальность приобретают вопросы пересмотра значения идеологических постановлений в области культуры, проблемы репертуара советского кино, а также руководство деятельностью кинотеатров и отдельных аспектов на Южном Урале.

Материалы и методы

Источниковая база исследования базируется на широком круге партийных и государственных документов, опубликованных и неопубликованных архивных материалах, периодической печати. В ходе исследования были изучены и проанализированы материалы двух фондов Оренбургского государственного архива социально-политической истории.

Методологическую базу исследования составляют частнонаучные и общенаучные методы и принципы. Основными методологическими принципами послужили историзм и научная объективность. Наряду с общенаучными методами анализа и синтеза,

классификации применялись специфические методы исторического познания: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, описательный.

Результаты и обсуждение

Система государственного управления в области отечественного кинематографа начала складываться в 1919 г. Советское партийное руководство видело в кинематографе одно из важнейших средств агитации. К началу 1920 г. была проведена национализация кинофабрик, однако в условиях военного коммунизма финансирование кинопроизводства было мизерным. Расцвет кинопромышленности произошел в 1930-х гг. в условиях советской модернизации, задачей которой являлось создание человека новой формации – дисциплинированного, способного трудиться в сложных производственных отраслях. В СССР на выполнение этой задачи отводилось менее десятилетия. Особая роль здесь принадлежала кинематографу как своеобразному инструменту воспитания [1, с. 32].

Государство полностью подчинило себе кинематограф, поставив под контроль творческую свободу и конкуренцию. Но, несмотря на это, именно в 1930-х гг. на советские экраны выходили кинокартины, популярность которых была настолько высока, что народная память хранит их образы и сюжеты по сей день.

Все фильмы 1930-х годов создавались на самых крупных киностудиях СССР, таких как «Мосфильм», «Ленфильм», киностудии им. А.М. Горького и им. А.П. Довженко и других. Именно там ставились основные фильмы, определялся состав кинорежиссеров и актеров, складывались основные сюжетные линии. За период 1930-1934 годов советская кинематография добилась существенных успехов на пути художественного воплощения важных событий и явлений действительности. Самым популярным фильмом этого времени стал «Чапаев» (режиссеры Г.Н. Васильев и С.Д. Васильев). Данная картина была крупнейшей победой направления социалистического реализма в звуковом кино. На международном фестивале в Москве, состоявшемся в 1935 году, картина «Чапаев» была в числе нескольких картин,

представленных «Ленфильмом» и получившим первую премию вместе с фильмами «Юность Максима» и «Крестьяне». Вторая половина 1930-х годов ознаменовалась выходом фильмов «Партийный билет», «Цирк», «Семеро смелых», «Тринадцать», «Великий гражданин», «Член правительства». В то время создается большая серия картин, повествующих об историческом прошлом: «Александр Невский», «Петр I», «Суворов», «Щорс» и «Яков Свердлов». В жанре комедии особенно примечательными были картины «Богатая невеста», «Трактористы», «Веселые ребята», «Волга-Волга». Импорт фильмов в данный период был минимален. Закупались лишь некоторые фильмы США, Франции, Великобритании. Кино работало целиком на собственных произведениях и материале [16, с. 229].

Развитие кинофикации Южного Урала в 1930-е годы осуществлялось по следующим направлениям: организация системы управления процессом кинофикации региона, создание материальной базы, обеспечение кадровым составом, осуществление контроля в области репертуарной политики и работа со зрителем (особенно с детьми) [18, л. 19].

Органы кинофикации Южного Урала находились в подчинении государственным структурам управления, точно выполняя все директивы и распоряжения. Помимо этого, они постоянно подвергались реорганизации.

На территории Чкаловской области в 1930-е годы функционировало областное отделение «Союзкинопроката», которое обеспечивало снабжение фильмами 52 района области. Это снабжение осуществлялось через Бугурусланское и Орское агентства и непосредственно через Отделение: на снабжении в Бугурусланском агентстве находились 9 районов (функционировало 26 киноустановок); в Орском агентстве – 8 районов (40 киноустановок) и остальные районы области (253 киноустановки) находились на снабжении из Отделения [18, л. 19].

На 1 января 1937 г. в области имелось 110 действующих и 10 бездействующих звуковых киноустановок; 268 действующих и 23 бездействующих узкоплечных киноустановок [18, л. 32].

За 1938 год данные о киносети значительно изменились. Преобразование коснулось главным образом звуковых киноустановок в сторону увеличения на 58 единиц и в то же время немые киноустановки сократились на 148 кино точек. Управляющий региональным отделением «Союзкинопроката» Ефимов сообщал, что «основная причина бездействия киноустановок заключалась главным образом в отсутствии киномехаников и негодности киноаппаратуры по узкоплёночным киноустановкам и в нежелании некоторых директоров школ использовать кино как учебное пособие». На одну звуковую киноустановку имелось 1,48 копии фильма, на одну немую киноустановку – 2,0 копии фильма. На одну узкоплёночную установку имеется 14,1 копии фильм [18, л. 72].

Ефимов также отметил тот факт, что «до четвертого квартала 1938 года область получала копии новых фильмов с большим опозданием, т.е. через два и три месяца после их демонстрации в Москве и ряде других городов. В количестве копий новых названий отделение получало недостаточно: по плану необходимо 5–6 копий, а по факту получали 2–3 копии. По его мнению, причина несвоевременного получения фильмов заключалась в безобразной работе органов связи и железнодорожного транспорта» [18, л. 72].

На всем протяжении 1930-х годов органы пытались решить проблему обеспечения киносети кадрами, что осуществлялось двумя путями: силами городских структур и с помощью командировок в другие города Южного Урала. Подготовка проводилась с помощью курсов (краткосрочных и долгосрочных). Для того чтобы привлечь людей для обучения, во все отделения кинофикации направлялась информация о курсах [19, л. 2].

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1935 года в области подготовки кадров и улучшения их материального положения Главному управлению кинофикации совместно с Совнаркомом Союзных республик было предложено с января 1936 года развернуть сеть 3-х месячных курсов для механиков немых киноустановок на 1000 человек, сеть 5-месячных курсов механиков звуковых киноустановок на 4000 человек, 9-месячных курсов старших

механиков звуковых установок на 3000 человек. Такие курсы на Южном Урале были доступны в Челябинске и Свердловске. Наркомзему и Наркомсовхозов было велено обеспечить механиков кино-передвижек во время пребывания их на селе (в колхозе, совхозе) ночлегом и питанием за минимальную плату. Трест оплачивал обучающимся курсантам только проезд, на остальное деньги выделяло государство [19, л. 2].

Увеличению профессионализма работников кинофикации способствовали соревнования между киномеханиками, которые проводились как по инициативе кино треста, так и по инициативе самих работников. Большую роль играло развернувшееся по всей стране стахановское движение. Все это в совокупности дало импульс развитию кадров в 1930-е годы, но, несмотря на все попытки решить эту проблему, она оставалась актуальной и в последующие годы [19, л. 2].

Общая картина по выполнению планов оставалась неутешительной. В докладной записке о состоянии работы Чкаловского областного кинотреста в областной комитет ВКП (б) от инструктора Улановой А.П. были приведены следующие показатели: годовой производственный план за 1938 год выполнен лишь на 76%. По отдельным населенным пунктам показатели были следующие: Абдулино: план сбора – 160 тысяч 13 рублей, фактически – 50 тысяч 710 рублей, что составляет 42,8% от плана; Бугуруслан: план сбора – 507 тысяч 49 рублей; фактически – 229 тысяч 888 рублей (49,3%); Бузулук: план сбора – 377 тысяч 97 рублей; факт – 246 тысяч 93 рубля (78,5%); Орск: план – 377 тысяч 43 рубля, факт – 148 тысяч 155 рублей (56%). В таких населенных пунктах, как Буранное процент выполнения плана составил 10%, Белозерский – 25%, Красно-Партизанский – 21,2%. Инспектор объясняла такие низкие показатели тем обстоятельством, что план на 1938 год был завышен, в течение всего года претерпевал изменения, уточнялся [19, л. 3]. Также в качестве причин низкой производительности отмечалось «совершенно неудовлетворительное живое и оперативное руководство со стороны всего аппарата кино треста, недостаточ-

ное количество механиков, небрежный их подбор, связанная с этим текучесть и слабая подготовка кадров, отсутствие в большинстве районов собственных помещений, отведенных для кинотеатров и электростанций, несвоевременная обеспеченность горючим, крайне скверный ремонт аппаратуры» [19, л. 3].

Немаловажную роль в росте производительности кинофикации играло взаимодействие облкинотреста с «Союзкинопрокатом». Инспектор пишет, что «договор, регулирующий их взаимоотношения, был составлен в 1936 году на ноябрь и декабрь 1936 года и с тех пор не возобновлялся. Вследствие этого, по мнению Улановой, «Союзкинопрокат» как прокатная организация, халатно относился к своим обязанностям, что выражалось в срыве показа картин, высылке картин без частей, низкой технической годности. Вместо помощи в работе на местах, управляющий конторой «Союзкинопрокат» Сардыко практиковал метод высылки кинокартин наложенным платежом в те районы, которые не имели задолженности перед Союзкинопрокатом, что создавало, по словам инспектора, ненужную нервозность в работе районных уполномоченных и срыв в работе» [19, л. 7].

Картина кинофикации в сельской местности оставалась неутошительной. В постановлении ЦК ВКП(б) от 11.02.1936 г. о киноработе на селе указывалось, что значительное количество кинопередвижек в деревне систематически не работало вследствие отсутствия кинофильмов, деталей для ремонта киноаппаратов, недостаточной квалификации и низкой дисциплины среди кадров киномехаников. Кинопередвижки были распределены между районами и внутри районов неравномерно, озвучивание сельской киносети проходило медленно. Часто имели место случаи демонстрации на селе фильмов с низкой технической годностью, порванные, со стертым изображением, с неясными надписями, неправильно смонтированные. Прокат фильмов был оторван от их производства, вследствие чего Главное управление кинофикации ответственно за продвижение фильма, состояние фильфонда и его эксплуатацию не несло. При таком состоянии кинообслуживания села

посещаемость сеансов на селе оставалась слабой. Жители села не хотели платить за билет и кинопередвижки на селе становились убыточными. По этой причине местные киноорганизации вводили порядок оплаты за киносеансы из средств колхоза (в среднем 35 рублей на сеанс), но и эта мера, неправильная сама по себе, не повысила ни посещаемости киносеансов, ни доходности киноорганизации [19, л. 9].

В справке о состоянии киноработы в клубе колхоза Караванный от 15 июня 1939 года начальником управления кинофикации Сардыко аналогично указывалось, что «техника кинопоказа крайне низка, проекция не резкая. По причине недостаточного напряжения электроэнергии показ производится аппаратом кинопередвижки, так как у стационарного аппарата похищен объектив, который устанавливается в зрительном зале. Киносеансы же начинаются после 23 часов и заканчиваются в 1–2 ночи. Фото, афиши «Союзкинопрокат» не высылают. В справке указывались цены за билет: для взрослых – 50 копеек, для детей – 25 копеек, это противоречило постановлению СНК СССР от 1.11.1938 г., согласно которому цены должны быть от 1 рубля до 2 рублей 50 копеек. Стандартные билеты не выдавались. Вместо этого изготовлялись клочки бумаги с печатью дирекции совхоза, которые и выдавались вместо билетов. Это создавало почву для злоупотреблений. Обслуживание детского населения также оставляло желать лучшего: специальные детские показы не практиковались, дети наравне с взрослыми посещали кино в 23–24 часа [19, л. 21].

Неудовлетворительное состояние кинообслуживания на селе объяснялось, во-первых, недостаточным вниманием Народного комиссариата тяжелой промышленности и Главного управления кинофикации к производству звуковых кинопередвижных аппаратов для села и прекращением производства деталей для ремонта немых киноаппаратов. Во-вторых, отсутствием единого органа производства и проката картин: ГУКФ не отвечал за прокат картин, находящийся в ведении республик и областей. По этой причине он не был материально заинтересован в улучшении показателей ки-

нофикации села, которое не обеспечивало ему в этом состоянии прибыли. В-третьих, проблема с кадрами по-прежнему оставалась острой: была заметна низкая грамотность и слабая квалификация кадров кино-механиков, портящих киноаппаратуру и картины, не умеющих организовать зрителя [19, л. 22].

Фонд копий немых художественных картин оставался недостаточным. В стране имелось 22 тысячи копий немых картин на 30 тысяч киноаппаратов. Сельский фонд составлял всего 9 тысяч копий художественных картин на 17 тысяч аппаратов. Таким образом, на два киноаппарата приходилась одна копия художественной картины [19, л. 22].

На 1 сентября 1939 года в Чкаловской области имелось 46 звуковых автокинопередвижек, 33 стационарных кинотеатра. Из числа стационарных кинотеатров в городах и рабочих поселках находилось 12 кинотеатров, летних кино эстрад – две, в сельских пунктах – 21. Кроме этого, имелось 75 немых и одна узкоплечная кинопередвижка. Кадровый состав был представлен 102 киномеханиками звукового кино, обеспеченность в процентном отношении – 100%. Помимо этого, в 1940 году ожидалось пополнение штата киномехаников на 56 человек. В организации работы немых передвижек было задействовано 23 киномеханика, четыре кинотехника [19, л. 56].

Заключение

Становление системы кинофикации в Чкаловской области в 1930-е годы проходило длительный и тернистый путь. Непродуманные шаги местных и республиканских отраслевых органов власти, связанные с этим перебои в оснащении киноаппаратурой, поставке кинолент, их качестве, проблемы, связанные с кадровым составом создавали трудности в работе и продвижении киноискусства в массы.

Развитие кинофикации Южного Урала в 1930-е годы осуществлялось по следующим направлениям: организация системы управления процессом кинофикации региона, создание материальной

базы, обеспечение кадровым составом, осуществление контроля в области репертуарной политики и работа со зрителем, в особенности, с детьми.

На протяжении 1930-х годов органы власти пытались решить проблему обеспечения киносети кадрами, что осуществлялось двумя путями: силами городских структур и с помощью командировок в другие города Южного Урала. Подготовка проводилась с помощью курсов (краткосрочных и долгосрочных).

Состояние кинообслуживания села, посещаемость сеансов на селе оставались слабыми и к концу 1930-х годов. Неудовлетворительное состояние кинообслуживания на селе объяснялось, во-первых, недостаточным вниманием Народного комиссариата тяжелой промышленности и Главного управления кинофикации к производству звуковых кинопередвижных аппаратов для села и прекращением производства деталей для ремонта немых киноаппаратов. Во-вторых, отсутствием единого органа производства и проката картин: ГУКФ не отвечал за прокат картин, находящийся в ведении республик и областей. По этой причине он не был материально заинтересован в улучшении показателей кинофикации села, которое не обеспечивало ему в этом состоянии прибыли. В-третьих, проблема с кадрами по-прежнему оставалась острой: была заметна низкая грамотность и слабая квалификация кадров кино-механиков, портящих киноаппаратуру и картины, не умеющих организовать зрителя

Фонд копий немых художественных картин оставался недостаточным. В стране имелось 22 тысячи копий немых картин на 30 тысяч киноаппаратов.

Но, несмотря на все проблемы и трудности, к концу 1930-х годов кино стало любимым способом организации досуга советского человека. В масштабах же государственных кино стало инструментом решения задачи важнейшей, часто завуалированной, обволакивающейся художественной формой – формирование нового человека с новым сознанием. Спустя время этот факт нарекут «идеологической пропагандой». Но каким бы ни было сегодняшнее отношение к наследию советской эпохи, очевидным остается одно: поколение,

родившееся на свет в 1920-е годы – полностью плод советского воспитания, в том числе, средствами кинематографа. Ведь по силе своего влияния на человека, кино занимает особое место, формируя мировоззрение человека и его систему ценностей. Это поколение выдержало главный экзамен на зрелость, патриотизм и силу духа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Закономерный ее исход – Великая Победа советского народа над фашизмом, изменившая всю историю мира в дальнейшем.

Список литературы

1. Александров Г.В. Эпоха и кино. М.: Политиздат, 1976. 127 с.
2. Баскаков В.Е. В ритме времени. Кинематографический процесс сегодня. М.: Искусство, 1982. 215 с.
3. Баскаков Е.В. Экран и время. М.: Искусство, 1974. 232 с.
4. Ждан В.Н. Киноискусство социалистического реализма. М.: Знание, 1980. 40 с.
5. Ждан В.Н. Эстетика фильма. М.: Искусство, 1982. 375 с.
6. Заводчиков В.В. Становление Куйбышевской системы кинохроники и ее деятельность накануне Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Том. 13 № 3–2. С. 431–438.
7. Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–60-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999.
8. История советского киноискусства звукового периода. Ч.2. (1934–1944 гг.). М.: Госкиноиздат, 1946. 311 с.
9. История страны. История кино / Под ред. доктора исторических наук С.С. Секиринского. М.: Знак, 2004. 496 с.
10. Из истории кино. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 293 с.
11. История отечественного кино / Под ред. М.Л. Будяк. М.: Прогресс. Традиция, 2005. 523 с.
12. История советского кино: 1917–1967. В 4-х тт.: М.: Искусство, 1964–1978. Тт.1-4.
11. Кабанов П.И. История культурной революции в СССР (краткий очерк) : учеб. пособие. М., 1971.

13. Караганов А.В. Советское кино: проблемы и поиски. М.: Политиздат, 1977.
14. Караганов А.В. Экранная летопись эпохи. О советском документальном кино. М.: Знание, 1965. 47 с.
15. Козинцев Г.М. Собрание сочинений: В 3х т. М.: Искусство, 1974–1976. Т. 1–3.
16. Лебедев Н.А. Внимание: кинематограф! О кино и киноведении. М.: Искусство, 1974. 438 с.
17. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (далее – ОГАСПИ). Ф. 267. Оп. 1. Д. 132.
18. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 3. Д. 289.
19. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 6. Д. 247.
20. Очерки истории советского кино: в 3 т. / Ред. Ю.С. Калашников. М.: Искусство, 1959. Т. 2–3.
21. Ромм М.И. Беседы о кино. М.: Искусство, 1964. 365 с.
22. Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека. Курган, 2009. 231 с.
23. Фомин В.И. Кино и власть: советское кино, 1965–1985 годы : документы, свидетельства, размышления. М.: Материк, 1996. 370 с.
24. Чкаловская коммуна. 1939. 19 октября. С.4.
25. Эрмлер Ф.М. Документы, статьи, воспоминания. Л.: Искусство, 1974. 293 с.
26. Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6-ти тт. / Редколл.: С.И. Юткевич и др. М.: Искусство, 1964–1971.
27. Юренев Р.Н. Краткая история советского кино. М.: БПСК, 1979. 232 с.

References

1. Aleksandrov G.V. *Epokha i kino* [Era and cinema] М.: Politizdat, 1976. 127 p.
2. Baskakov V.E. *V ritme vremeni. Kinematograficheskiy protsess segodnya* [In the rhythm of time the cinematic process today] М.: Iskusstvo, 1982. 215 p.
3. Baskakov E.V. *Ekran i vremya* [Screen and time] М.: Iskusstvo, 1974. 232 p.

4. Zhdan V.N. *Kinoiskusstvo sotsialisticheskogo realizma* [Cinema art of socialist realism] M.: Znanie, 1980. 40 p.
5. Zhdan V.N. *Estetika fil'ma* [The aesthetics of the film]. M.: Iskusstvo, 1982. 375 p.
6. Zavodchikov V.V. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 2011. Vol. 13 № 3–2, pp. 431–438.
7. Zezina M.R. *Sovetskaya khudozhestvennaya intelligentsiya i vlast' v 1950–60-e gody* [Soviet artistic intelligentsia and power in the 1950s – 60s]. M.: Dialog-MGU, 1999.
8. *Istoriya sovetskogo kinoiskusstva zvukovogo perioda* [History of the Soviet cinema of the sound period]. Part 2. (1934–1944). M.: Goskinoizdat, 1946. 311 p.
9. *Istoriya strany. Istoriya kino* [History of the country history of cinema]. ed. S.S. Sekirinsky. M.: Znak, 2004. 496 p.
10. *Iz istorii kino* [From the history of cinema]. Issue 2. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 293 p.
11. *Istoriya otechestvennogo kino* [History of Russian cinema]. ed. M.L. Budyak. M.: Progress. Traditsiya, 2005. 523 p.
12. *Istoriya sovetskogo kino: 1917–1967* [The history of Soviet cinema: 1917–1967]. M.: Iskusstvo, 1964–1978. Tt. 1-4.
11. Kabanov P.I. *Istoriya kul'turnoy revolyutsii v SSSR (kratkiy ocherk)* [History of the cultural revolution in the USSR]. M., 1971.
13. Karaganov A.V. *Sovetskoe kino: problemy i poiski* [Soviet cinema: problems and searches]. M.: Politizdat, 1977.
14. Karaganov A.V. *Ekrannaya letopis' epokhi. O sovetskom dokumental'nom kino* [Screen chronicle of the era. About the Soviet documentary film]. M.: Znanie, 1965. 47 p.
15. Kozintsev G.M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. M.: Iskusstvo, 1974–1976. V. 1–3.
16. Lebedev N.A. *Vnimanie: kinematograf! O kino i kinovedenii* [Attention: cinema! About cinema and film studies] M.: Iskusstvo, 1974. 438 p.
17. *Orenburgskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* (dalee – OGASPI). F. 267. Op. 1. D. 132.
18. OGASPI. F. 371. Op. 3. D. 289.

19. OGASPI. F. 371. Op. 6. D. 247.
20. *Ocherki istorii sovetskogo kino* [Sketches of the history of Soviet cinema]. ed. Yu.S. Kalashnikov. M.: Iskusstvo, 1959. V. 2–3.
21. Romm M.I. *Besedy o kino* [Talk about movies] M.: Iskusstvo, 1964. 365 p.
22. Fedchenko M.N. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo cheloveka* [Daily life of the Soviet man]. Kurgan, 2009. 231 p.
23. Fomin V.I. *Kino i vlast': sovetskoe kino, 1965–1985 gody : dokumenty, svidetel'stva, razmyshleniya* [Cinema and power: Soviet cinema, 1965–1985: documents, testimonies, reflections]. M.: Materik, 1996. 370 p.
24. *Chkalovskaya kommuna*. October 19, 1939. P. 4.
25. Ermler F.M. *Dokumenty, stat'i, vospominaniya* [Documents, articles, memories]. L.: Iskusstvo, 1974. 293 p.
26. Eyzenshteyn S.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works] / S.I. Yutkevich et al. M.: Iskusstvo, 1964–1971.
27. Yurenev R.N. *Kratkaya istoriya sovetskogo kino* [A brief history of Soviet cinema] M.: BPSK, 1979. 232 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кукаева Диана Кайровна, аспирант

*Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Российская Федерация
dianaismanova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kukaeva Diana Kairovna, postgraduate student

*Orenburg State Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russian Federation
dianaismanova@mail.ru*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-233-251

УДК 930.1

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XIX–XXI ВВ.

Лепешкина Л.Ю., Нурова О.Г.

Цель. Целью данной статьи является анализ исторических, этнографических и философских материалов об экологической культуре народов Поволжья, что необходимо для определения сущности последней.

Метод или методология проведения работы. В статье используются классические методы научного исследования: сравнительно-исторический, логический, ретроспективный, проблемно-хронологический и др. Кроме того, в исследовании находит отражение такой методологический прием, как критика источников об экологических взглядах народов Поволжья. По мысли М. Хайдеггера, данный метод включает «весь комплекс разыскания, сопоставления, проверки, оценки, хранения и истолкования источников». Критикуя различные текстовые источники по конкретной проблеме, исследователь занимает диалогическую позицию по отношению к их авторам, что позволяет ему стремиться к более объективным выводам.

Результаты. Процесс изучения экологической культуры Поволжского региона можно разделить на три периода: этнографический – XIX – первая четверть XX вв.; технократический – 1930–1960-е гг.; экоориентированный – 1970–2000-е гг. Выделение обозначенных периодов обусловлено социальными и политическими преобразованиями, происходившие в России и, как следствие, повлиявшие на характер научных исследований Поволжья.

Область применения результатов. *Обращение к истории изучения экологической культуры народов Поволжья позволит систематизировать сведения о роли человека в региональной экосистеме.*

Ключевые слова: *экологическая культура; Поволжье; экологическое сознание; природа.*

ECOLOGICAL CULTURE OF THE PEOPLES OF THE VOLGA REGION IN THE HISTORICAL, ETHNOGRAPHIC AND PHILOSOPHICAL STUDIES OF THE XIX–XXI CENTURIES

Lepeshkina L. Yu., Nurov O. G.

Purpose. *The purpose of this article is to analyze the historical, ethnographic and philosophical materials about the ecological culture of the Volga region, which is necessary to determine the essence of the latter.*

Methodology. *The article uses classical methods of scientific research: comparative-historical, logical, retrospective, problem-chronological, etc. In addition, the study reflects such a methodological technique as criticism of sources about the environmental views of the peoples of the Volga region. According to Martin Heidegger, this method includes “the whole complex of search, comparison, verification, evaluation, storage and interpretation of sources”. Criticizing various text sources on a specific problem, the researcher takes a dialogical position in relation to their authors, which allows him to seek more objective conclusions.*

Results. *The process of studying the ecological culture of the Volga region can be divided into three periods: ethnographic – XIX – the first quarter of the XX centuries; technocratic – 1930–1960-ies; eco-oriented – 1970–2000-ies. The allocation of the designated periods is due to social and political transformations that took place in Russia and, as a consequence, influenced the nature of scientific research in the Volga region.*

Practical implications. *An appeal to the history of the study of ecological culture of the peoples of the Volga region will systematize information about the role of man in the regional ecosystem.*

Keywords: *ecological culture; Volga region; ecological consciousness; nature.*

Введение

Проблема исследования состоит в том, что публикации и диссертационные работы об экологических взглядах населения Поволжского региона носят разрозненный характер и требуют обобщения [13]. Необходимость такого обобщения продиктована стремлением дать определение экологической культуры и определить ее особенности в Поволжье.

Объектом статьи является Поволжский регион как полиэтническая и поликонфессиональная среда, где основное население составляют русские, мордва, марийцы, удмурты, чуваша, татары, башкиры и немцы. Предметом анализа выступает историография экологической культуры народов Поволжья, которая формировалась в XIX–XXI вв.

Хронологические рамки исследования затрагивают XIX–XXI вв. Данный исторический период выбран потому, что он наиболее показателен с точки зрения глубоких перемен в системе отношений «общество – природа» Поволжского региона. В XIX веке при изучении Поволжья доминировал этнографический интерес, и природа рассматривалась в качестве неотъемлемой части традиционной культуры. Включение в пространство региона новых элементов социалистической культуры после 1917 года и, как следствие, стремление человека быть хозяином природы изменили направление исследований в XX веке: природная среда должна была служить технократическим целям общества, невзирая на ограниченность ее возможностей. В XXI веке перед человечеством, столкнувшимся с глобальными экологическими проблемами, стоит задача выстраивать свои отношения с природой, опираясь на принципы гуманизма и разумного потребления природных ресурсов, поэтому исследования экологической культуры Поволжья в последнее время обретают экоориентированный характер.

Новацию статьи мы видим в том, что впервые рассматривается история исследования экологической культуры Поволжья на основе широкого круга источников и с привлечением методов исторической и культурологической наук. Статья носит междисциплинарный характер, что позволяет более полно представить спектр проблем, касающихся отношения человека к природе в Поволжском регионе.

Материалы и методы

Методы исследования базируются на основополагающем принципе историзма, который позволяет изучить генезис экологической культуры Поволжья.

Материалами для статьи стали опубликованные очерки и записки краеведов и этнографов, отчеты и дневники полевых исследований в Поволжье, которые хранятся в научном архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН) и архиве Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭиА РАН).

Результаты и обсуждение

Характеристика экологической культуры как феномена человеческого бытия и сопряженное с ней понятие «экологическое сознание» в литературе философской и антропологической направленности создала необходимый фундамент для осмысления экологической культуры народов Поволжья [15]. В нашем исследовании затрагивается несколько публикаций, раскрывающих сущность упомянутых выше терминов [14].

Что касается российской литературы об экологической культуре и экологическом сознании, то здесь стремление дать определение указанным терминам является более конкретным. Причем нередко оба упомянутых концепта употребляются в синонимическом ключе. В своей книге Е.А. Когай под экологическим сознанием понимает «мир духовных феноменов, определяющих способ отношения человека к миру природы и к самому себе как части природного мира». В качестве специфической черты экологического сознания исследователь выделяет его аксиологическую (ценностную) направленность.

О.А. Линенко, ссылаясь на ряд авторов, вводит в научный оборот понятие эгоцентрического экологического сознания, включающего «систему представлений о мире, для которой характерны: ориентированность на экологическую целесообразность, отсутствие противопоставленности человека и природы; восприятие природных объектов как полноправных субъектов, партнеров по взаимодействию

с человеком; баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с природой». В содержательном плане экологическое сознание характеризуют три основных компонента: экологические знания, оценка экологической ситуации и экологическое поведение. Главной функцией экологического сознания О.А. Линенко называет мировоззренческую, т.е. отражающую убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации людей.

К интересным выводам приходят исследователи экологической культуры. Н.И. Симоненко в статье «Экологическая культура в современном социокультурном дискурсе: к определению онтологической сущности экологической культуры» характеризует изучаемый нами термин как «способ творческой деятельности, направленной на воссоздание и создание, передачу ценностей, смыслов и знаков в отношениях системы «человек – природа – общество». Н.С. Расказова понимает под экологической культурой «способность людей пользоваться своими экологическими знаниями и умениями в практической деятельности». Важным здесь является осознание человеком «значимости сохранения окружающей среды».

А.А. Габинская в своей статье «Механизмы и некоторые пути «вхождения» в экологическую культуру» делает вывод о том, что экологическая культура – это «путь к реализации идеи «коэволюционного развития» ... дальнейшее развитие цивилизации может происходить только в согласии с законами природы, на принципах со-развития». З. Хусаинов пишет о роли четырех факторов в формировании экологической культуры личности: экологического сознания, нравственно-эстетического, деятельно-практического отношения и религии. Авторы В.А. Ситаров и В.В. Пустовойтов определяют экологическую культуру как «нравственно-духовную сферу жизнедеятельности человека, характеризующую своеобразие его взаимодействия с природой и включающую в себя систему взаимосвязанных элементов: экологическое сознание, экологическое отношение и экологическую деятельность».

Объединяющим началом в этих работах выступает пропаганда гуманного отношения человека к природе, что позволяет дать обоб-

ценное определение экологической культуры. Неотъемлемой ее частью является экологическое сознание как система представлений о природе, обладающей безусловной ценностью. Экологическая культура есть алгоритм бытия человека в природной среде, построенный на принципах гуманизма, ответственности за свои поступки, ненасилия и рационального природопользования. Исходя из этого определения, целесообразно перейти к истории исследования экологической культуры народов Поволжья.

Процесс изучения экологической культуры Поволжского региона можно разделить на три периода: этнографический – XIX – первая четверть XX вв.; технократический – 1930–1960-е гг.; экоориентированный – 1970–2010-е гг. Первый период исследований – этнографический – представлен работами по изучению традиций и обрядов народов Поволжья, опосредованно касающихся взаимодействия человека и природы. В частности, немаловажное значение здесь имеют публикации отечественных и зарубежных историков и этнографов XIX – первой четверти XX вв.: В.А. Сбоева, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, Д. Месароша, Н.В. Никольского, А. Фукс, Г.И. Комиссарова, Н.Ф. Катанова, М.А. Машанова, Н.И. Ашмарина, Я.Д. Коблова, А. Сперанского, К.П. Прокопьева, И.Н. Смирнова и др. Результаты исследования упомянутых авторов свидетельствуют о зависимости человека и всей традиционной культуры от сил природы. Как правило, народами Поволжья совершались обряды, направленные на обеспечение богатого урожая, удачи в сельскохозяйственном году, на увеличение поголовья скота.

Совершение ритуалов жертвоприношения в Поволжском регионе требовало конкретных знаний о размере и характере жертв. Каждое жертвенное животное должно было соответствовать «рангу» богов и увязываться с религиозно-мистическими представлениями волжан. Об этом подробно писали В.К. Магницкий, Д. Месарош, Н.В. Никольский, М.А. Машанов, Н.И. Ашмарин, Я.Д. Коблов.

Многие исследования традиционной культуры народов Поволжья, проводившиеся в XIX – первой четверти XX вв., показывают, что человек был чрезвычайно зависим от природы, поэтому прин-

цип «благоговения» перед ее законами превращался в лейтмотив бытия в данный исторический период.

Второй период исследования экологических взглядов народов Поволжья приходился на 1930–1960-е гг. и отличался своей критичностью по отношению к традициям волжан. Местные обычаи воспринимались в качестве пережитков, мешавших великому социалистическому строительству. Природа, в свою очередь, должна была служить на благо человечества, поэтому о последствиях создания капитальных сооружений за счет использования природных ресурсов, например Куйбышевской ГЭС, особо не задумывались.

Характеристика процесса взаимодействия человека и природы в Поволжье посредством специальных ритуалов осуществлялась либо в описательном, либо в критическом ключе. Определенная описательность была присуща исследованиям, проводившиеся учеными из Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, в частности, В.Н. Белицер «Мордовская экспедиция. 1959 год» [1, л. 67–73]. Известная ленинградская исследовательница Поволжья Т.А. Крюкова во многих своих статьях и отчетах о командировках в регион за 1930–1960-е гг. негативно высказывалась о традициях волжан. К примеру, в одной из статей о марийцах 1939 года она писала: «Под благодетельным воздействием культуры отмирают старые религиозные верования и пережитки прошлого. Теперь священные рощи, считавшиеся прежде неприкосновенными, вырубаются в плановом порядке на колхозные нужды и постройки» [5]. Аналогичные высказывания характерны для другого советского исследователя мордовской культуры П.Д. Степанова: «Рост грамотности и резко повысившийся культурный уровень населения наносит жестокий удар различным пережиткам старого, в том числе и религиозным. Нечего и говорить, что воспитание молодежи ведется только в атеистическом духе» [6, л. 61].

В монографии П.В. Денисова «Религиозные верования чуваш» (1959) по поводу обрядов, обеспечивающих здоровье скота, особенно чувашского моления о благополучии отелившейся коровы – «ёне ырри чүкё», или «ёне турри чүкё», отмечалось: «Бесплодность и

вред подобных обрядов, совершаемых в целях сохранения домашнего скота, очевидны. Вредность стародедовских приемов ухода за домашними животными заключалась и в том, что они отвлекали крестьян от поисков действительно надежных средств и способов ухода за скотом и от своевременного обращения к ветеринару в случае заболевания животных» [2, с. 154]. Подобная критическая оценка традиций народов Поволжья в указанный исторический период встречалась в исследованиях таких ученых из Музея антропологии и этнографии АН СССР, как В.В. Богданов («Поволжские татары», «Башкиры»), Е.Г. Кагаров (статьи о поволжских немцах), Н.Н. Тихоницкая (статьи и сообщения о русской традиционной культуре), Т.М. Акимова («Чуваши»), Л.М. Сабурова (статьи о мордве) и др. Данные примеры из истории изучения экологических взглядов волжан свидетельствуют о значимости идеологического фактора в гуманитарных науках, в результате чего многие региональные обычаи и обряды без какой-либо объективной оценки подвергались осуждению.

С 1970-х гг. начинается «экологизация» гуманитарных и общественных наук, в отечественной этнографии формируется новая научная дисциплина – этноэкология [4, с. 3]. По сути, это предполагает поворот в научных исследованиях к «реабилитации» обычаев и традиционных способов жизнеобеспечения волжан в природных условиях их обитания. Причем нередко различные традиции «общения» народов Поволжья с природой рассматриваются в качестве культурного ресурса, необходимого для решения нарастающих экологических проблем.

В журнале «Советская этнография» активно публикуются статьи об обычаях и обрядах различных народов, авторы которых становятся менее категоричными в своих высказываниях. Институт этнографии АН СССР выпускает в свет в 1985 году монографию «Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья», составленную Г.Г. Шаповаловой, Л.С. Лаврентьевой под редакцией Б.Н. Путилова. В ней рассматриваются календарные и свадебные обряды русского населения региона, где четко прослеживается связь человека с природой, например, при встрече Масленицы, заклинании мороза и весны, при праздновании Троицы и др. [7, л. 39].

Интерес к экологической культуре народов Поволжья возрастает в 1990–2000-е гг. В частности, целесообразно назвать исследования В.А. Балашова о бытовой культуре мордвы, Н.Ф. Беляевой об экологических функциях религиозно-мифологических представлений мордвы, Т.И. Ведерниковой об обряде вызывания дождя в Самарской области, Е.В. Владыкина о религиозно-мифологической картине мира удмуртов, А.К. Салмина об обрядности чувашей, в том числе с использованием различных растений и животных, Р.П. Четкаревой о природе, здоровье и табу народа мари.

Полная картина экологических взглядов мордвы представлена в монографии Г.А. Корнишиной «Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект)» (2008). В ней мордовская экологическая культура рассматривается в тесной связи с религиозно-обрядовой сферой, анализируется влияние религиозных верований на формирование этносоциальной регламентации, дается обзор обрядовых действий, адресованных абиотическим и биотическим сферам окружающего мира; характеризуются важнейшие структурные элементы ритуалов и их функции, сакральные природные объекты и относящиеся к ним нормы поведения [4, с. 2]. Кроме того, автор книги дает рекомендации об использовании традиционного экологического опыта мордвы в деятельности современных учреждений образования как одного из способов формирования социально ответственной личности.

В освещении темы экологического сознания и культуры природопользования в Поволжье заслуживает внимание монография А.Ф. Илимбетовой и Ф.Ф. Илимбетова «Культ животных у башкир: история и современность» (2009). В ней показывается отражение культа овцы (барана), коня, быка (коровы), волка, собаки, медведя, оленя в мифоритуальной традиции и религиозных воззрениях башкир. В основе данных представлений лежат идеи тождества человека и животного, возможности их взаимного перевоплощения друг в друга и отсутствия принципиальной разницы между ними – суть тотемического убеждения людей дородового и раннеродового общества. Позднее в процессе эволюции произошли обожествление и

воплощение этих образов в обрядах и фольклоре башкир [3, с. 301]. Исследование башкирских ученых отличается глубоким анализом и опирается на последние достижения исторической науки и смежных дисциплин в области изучения культа животных.

С конца XX столетия в связи с существенными политическими реформами в России экологическая проблематика приобретает не только важное социально-гуманитарное, но и политическое значение. В диссертационных исследованиях, посвященных данному вопросу, сформировалось несколько направлений, в рамках которых работали представители из различных областей гуманитарного знания. К ученым, подключившимся к решению проблем экологического характера, можно отнести философов, политологов, социологов, а также историков.

Ключевым направлением в изучении региональных экологических проблем стала социальная экология, суть которой заключалась в анализе разносторонних точек соприкосновения природы и общества в контексте единой социоприродной системы. Выступая межотраслевой областью знания, данное направление превратилось в предмет исследования целого ряда региональных ученых. Одним из них является М.Н. Шляпникова, изучившая экологическое сознание с точки зрения социально-философского подхода. Исследователь на страницах своей диссертации «Экологическое сознание в условиях антропологического кризиса» (Волгоград, 1997) впервые обозначает потребность структуризации экологического сознания как самопознание. В рамках своей работы автор резюмирует, что причиной современного экологического коллапса является инновационный технологический прогресс.

Социальную сторону экологического сознания отобразила в своей работе «Экологическое сознание как феномен духовной жизни общества» (Саратов, 2005) Н.В. Феоктистова. Автор выявила на примере г. Саратова конструкцию формирования экологического сознания нынешней городской среды. Л.М. Яо в диссертации «Экологическое сознание российского общества в период трансформации» (Казань, 2005) исследовала духовно-экологическую

составляющую в условиях меняющегося российского сообщества. По мнению автора, фундаментом современного типа мышления является рационально-прагматический подход восприятия модели социоприродного взаимодействия.

На сегодняшний день исследования экологов в Поволжском регионе затрагивают преимущественно вопросы изучения механизмов истощения природных ресурсов, а также разрушительной деятельности общества. Между тем, культурная составляющая в данных исследованиях не является предметом анализа. Первым исследователем в Поволжье, уделившим внимание этническим особенностям экологического сознания, стал Н.В. Морохин. В своей диссертации «Традиционная духовная экологическая культура народов Нижегородского Поволжья» (Москва, 1998) на основе анализа обрядов, а также фольклорных произведений, которые являлись неотъемлемой частью традиционной жизнедеятельности различных этносов региона, автор выделил специфические черты экологической культуры Нижегородского Поволжья. Исследователь выявил в масштабах региона геосистемы, которые традиционно оберегались по культовым соображениям. С точки зрения автора, современная природоохранная практика должна быть эффективной, а для этого выстраивать ее необходимо на основе сложившихся традиций региона.

Анализ региональных исследований доказывает существование целого пласта работ, рассматривающих экологическое сознание в контексте социально-философского направления. В диссертации «Экологическое сознание как предмет социально-философского анализа» (Волгоград, 1999) А.Ю. Барковская изучила культурно-исторические, философские и другие основы формирования и дальнейшего онтогенеза экологического сознания как явления духовной культуры. Она проанализировала причины, обуславливающие становление экологического сознания с классификацией по трем группам: средовые, культурологические и личностные. Религия и миф, с точки зрения автора, являются одной из составляющих формирования экологического сознания.

В.В. Бахарев рассматривает экологическое сознание с позиции его социальных функций и свойств. В своем исследовании «Экологическая культура социума как система» (Саранск, 2000) автор раскрывает механизм формирования экологической культуры, обосновывает ее роль в становлении стабильного развития социума, выделяет тенденции, а также закономерности ее изменения и воспроизводства. Автор обосновывает значение региона в качестве фундаментальной основы эколого-культурной организации сообщества. С точки зрения исследователя, для процесса перехода современной России, а также ее субъектов к стабильному социокультурному развитию необходимо учитывать особенности отечественной духовности и менталитета, фундаментом которых являются национальные традиции.

Отдельным направлением в разработке экологической проблематики стало изучение истории и современного положения экологической культуры. А.Л. Крайнов в диссертационном исследовании «Экологическое сознание: сущность и социально-исторические феномены» (Саратов, 2001) представляет экологическое сознание как целостное явление объективной реальности. Автор исследует строение и роль экологического сознания в информационном сообществе. Исследователь приходит к выводу, что экологическое сознание – это феномен психики индивида, направленное на житейское пространство человека.

Большое число диссертаций по экологической проблематике подтверждает неподдельный интерес научного сообщества к данной теме. К примеру, А.В. Симакина в диссертации «Экологическое сознание в системе культурных отношений» (Саранск, 2005) исследовала экологический элемент культуры в ее историческом, антропологическом и социально-психологическом аспектах. При этом совокупность проявлений экологической культуры автор изучила с точки зрения системной целостности, с одной стороны, а с другой – как часть более глобальной культурной системы. Результатом работы стало выявление значения экологического сознания в системе устойчивого развития общества. В исследовании «Экологи-

ческая традиция башкирского этноса как социокультурное явление» (Уфа, 2005) З.Р. Валиуллина выявила сущность и духовные императивы экологической традиции башкир, а также определила их роль в духовном становлении современной личности. По мнению автора, экологическая традиция – социокультурное образование, являющееся механизмом сохранения, накопления и трансляции из поколения в поколение экологического опыта этноса.

Л.Р. Замалетдинова в своей работе «Экологическое окружение как фактор качества жизни населения (на материалах Республики Татарстан)» (Казань, 2011) приходит к выводу, что формирование экологической культуры жителей региона способствует улучшению качества жизнедеятельности. На основании этого исследователь выделяет направления локального экологического образования и воспитания, учитывающие региональную специфику Республики Татарстан.

Большинство региональных работ носит социально-философский характер, где исследование экологического сознания осуществлялось преимущественно на теоретическом уровне. Так, например, К.Д. Янин в своей кандидатской диссертации «Экологические детерминанты архитектурного пространства (культурологический аспект)» (Волгоград, 2017) обосновывает роль экологической составляющей в повышении комфортности повседневных практик современных городских жителей.

Почти во всех проанализированных работах экологическое сознание определяется как совокупность идей, представлений, убеждений, стереотипов, а также других духовных образований, отражающих и регулирующих взаимоотношения человека с окружающей средой. Иногда под экологическим сознанием понималось одно из проявлений сознания, ориентированное на жизненное пространство человека, направляющее его деятельность на сохранение данного пространства в состоянии экологической стабильности, улучшения экологической обстановки.

Целый ряд региональных диссертационных исследований посвящен экологическому просвещению и образованию: Г.Г. Парфилова «Экологическое воспитание младших школьников в се-

мье» (Казань, 2003), Е.В. Муравьева «Экологическое образование студентов технического вуза как базовая составляющая стратегии преодоления экологического кризиса» (Казань, 2008), М.Е. Яшина «Экологическое воспитание старшеклассников в процессе изучения иностранного языка» (Казань, 2006), И.М. Максимова «Экологическое воспитание студентов педагогического вуза на основе системно-деятельностного подхода» (Казань, 2000), А.В. Хажин «Экологическое воспитание учащихся 6–7 классов на основе прогрессивных идеалов башкирской народной педагогики» (Челябинск, 2000), Н.Х. Нагаева «Экологическое воспитание школьников эстетическими средствами» (Казань, 1994), Г.Х. Хазеев «Экологическое воспитание сельских школьников» (Казань, 2002). В них авторы стремились разработать и внедрить модели экологического воспитания на различных образовательных уровнях.

Заключение

Таким образом, краткий обзор исследований, касающихся развития экологической культуры, экологического сознания и принципов рационального природопользования в Поволжье, показывает, что экологическая проблематика вызывала неоспоримый интерес среди региональных исследователей. Необходимо констатировать, что данный интерес первоначально носил опосредованный характер, поскольку прежде всего этнографы XIX – первой четверти XX вв. акцентировали свое внимание на повседневных практиках населения региона. В середине XX века научные исследования подверглись идеологизации, поэтому экологическая составляющая в культуре волжан интерпретировалась как пережиток прошлого, лишенный смысла. Начиная с 1970-х гг. экологические исследования в Поволжье меняют свои ориентиры в сторону необходимости культивирования ответственного отношения человека к природе.

Исходя из предложенной типологии периодов по изучению экологических представлений в Поволжье можно дать следующие определения экологической культуры:

- этнографический период: экологическая культура – это демонстрация трепетного восприятия природы, благоговения перед ее силами и непоколебимой зависимости от нее;
- технократический период: экологическая культура – совокупность устаревших суждений о природе, не отвечающих реальным потребностям общества в полной мере использовать природные ресурсы на благо его развития;
- экоориентированный период: экологическая культура – способ сосуществования человека и природы, где последняя воспринимается как ценность, поэтому традиции отношения к ней могут стать культурным ресурсом для нынешних и будущих поколений.

По сути, экоориентированный период в практике исследователей Поволжья ознаменовал сознательное стремление человека быть ответственным перед природой и самим собой.

Информация о спонсорстве

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект «Эколого-правовая культура Поволжья: прошлое и настоящее» (МК-3253.2017.6).

Список литературы

1. Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (АИЭА РАН). Ф. 47. Оп. 12. Д. 1664.
2. Габинская А.А. Механизмы и некоторые пути «вхождения» в экологическую культуру // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2008. Т. 181. С. 41–46.
3. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 408 с.
4. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф. Ф. Культ животных у башкир: история и современность. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 306 с.
5. Корнишина Г.А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 156 с.

6. Научный архив ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН). Ф.К.-1. Оп. 1. Д. 391. Л. 61.
7. МАЭ РАН. Ф.К.-1. Оп. 1. Д. 394.
8. Рассказова Н.С. Формирование экологической культуры и трансформация ее в культуру устойчивого развития с учетом региональных принципов экологического права // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №12. URL.: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18846174>.
9. Симоненко Н.И. Экологическая культура в современном социокультурном дискурсе: к определению онтологической сущности экологической культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29. С. 63–67.
10. Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 280 с. URL.: <http://politsociology.okis.ru/sitarov-pustovojtov-socialnaja-jekologija.html>.
11. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / сост. Г.Г. Шаповалова и Л.С. Лаврентьева; по ред. Б.Н. Путилова. Академия наук СССР; Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1985. 344 с.
12. Хусаинов З. Об экологической культуре // Высшее образование в России. 2004. № 9. С. 84–85.
13. Ecological education and ecological culture of the population: Materials of the VI international scientific conference. Prague: Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. 108 p.
14. Krutova L. Modern problems of ecological education and culture in the society development. SHS Web of Conferences. 2016. T. 29. C. 02022.
15. Westermeyer J. Ecological sensitivity and resistance of cultures in Asia. Cross – Cultural Research. T. 13, no 2 (1978): 109–123.

References

1. *Arhiv Instituta ehtnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya Rossijskoj akademii nauk* [Archive Of the Institute of Ethnology and

- anthropology. N.N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences]. F. 47. Op. 12. D. 1664.
2. Gabinskaya A.A. Mekhanizmy i nekotorye puti «vhozheniya» v ehkologicheskuyu kul'turu [Mechanisms and some ways of “entering” into ecological culture]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Proceedings of the St. Petersburg state University of culture and arts]. 2008. Vol. 181, pp. 41–46.
 3. Denisov P.V. *Religioznye verovaniya chuvash. Istoriko-ehnologicheskie ocherki* [The religious beliefs of the Chuvash. Historical and ethnographic essays]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 1959. 408 p.
 4. Ilimbetova A.F., Ilimbetov F.F. *Kul't zhivotnyh u bashkir: istoriya i sovremennost'* [The cult of animals in Bashkirs: history and modernity]. Ufa: IYYAL UNC RAN, 2009. 306 p.
 5. Kornishina G.A. *Ehkologicheskoe vozzrenie mordvy (religiozno-obryadovyy aspekt): monografiya* [Ecological view of Mordvins (religious and ceremonial aspect): monograph]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2008. 156 p.
 6. *Nauchnyj arhiv FGBUN Muzej antropologii i ehnologii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [Scientific Archive FGBUN Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) RAS]. F. K-1. Op. 1. D. 391.
 7. *Nauchnyj arhiv FGBUN Muzej antropologii i ehnologii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [Scientific Archive FGBUN Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) RAS]. F. K-1. Op. 1. D. 394.
 8. Rasskazova N. S. Formirovanie ehkologicheskoy kul'tury i transformaciya ee v kul'turu ustojchivogo razvitiya s uchetom regional'nyh principov ehkologicheskogo prava [Formation of environmental culture and its transformation into a culture of sustainable development, taking into account regional principles of environmental law]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (ehlektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern research of social problems]. 2012. No 12. <http://elibrary.ru/item.asp?id=18846174>.

9. Simonenko N.I. Ehkologicheskaya kul'tura v sovremennom socio-kul'turnom diskurse: k opredeleniyu ontologicheskoy sushchnosti ehkologicheskoy kul'tury [Ecological culture in the modern socio-cultural discourse: to the definition of ontological essence of ecological culture]. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state University]. 2009. No 29, pp. 63–67.
10. Sitarov V.A., Pustovojtov V.V. Social'naya ehkologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. Zavedenij [Social ecology: textbook for University students]. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2000. 280 p. <http://politsociology.okis.ru/sitarov-pustovojtov-socialnaja-je-kologija.html>.
11. *Tradicionnye obryady i obryadovyy fol'klor russkikh Povolzh'ya* [Traditional rites and ritual folklore of Russian Volga region]. Sost. G.G. Shapovalova i L.S. Lavrent'eva; po red. B.N. Putilova. Akademiya nauk SSSR; Institut etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya. Leningrad: izdvo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 1985. 344 p.
12. Husainov Z. Ob ehkologicheskoy kul'ture [About ecological culture]. *Yysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2004. No 9, pp. 84–85.
13. Ecological education and ecological culture of the population: Materials of the VI international scientific conference. Prague : Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. 108 p.
14. Krutova L. Modern problems of ecological education and culture in the society development. *SHS Web of Conferences*. 2016. V. 29. P. 02022.
15. Westermeyer J. Ecological sensitivity and resistance of cultures in Asia. *Cross – Cultural Research*. V. 13, no 2 (1978): 109–123.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Лепешкина Лариса Юрьевна, старший научный сотрудник Управления научных исследований, кандидат исторических наук
Поволжский государственный университет сервиса
ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, Самарская область, 445017,
Российская Федерация
lara_yura@list.ru

Нурова Оксана Геннадьевна, младший научный сотрудник Управления научных исследований, кандидат исторических наук
Поволжский государственный университет сервиса
ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, Самарская область, 445017,
Российская Федерация
oksana.nurova@mail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lepeshkina Larisa Yurevna, Senior Researcher, Research Departments, Ph. D. in history
Volga Region State University of Service
4, Gagarin Str., Togliatti, Samara region, 445017, Russian Federation
lara_yura@list.ru
SPIN-code: 2872-6854
ORCID: 0000-0001-8989-5987
ResearcherID: C-1282-2015
Scopus Author ID: 56020952900

Nurova Oksana Gennad'evna, Junior Researcher Research Departments, Ph. D. in History
Volga Region State University of Service
4, Gagarina Str., Togliatti, Samara region, 445017, Russian Federation
oksana.nurova@mail.com
SPIN-code: 3411-1373
ORCID: 0000-0001-6467-271X
ResearcherID: C-9843-2017

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ПРОИЗВОДСТВО ПРОТИВОТАНКОВЫХ БОЕПРИПАСОВ В СССР НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Балыш А.Н., Хартова Е.С.	12
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КРЕСТИНЫ КАК ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ 1920-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ БАШКИРИИ)	
Галиева Ф.Г.	26
«ОСМНИЧЕЕ» И «ОСМЕННИК» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ПОНЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ XIX ВЕКА	
Завьялов Д.А.	42
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ У КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В 1870–1917 ГГ.	
Абазов А.Х.	69
К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О ПОТРЕБНОСТЯХ НАСЕЛЕНИЯ	
Клинова М.А.	82
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В США В 1794–1917 ГГ.: СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛЕЙ	
Юзликеев Ф.В.	96
НЕОНАЦИСТСКИЕ ТЕОРИИ АНШЛЮСА И РЕАБИЛИТАЦИЯ ИДЕЙ А. ГИТЛЕРА ВО ВТОРОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1945–1975 ГГ.)	
Козьякова Н.С.	119
РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ В Г. КРАСНОЯРСКЕ В 1921–1926 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ»)	
Бершадская С.В., Айснер Л.Ю.	139
ЛИЧНЫЙ СОСТАВ КЛАССНЫХ ЧИНОВ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ В СИБИРИ (ПО СПИСКАМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА 1914–1916 ГОДЫ)	
Храмцов А.Б.	152

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД
РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Кринко Е.Ф.	163
ОБРЯДЫ, ПРАЗДНИКИ И ИГРЫ ЗИМНЕГО ЦИКЛА ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XIX –НАЧАЛЕ XX В. (ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	
Рамазанова З.Б.	184
КУЛЬТ ПРИРОДЫ В ОБРЯДАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА НАРОДА МАРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ В МАРИЙСКУЮ АССР В 1930–50-Е ГГ.)	
Лепешкина Л.Ю.	203
СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ КИНОФИКАЦИИ В ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-Е ГГ.	
Кукаева Д.К.	218

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XIX–XXI ВВ.	
Лепешкина Л.Ю., Нурова О.Г.	233
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	252

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

MANUFACTURING OF ANTI-TANK AMMUNITION IN THE USSR BEFORE AND AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR Balys A.N., Khartova E.S.	12
THE REVOLUTIONARY CHRISTENING AS THE PHENOMENON OF THE SOVIET CULTURE OF THE 1920S (REVIEW OF THE PRESS IN BASHKIRIA) Galieva F.G.	26
«OSMNICHEE» AND «OSMENNİK» IN MEDIEVAL RUSSIA: TO THE QUESTION OF CONSTRUCTION OF CONCEPTS IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE OF THE 19TH CENTURY Zavyalov D.A.	42
THE SOME FEATURES OF REGULATION OF THE SOCIAL CONFLICTS AT THE KABARDIANS AND THE BALKARS IN 1870–1917 Abazov A.H.	69
K. MARX AND F. ENGELS ON THE NEEDS OF THE POPULATION Klinova M.A.	82
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE USA IN 1794–1917: THE SPECIFICITY OF SOCIAL AND POLITICAL ROLE Yuzlikeev Ph.V.	96
NEO-NAZI THEORIES OF THE ANSCHLUSS AND THE REHABILITATION OF THE IDEAS OF A. HITLER IN THE SECOND AUSTRIAN REPUBLIC (1945–1975) Kozyakova N.S.	119
DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL SYSTEM IN KRASNOYARSK BASED ON TEXTUAL EVIDENCE OF “KRASNOYARSK WORKER” NEWSPAPER (1921–1926) Bershadskaya S.V., Aisner L.Yu.	139

STAFF OF COOL RANKS OF POLICE DEPARTMENTS IN SIBERIA (ACCORDING TO LISTS OF THE TOMSK PROVINCE FOR 1914–1916)	
Khramtsov A.B.	152
NATIONAL POLICIES AND STATE TRANSFORMATIONS IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR	
Krinko E.F.	163
RITEs, HOLIDAYS AND GAMES OF THE WINTER CYCLE OF THE MOUNTAINEERS OF DAGHESTAN AT THE END OF THE XIX-BEGINNING OF THE XX CENTURY (ETHNO-ECOLOGICAL ASPECT)	
Ramazanova Z.B.	184
THE CULT OF NATURE IN THE LIFE CYCLE RITES OF THE MARI (BY THE MATERIALS OF EXPEDITIONS TO THE MARI ASSR IN THE 1930–50S)	
Lepeshkina L.Yu.	203
FORMATION OF THE CINEMA SYSTEM IN THE CHKALOV REGION IN THE 1930S	
Kukaeva D.K.	218

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

ECOLOGICAL CULTURE OF THE PEOPLES OF THE VOLGA REGION IN THE HISTORICAL, THNOGRAPHIC AND PHILOSOPHICAL ESTUDIES OF THE XIX–XXI CENTURIES	
Lepeshkina L.Yu., Nurov O.G.	233
RULES FOR AUTHORS	252

Подписано в печать 30.03.2018. Дата выхода в свет 02.04.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 18,52. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP93/017. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.